

Материалы Международной конференции «Маргиналии-2014: границы культуры и текста», Елец (Липецкой обл. России)

5-7 сентября 2014

Тезисы конференции опубликованы: Международная конференция "Маргиналии-2014: границы культуры и текста", Елец (Липецкой обл. России), 5-7 сентября 2014 : тезисы докладов / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр ; редакционная коллегия: М. Ю. Михеев и А. Г. Кравецкий. - Москва : НИВЦ МГУ, 2014. - 128 с.;

Часть тезисов см: «Маргиналы-передвижки» в Елецком университете // ФИЛОЛОГОС. Т 23. № 3. С. 84-102.

<https://elsu.ru/filologos/issues/89/contents/>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Тезисы докладов

1. Е.А. Агеева (Москва). «Дорогой полировщик моей раздражительной ржавчины...»: письма Андрея Быкадорова – лесника Области Войска Донского к Ф.Д. Крюкову
2. Н. М. Азарова (Москва). Как текст из маргинальной Португалии стал прецедентным текстом для культуры 20-21 вв.?
3. С.В. Алпатов (Москва). Польский след в пародийных свадебных «указах»
4. Францишек Апанович (Гданьск, Польша). Между поэтикой и информацией. Заметки о документальном начале в стихах Петра Котова
5. Б.И. Беленкин (Москва). «...Или, став к пролетариям задом, СССР будет весь Сталинградом». («Поэзия сопротивления», 1920-е–30-е гг.)
6. Ю.А. Бирюкова (Шахты). Апология православного духовенства в тюремных записках П.В. Верховского 1922 г.
7. Ф.Н. Блюхер (Москва). Россия: государство, страна или цивилизация?
8. Н.Г. Брагина (Москва). Черномырденки: В поисках жанра
9. Т.П. Будякова (Елец). Проявление маргинальности в изобразительных текстах (на примере карикатур и коллажей)
10. Н.В. Бунтман (Москва). «Куда это вы собрались?» – «Où allez-vous comme ça!» (асимметрия вопросительных и восклицательных предложений в русском и французском языках)
11. М.А. Бурганова (Москва). Литературное творчество художников
12. Виноградов С. Н. (Н.Новгород). Текст как «разумное вещество» ноосферы
13. М. В. Головизнин (Москва). Варлам Шаламов и Борис Пильняк в жизни, в переписке, в афористике
14. С.Л. Гурко (Москва). История, насилие и интенциональность
15. В.Ю. Даренский (Луганск, Украина). Художественные мемуары как экзистенциальное самодотраивание
16. С.М. Евграфова (Москва). Семантико-синтаксические этюды у подножия «Ай-Петри» А.Иличевского.
17. Т.И. Ерохина (Ярославль). Биографический дискурс в русском символизме

18. Светлана Ефимова (Берлин). Записная книжка писателя – текст или антитекст?
19. Анна А. Зализняк (Москва). Маргиналии русской грамматики: презент совершенного вида
20. Е.В. Зименко, А.Л. Лифшиц (Москва). Счастливое возвращение одной пьесы
21. Т.С. Злотникова (Ярославль). Ценности опрокидываются, или Массовая культура уже не маргинальна
22. Б.П. Иванюк (Елец). Пограничное бытие поэтической речи
23. Ю. В. Кагарлицкий (Москва). Суперэрогативные поступки в перспективе становления новоевропейского стандарта поведения: этика, поэтика, семантика
24. О.А. Казакевич (Москва). Рассказы о шаманах в автобиографиях и семейных преданиях автохтонного населения Сибири
25. А.Г. Кравецкий (Москва). Маргиналии на полях рукописных Библий, исправленных по еврейскому тексту
26. О.К. Крамарь (Елец). Опозиция чужой/свой в автобиографическом романе Т.Чурилина «Тяпкатань»
27. Г. Е. Крейдлин (Москва). Рудименты и атавизмы
28. Е.В. Кудрина (Москва). Жанровое своеобразие «Историй из моей собственной жизни» Людмилы Петрушевской
29. И. М. Курносова (Елец). «Неправдоподобность» как «подлинная реальность» языка Е.Замятина.
30. М.А. Кучерская (Москва). Европейская бытовая преступность и ее влияние на русскую жизнь: «Леди Макбет Мценского уезда»
31. Краснова Т.В. (Елец). Город Корьдно: реальность или ошибка палеографа?
32. Э. К. Лавошникова (Москва). Маргинальное в орфографии текстов на русском языке
33. Е.Е. Левкиевская (Москва). «Отпевальные» тетрадки как форма передачи религиозного знания у украинцев Самойловского р-на Саратовской обл.
34. Т.П. Лённгрен (Тромсё, Норвегия). «Котлован» А. Платонова в контексте славянской народной культуры
35. священник Федор Людоговский (Москва). «Затишинская мозаика» – третья часть семейной хроники
36. А.П. Люсый (Москва). Рождение безграничника: аналитичность маргинала
37. Н.В. Максимова (Новосибирск). Пограничье «своего» и «чужого» в тексте
38. Марасинова Е.Н. (Москва). Смертная казнь в России XVIII века: от плахи к покаянию
39. С.А. Мартыянова (Владимир). Эссеистика О.А. Седаковой и «сердцевина целого» в современной культуре
40. О. А. Мещерякова (Елец). Отражение характера перцептивного восприятия мира в дневниковых записях И. А. Бунина
41. К.Л. Митрохина (Москва). Флоренция реальная и символическая в «Декамероне» Дж.Боккаччо
42. М.Ю. Михеев (Москва). Нужна ли текстологии наглядность? Соображения *удобства* при воспроизведении рукописного текста или машинописи на печати
43. А.Б. Мороз (Москва). Как "работают" календарные приметы
44. Г.Г. Москальчук (Оренбург). Алгоритмы природы в структуре текста
45. Е.Н. Пенская (Москва). «Немцы отчасти идиоты, но человечнее французов»: к структуре эпистолярного романа Евгении Тур и Аполлинарии Суловой 1860-1880-х годов
46. Н. В. Перцова (Москва). К типологии текстологических конъектур. Покаянные каноны Г. А. Потемкина и А. В. Суворова – один текст или два текста?
47. Подоксенов А.М. (Елец). Дневник Михаила Пришвина: встреча литературы и философии

48. С.К. Пожарицкая (Москва). Что такое орфоэпия и как с ней бороться
 49. Елена Потехина (Ольштын, Польша). Войново – между староверием и православием
 50. Т.В. Радзиевская (Киев, Украина). Об одном случае рецензирования в контексте научного дискурса XIX в.
 51. Е.Э. Разлогова (Москва). Об интерпретации нестандартных вариантов перевода
 52. А.И. Резниченко (Москва). К истории "несбывшихся событий": Сергей Раевский и его стихотворный цикл "Венец лета"
 53. О. Г. Ровнова (Москва). «Повесть и житие» старообрядца из Южной Америки как явление современной литературы и памятник русского диалектного языка
 54. Ирина Савкина (Тампере, Финляндия). «Делать жизнь -- с кого? : эго-тексты как феномен массовой культуры»
 55. И. В. Семенов-Басин (Москва). Динамика сакрального в пограничной ситуации: старообрядческая Церковь в 1917 году
 56. С.Ю. Семенова (Москва). В поисках новой языковой игры
 57. Е.Г. Серебрякова (Воронеж). Книга-отчёт о суде над диссидентом в литературно-публицистическом наследии нонконформистов
 58. С. С. Сидорков (Елец). Особенности ведения виртуальных дневников
 59. С.А. Сионова (Елец). ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА В.М.Безобразова – документ эпохи 1914-1917 гг.
 60. И. Ю. Смирнова (Москва). Митрополит Московский Филарет и его контакты с английскими богословами (по материалам их переписки, дневников и мемуаров)
 61. Е.В. Сулова (Нижний Новгород). «Веселая наука» Ж.-Л. Годара: сценарий экспериментального кино как объект лингвистического исследования
 62. Н.Т. Тарумова (Москва) Неизвестное рядом. Архивные исследования
 63. А.В. Уланова, М.И. Алехин (Москва). Воспоминания о Первой мировой войне старшего врача 221 пехотного Рославльского полка Тихона Фаддеева
 64. И.С. Урюпин (Елец). «Маргинальные» жанры в творчестве М.А. Булгаков
 65. Н.А. Фатеева (Москва). Что входит в понятие языковой креативности?
 66. Л.Л. Федорова (Москва). Два «мемориальных проекта»: Вера Прохорова «Четыре друга на фоне столетия» (проект Игоря Оболенского) и «Бриттен» (К столетию со дня рождения Бенджамина Бриттена): к характеристике жанра
 67. Хашимов Р.И. (Елец). Идеи князя Трубецкого Н.С. и современность
 68. С.Ф. Членова (Москва). Художественная критика как симбиоз науки и искусства
 69. И.А. Шаронов (Москва). Убеждать и клясться.
 70. А.Д. Шмелев (Москва). Ошибка или семантический сдвиг?
 71. Е.Я. Шмелева (Москва). Сложные слова в Интернет-коммуникации
 72. И.О. Щедрина (Москва). Дневник как эпистемологическое основание исторического исследования («История историка» А.Я. Гуревича)
 73. Т. Г. Щедрина (Москва). Проблемы текстологии философских маргиналий (опыт культурно-исторического исследования)
- И. В. Яковлева (Ульяновск). К вопросу о славянском влиянии на семантику глаголов речемыслительного действия в языке идиш

Предисловие

Международная научная конференция, организуемая НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова, Институтом русского языка РАН им. В.В. Виноградова, Кафедрой славянского языкознания Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша), Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина и Научным журналом «Филоlogos», – объединяет интересы филологов, историков, искусствоведов, культурологов, переводчиков, фольклористов, археографов, философов и психологов – как исследователей, так и преподавателей, занимающихся изучением рукописных источников. Она ставит перед собой проблемы изучения периферии русского культурного пространства. Основным предметом обсуждения на ней является текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин (текст дневниковый и биографический, дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары, эго-нарратив, житие, чужое слово в тексте), а также проблемы подлинности текста и достоверности его источников.

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласты явлений оказываются маргинальными, попадают на «ничейную» территорию, находясь между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Между тем анализ подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. Это уже четвертая подобная конференция. На прошедших ранее (2008, 2010, 2012 гг.) было заслушано более 250 докладов (в том числе около 40 иностранных участников).

Первая проходила в 2008 году во Владимиро-Суздальской Руси – в Юрьеве-Польском, городе, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшимся окраиной.

Вторая, в 2010 году – в Каргополе – на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов. Обойденный железной дорогой, этот город стал центром, который и по сей день не могут миновать любители архитектуры Русского Севера.

Третья, в 2012 году, в Касимове – городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая конференция прошла в Ельце – одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси в XI веке и ставшем надежной крепостью на границе двух цивилизаций – лесной, земледельческой и степной, кочевой. В XIV веке на самой границе с Золотой Ордой возникло Елецкое княжество, защищавшее русские политические

торговые интересы в этом окраинном регионе. В конце XVI века, после разрушения города в 1395 году войсками Тамерлана и в 1414 году татарами, Елец был возрожден на границах единого Русского государства и стал крупнейшим форпостом на степном пограничье, участником войны с крымскими татарами в XVII веке, опорным градом в процессе объединения территорий Центрального Черноземья.

Приграничные история и культура Ельца соответствуют замыслу конференции и обосновывают место ее проведения.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Кафедра славянского языкознания Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Научный журнал «Филоlogos»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, границы культур, маргинальное в тексте, говорящий, пишущий, рассказчик, повествователь, адресат, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, «свое» и чужое слово, подтекст, несобственно-прямая речь, проблемы подлинности текста

СЕКЦИИ И ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

- 1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.
- 2) Текст на границе художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин. Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары.

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Б.П. Иванюк, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, главный редактор журнала «Филоlogos»

Е.А. Потехина, доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий сектором славянского языкознания института восточнославянской филологии гуманитарного факультета Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)

О.А. Казакевич, кандидат филологических наук, зав. лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Н.Н. Перцова, доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Е.Э. Разлогова, доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Т.А. Полякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого госуниверситета (секретарь оргкомитета)

Тезисы докладов

Е.А.Агеева(Москва)

«Дорогой полировщик моей раздражительной ржавчины...»: письма Андрея Быкадорова – лесника Области Войска Донского к Ф.Д.Крюкову

Переписка и дневниковые записи Андрея Быкадорова – лесника Войска Донского и преданного почитателя творчества Ф.Д. Крюкова – позволяют говорить о незаурядности его личности и ярком даровании, выросшем из самой глубины донской стихии. Быкадоровы – распространенная фамилия, особенно у старообрядцев Дона и Кумылги. Носители этой фамилии и в настоящее время живут в этих местах и на Нижней Волге. Искусным иконописцем был уроженец хутора Севастьянов Ростовской области С.Т. Быкадоров (1922-2011), написавший и отреставрировавший немало икон для Рижской старообрядческой Гребенщиковской общины. Но о жизни Андрея пока удалось узнать, крайне мало. Не дали результатов и разыскания в Военно-историческом архиве. Жил он в станице Глазуновской, где и Крюковы, недолго учился у сестры писателя Марии Дмитриевны. Всем сердцем был предан этой семье и прежде всего другу и учителю Федору Дмитриевичу. Сохранившиеся в РГБ около 30 писем [ОР РГБ. Ф. 654. К.3. Д 43. Номера листов приводятся в тексте] написаны в 1907-1912 гг. К этому же времени относятся и записи дневника, почти без указания точных дат. По происхождению Андрей Быкадоров – старообрядец, воспитанный на строгом церковном богослужении, апокрифах и сказаниях. Предки его были последователями беглопоповства, то есть признавали священство, переходящее к старообрядцам из официальной церкви. Согласие не имело епископов и объединяющего центра, но присоединяться к более многочисленной и мощной Белокриницкой иерархии не желало. Как становится понятно из записей Андрея, они были также «необщинниками» – не признавали известный Указ 1906 г. о необходимости регистрации религиозных общин. История рассеянных по России беглопоповцев второй половины XIX – начала XX вв. мало известна, и, тем более, тех из них, кто избегал какой-либо государственной регламентации в отношении веры. Крупицы сведений, приведенных Быкадоровым о церковно-бытовых традициях, представляются важным источником для изучения старообрядчества Дона. Но сам он, как и многие казаки его поколения, уже отходили во многом от строгих заповедей, что отчетливо прослеживается в его письмах. Под впечатлением известных романов «В лесах» и «На горах»

Быкадоров отмечает: «Столько много пропадает дорогого материала, сходственного с Мельниковым-Печерским, хлыстовщиною, из быта старообрядцев. И тот материал, хоть несколько собрать в кучу, не мудрено. Только свободного времени нет, и когда я буду ни от кого не зависеть, тогда соберу. Этот дорогой жизненный материал, столь загрубел он в такое время, когда люди, не останавливаясь ни перед чем, уже по воздуху летают, как птицы, а те далеко остались не только в смысле рабочей культуры, но даже в веровании. Социальное учение Христа в их же голове перетолковывается в юродство, деспотичное учение. Как бы собрать это в кучу и послать Вам для обработки. И эта заветная мечта не дает мне покоя». (Л.11). Страстью Андрея было чтение. Огромное влияние в этом отношении на него оказала семья Крюковых: «Я читаю книги по-прежнему, беру их у Марии Дмитриевны. Недавно прочел «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, так повлияла и запала мне в душу, что и во сне брежу ей, но жаль, что вас у нас нет». (Л. 22 об.) Чтение не просто увлекало Быкадорова, но и преображало его, заставляло мыслить. Быкадоров пишет наставнику: «Здоровье мое расстроено, настроение скверное, жажду чтения да учения, а некогда читать, не нахожу времени обедать, и во время праздничного отдыха нахожусь с книгой. Отдыху мало и праздников, и это чтение не удовлетворяет меня, как что-нибудь прочитано, но некогда обдумать и оценить прочитанное, позаимствовать. Взять в голову...» (Л.5). Стремление собрать интересный материал приводит Быкадорова к своеобразному эксперименту: «Свел было знакомство с одной модисточкой, очень недурненькой и не без интересу. Хотелось проследить её нерв. Но жена засучила рукава выше локтя и говорит: «Я махну, от неё ничего не останется». Я говорю: «Дура, я хочу из этого извлечь вот чего...». – «А я вижу тебе молодятины захотелось...» (Л. 18). Часть его рассказов было не только воспринято Ф. Д. Крюковым, но и вошло в его прозу. Опыт этого тесного сотрудничества, несомненно, важен для понимания процесса творчества писателя.

Агеева Елена Александровна
н.с. Музея истории МГУ имени М.В. Ломоносова

* * *

Н.М.Азарова(Москва)

Как текст из маргинальной Португалии стал прецедентным текстом для культуры 20-21 вв.?

Фернандо Пессоа (1888-1935) – основной автор португальской литературы нового времени, по существу создавший новую португальскую поэзию как

таковую. Пессоа выступал под большим количеством гетеронимов; общее количество гетеронимов 72, большинству из которых соответствует самостоятельный поэтический стиль и отдельная сконструированная личность с собственной биографией и социально-культурной идентичностью.

Случай с Пессоа почти беспрецедентен – тексты поэта из маргинальной страны становятся во второй половине 20 – начале 21 вв. прецедентными не только для европейской, но и для американской литературы. В то же время великие современники-испанцы, например М. Унамуно, не обращали на Пессоа никакого внимания, что демонстрирует характерное отношение метрополии к тексту из маргинальной страны. В роли культурной метрополии по отношению к Португалии выступала сначала Испания, а потом Америка. А. Гинзберг пытается оспорить значимость Пессоа именно на основании маргинальности португальского языка и Португалии как страны.

Гетеронимию Пессоа можно рассматривать и как преодоление положения отдельного поэта маргинальной страны. Гетеронимия – это не только способ множественной субъективации, но и пример единоличного создания целой национальной литературы, способ заселить пустое пространство литературы и иной способ обретения эпичности. Одна из составляющих этого превращения – доктрина Пятой культурной империи: поэт из маргинальной страны мыслит маргиналию не только как прошлую, но и как будущую империю, в данном случае культурную. Его космополитический национализм подразумевает, что маргинал-националист (националист маргинальной страны), чтобы осуществить национальную идею, должен быть космополитом. Именно космополитизм дает ему возможность заявить всемирно о существовании своей маргинальной страны.

Пример Пессоа позволяет расширить диапазон параметров, которые традиционно выделяются для определения статуса прецедентных текстов в культуре: так, текст «Морской оды» Пессоа (1915 г.) опознается как прецедентный не только и не столько по словесной, форматной или формально-стиховой моделям, сколько по модели конструирования субъекта, по типу саморепрезентации личности поэта в литературе, а также по вписанности в философскую литературу. Особое значение приобретает языковая (дискурсивная) модель – модель отношения к языку, модель выстраивания образа языка, которая у Пессоа частично основана на принципах межъязыкового взаимодействия.

Особенностью поэтики Пессоа является его билингвизм (английский и португальский), поэт воспитывался в Южной Африке и написал значительное количество стихов на английском. Текст билингва Пессоа имеет больше шансов стать эталонным в условиях глобальной культуры. Его билингвизм и выход за пределы одного языка функционирует как модель прецедентного текста, а многоязычие рассматривается как способ субъективации. Соотношение маргинальности и космополитизма Пессоа отражается и в рефлексии над выбором второго языка, в частности, в предпочтении английского испанскому как расширению адресной аудитории. В то же время у Пессоа английский (чужой, иной язык), предстает как «странный», дающий неизвестные возможности. Особую значимость при обретении статуса прецедентных текстов приобретает сам факт наличия поэтических книг, написанных билингвом Пессоа на английском языке. Само наличие их в сознании англоязычных читателей позволяет воспринимать текст перевода на английский как вариант оригинального текста.

Азарова Наталия Михайловна

д. филол. н., проф., в. н. с. Института языкознания РАН

* * *

С.В. Алпатов(Москва)

Польский след в пародийных свадебных «указах»^Ш

Регулярно фиксируемые в составе современного свадебного обряда [5] рифмованные пародии на юридическую и деловую документацию (указы, акты, инструкции, технические паспорта и т.п.) имеют многовековую предысторию [11].

Характерно, что на обозримом отрезке бытования – от переводных реестров рубежа XVII–XVIII вв. [6. С.72–76] и до аутентичных фольклорных раешников 1850-х [3] и 1920-х [1] гг. – «родимые пятна» польского происхождения текстов данного типа устойчиво сохраняются: «Жил я в Польше – не было меня больше» [3. С.574], «Прислан указ из Польши, нет его больше» [3. С.575; 1. С.108] (ср. близкие рифменные пары в эпистолярном контексте «Нельзя больше... хоть бы в Польше» [2], в театральной интермедии «Бабица Варвара, нет ее старе» [9. С.668]). Связь

рифмованных свадебных указов с переводными стихотворными жартами, подтверждается и другими образными и мотивными соответствиями (ср. версии пародийного парафраза «Мир ти, Агафья!» [4. С.46; 3. С.578–580]).

Вне исследовательского внимания остались два списка второй половины XVIII в. переводной пародии «Свадебный договор в Силезии» [7; 10]. Строки двучастного указа, обращенного к жениху и невесте, сопровождают фарсовые эпифоры «сверху и снизу», «сзади и спереди»:

«Высокопочтенные господа – сверху и снизу,
Добродетельные госпожи – сзади и спереди».

Аналогичный прием пародирования отмечен нами в студенческой среде МГУ начала 1990-х гг. Строки известной песни «Дан приказ ему на запад» сопровождали, чередуясь, эпифоры «в пятницу» – «в задницу».

Несмотря на сугубо бытовой характер юмора «Свадебного договора в Силезии», нельзя вовсе исключать связь данного пародийного текста с политической сатирой времен Силезских войн (1740–1763 гг.), поскольку и через полвека метафорика «брачный контракт / военно-политический союз» оставалась вполне актуальной. Так в 1806 г. Гарденберг из Бреславля, опасаясь, что информация может быть перехвачена французами, частным письмом (на имя девицы Каролины Гейнзиус) сообщал Штейну в Кенигсберг о ходе переговоров с Россией: «Любезная сестра! Спешу известить тебя, что наш добрый отец <король> намерен дяде <Александру I> переслать по верной okazji брачный контракт <союзный договор>; таким образом, брак нашей любезной Амалии <Пруссии> должен скоро и наверно состояться. Не говори там нашим ничего об этом: отец хочет, чтобы все осталось в тайне, пока дядя всем не распорядится» [8. С.91].

Литература

1. Бломквист Е.Э. Свадебные указы Ростовского уезда // Художественный фольклор. М., 1927. Вып.2–3. С.103–111.
2. Измайлов А.Е. Письмо Цертелеву Н.А. СПб., 3 января 1824 г. // Российский Архив. М., 1994. Т.1. С. 35.
3. Литературное наследство. М., 1968. Т.79. Песни, собранные писателями.
4. Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. СПб., 2008.
5. Матлин М.Г. Письменные документы как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С.180–195.
6. Николаев С.И. Польская поэзия в русских переводах XVII–XVIII вв. Л., 1989.

7. НИОР РГБ. Ф.353. Ед.хр.25. 1772 г.
8. Орлов Н.А. Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии. СПб., 2003. С.91–151.
9. Пьесы любительских театров. М., 1976.
10. РО ИРЛИ. Ф.265. Оп.3. Ед.хр.9. 1792 г.
11. Трахтенберг Л.А. Пародийные челобитные в русской рукописной литературе XVII–XVIII вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды III Международного конгресса. М., 2007. С.686–687.

Алпатов Сергей Викторович, к.ф.н.,
доцент филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

* * *

Францишек Апанович(Гданьск, Польша)

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ИНФОРМАЦИЕЙ.

ЗАМЕТКИ О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАЧАЛЕ В СТИХАХ ПЕТРА КОТОВА

Петр Харитонович Котов, русский поэт-эмигрант, в своем роде исключительная личность. Он, так сказать, эмигрант-одиночка, не попавший ни в одну из волн русской эмиграции, а приехавший в рамках репатриации его жены польки. Родился он 25.8.1919 года чуть южнее Урала, в селе Покровка, Абдулинского района, Оренбургской области. Окончив Абдулинское педучилище, в 1939 году он был направлен учителем в школу, а в 1940 – призван в армию. Служил на Украине, в городе Жмеринка. В 1941 году он был арестован органами госбезопасности по делу «О троцкистско-бухаринской группе под руководством Ивана Макридина и Петра Клыкова» и осужден Военным трибуналом по 58 статье на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Сначала был направлен в лагеря Оренбургской области, а затем в Коми ССР, работал в лагерях Воркуты, Инты, Котласа, Адака. По окончании срока наказания в 1951 году он был выслан на «вечное поселение» в Красноярский край, в поселок Маклаково. Там познакомился с польской девушкой Аней из Вильнюса, связисткой подпольной Армии Крайовой и участницей Варшавского восстания, на которой вскоре женился, и у них родились две дочери. В 1957 году оба с Анной были реабилитированы и после долгих колебаний решили ехать в Польшу. После приезда в Польшу в

1958 году Петр Котов поступил в Варшавский университет на русскую филологию, по окончании которой начал работать в Институте русской филологии Гданьского университета на должности старшего преподавателя, где проработал до пенсии.

Стихи П. Котов начал писать еще во время учебы в Абдулинском педучилище, но печататься начал в Польше, где была почти такая же политическая цензура, как и в СССР, поэтому печатать стихи Котова, в значительной массе посвященные лагерным переживаниям, было не просто. Первый сборник его стихов, *Вечный огонь*, на русском языке, был издан в 1973 году – *полулегально*, при помощи ротапринтной техники, в Гданьской судоверфи. Но уже в 1979 году первые польские переводы были напечатаны в ежедневной газете «Дзенник балтыцки», а с 1980 года начали выходить очередные сборники его стихотворений, всего восемь, в том числе четыре – на русском и польском языках. Кроме того, в 1998 году была выпущена в переводе на польский язык книга воспоминаний, а в 2000 году, в год смерти Котова, вышел, в свою очередь, сборник его переводов на русский язык польских поэтов *На устах*.

Стихи Котова переводили в Польше и профессиональные переводчики, и поэты, и его коллеги русисты из Гданьского университета, особенно литературоведы, и даже талантливые студенты. Нередко появлялись заметки и небольшие статьи о его поэзии, и почти все авторы сходились на том, что стихи очень достоверны, точны, убедительны. Некоторые отмечали художественные качества его поэзии, подчеркивая, например, как известный писатель Збигнев Жакевич во вступительной статье к одному из сборников, ее близость к винокуровской линии, «склонной к философским обобщениям, далекой от праздных фраз», но и обращали внимание на традиционализм поэтики Котова, ее укорененность в девятнадцативечной поэзии, хотя никто не упрекал его в эпигонстве. Очень меткое ее определение дал поэт и ведущий польский критик Анджей Кшиштоф Васькевич, отметивший, что основная оснащенность поэзии Котова почти постоянна, в стихотворениях, возникших в разные периоды, нет каких-либо формальных различий, и что поэт всегда предельно верен своему жизненному опыту, ничего не придумывает, не мифологизирует, его стихи представляют собой тщательную реконструкцию событий и лагерных реалий. И это критик считает самым ценным.

В самом деле, в стихах Котова налицо установка на конкретные детали, события, переживания, с ярко выраженной заботой об убеждении читателя в том, что это и есть то конкретное, что взято из самой жизни. Показательны в этом отношении его прямые высказывания о своих стихах, которые он нередко считает отчасти документальными. Так, например, комментирует он в своей мемуарной книге стихотворение *В больнице*, о котором говорит, что оно «имеет как бы документальную основу» и затем цитируя его, уточняет некоторые детали, о которых в стихотворении написано чуть иначе, чем

было в действительности, потому, что надо было сохранить рифму. Это ярко показывает, что на первом месте в стихах Котова стоит документальное начало, а эстетическое имеет лишь вспомогательный характер. Его стихи находятся как бы на пересечении эстетики и документа, художественного и нехудожественного в тексте.

Апанович Францишек (Антонович),
доктор филологических наук, профессор
Гданьского университета

* * *

Б.И. Беленкин(Москва)
«...Или, став к пролетариям задом, СССР будет весь Сталинградом».
(«Поэзия сопротивления», 1920-е–30-е гг.)

Поэтическое творчество участников оппозиционных движений (анонимы, эпоха 1926-29 гг.) и отдельных граждан (1934/35 гг.) в материалах Центрального архива ФСБ РФ.

Общая характеристика: формы и жанры, проблемы авторства, объекты переделок (А.К.Толстой, М.Лермонтов, частушки и др.). Способы и среда распространения. Исторический и культурный контексты. Путь от оппозиционной фронды к "террористическим намерениям". Изменение отношения "органов" (ОГПУ-НКВД) к "поэзии сопротивления": в 1920-е гг. - любопытный казус, через несколько лет – основная улика... Судьбы авторов.

Другие проявления "творческого сопротивления": специфические формы переработки реальностей эпохи 1920-х – первой половины 1930-х гг. (живопись, инсталляции, театрализованные инсценировки, психотехника...). Особое внимание высшего руководства страны (в первую очередь Сталина) к "казусным" сюжетам следственных дел.

Среди конкретных примеров: переделка поэмы А.К.Толстого "Поток богатырь" сторонником зиновьевской оппозиции (Москва, 1926 г.), "троцкистские" частушки "Золотистый-золотой" (Одесса, 1928/29 гг.), антисталинская "Колыбельная" – переделка из М.Ю.Лермонтова (Москва, 1934/1935).

Борис Исаевич Беленкин
Зав. библиотекой Общества "Мемориал"*, Москва
*(Организация признана иностранным агентом)

* * *

Ю.А.Бирюкова(Шахты)

**Апология православного духовенства в тюремных записках
П.В. Верховского 1922 г.**

П. В. Верховский (Верховской) (1879–1943) – историк и канонист, видный церковный и общественный деятель начала XX в.; автор работы, принесшей ему широкую известность, – «Учреждение Духовной коллегии и “Духовный регламент“: К вопросу об отношении Церкви и государства в России». По его мнению, реформа Петра была началом правового подчинения Церкви государству и приспособления ее к нуждам и задачам чисто мирским и светским. Верховский – автор проекта определения Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви, принятого Поместным Собором 1917-18 гг., участник Юго-Восточного русского церковного Собора в Ставрополе в 1919 г., член Временного Высшего Церковного Управления на Юге России. 19 сентября 1920 г. в Ростове-на-Дону принял священный сан.

Адресат и условия появления записок. 12 июля 1921 г. П.В. Верховский был арестован по искусственно созданному обвинению в принадлежности к «контрреволюционной организации князя Ухтомского» (К.Э. Ухтомского не следует путать с епископом Андреем (Ухтомским)). В действительности эта организация была создана и контролировалась ЧК. Во время следствия он находился в условиях жесточайшего давления, существенно подорвал здоровье; физические страдания Верховского усиливались моральными – серьезной обеспокоенностью состоянием семьи.

В материалах следственного дела имеется ряд документов – автографов Верховского. Это заявления, показания, записки, излагающие его личные взгляды и обстоятельства жизни. Наиболее интересны две записки (от 8 и 10 февраля 1922 г.), предназначенные представителям органов ГПУ, ведущим следствие по делу Верховского в 1921-1922 г. Одна из них – о политических убеждениях – имеет конкретного адресата – это начальник 6 отделения КРО ОГПУ уполномоченный по борьбе с контрреволюционными организациями И.И. Сосновский.

Цель записок – снятие обвинения в контрреволюционности, как православного духовенства вообще, так и самого Верховского, в частности. В записке от 10 февраля он мысленно переносится в период февральской и октябрьской революций и гражданской войны, выражая своё отношение к происходящему тогда: неоправданные надежды на февраль и настороженность к октябрьским событиям.

Основные идеи записок:

- Церковь по своей природе и задачам аполитична,
- союз Церкви с монархией имел невольный характер и только повредил Церкви, это, по словам автора, *недоразумение, ошибка, привычка,*
- революция – возможность для Церкви быть самой собой,
- положительный итог декрета об отделении Церкви от государства – духовенство, наконец освобожденное от несвойственной роли, может сосредоточиться на чисто духовной жизни, – недоразумение исчерпано; декрет ведёт к оздоровлению Церкви – подрывает «бюрократизм иерархии» и пр.,
- отказ от более раннего принятия Верховским сана объясняется как протест против государственной политики и бюрократизации Церкви,
- автор подчёркивает аполитичность своих мотивов в деятельности (приходской, благотворительной), и настаивает на аполитичной точке зрения в беседах о гражданской войне и положении России,
- вывод из социально-культурной истории таков, что материализм и идеализм находятся в диалектическом единстве, всплеск интереса к религии неизбежен, и поэтому нужно позволить определённой части людей придерживаться идеалистических взглядов,
- подтекст записок – Церковь безвредна для советской власти и может даже быть полезна, предупреждая духовный упадок, а без нравственности невозможны социальные реформы.

Пометы следствия в первой записке говорят о том, что из всего изложенного для самих следователей имел значение лишь факт общения их автора с Ухтомским. В записках Верховский сохраняет свой стиль отношений с советской властью, который проявился в период его сотрудничества с комиссией по отделению Церкви от государства в Ростове-на-Дону – выполнение распоряжений власти и мягкое дипломатичное с опорой на существующее законодательство отстаивание позиций церковного сообщества. Но появились и новые оттенки. Позицию Верховского в период Гражданской войны нельзя назвать аполитичной и неопределённой в отношении власти большевиков, которую он считал несовместимой с нравственностью и свободой.

Бирюкова Юлия Александровна, к.и.н.
ПСТГУ Донская духовная семинария, докторант ОЦАД

* * *

Ф.Н. Блюхер(Москва)

Россия: государство, страна или цивилизация?

Существует как минимум два взгляда на соотношение институтов государственной власти (государства) и территории, заселенной субъектами производственных отношений (страна).

Согласно стандартному представлению, страна является объективно существующей основой жизнедеятельности большой группы людей, а государство — относительно переменчивой надстройкой, проводящей политику в интересах либо какой-то более узкой группы людей, либо населения в целом (например, в случае внешней агрессии). Мы называем этот взгляд стандартным, поскольку он позволяет обществоведам проводить количественный сравнительный анализ различных социумов (территория, население, ВВП, политические режимы и т.п.), на основании которого выносятся оценочные суждения, строятся закономерности и делаются предсказательные выводы. Все эти операции становятся возможными, когда у нас существует стандартный объект исследования, в нашем случае — государство, созданное населением страны. Основное противоречие данного подхода заключается в том, что эмпирические данные (исторические примеры), взятые на основе страноведческих выводов, получены в результате исторических обобщений, созданных на базе тех же самых страноведческих интерпретаций. Именно такой подход нам позволяет утверждать, что Франция, Германия, Украина, Россия, США, Египет и т. д. являются совершенно одинаковыми странами, разница между которыми обусловлена исключительно географическими различиями, политическими системами и незначительными культурными различиями (религией, образованием, «пассионарностью», «исторической травмой»).

Второй подход описан Ф.Броделем в книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.» Согласно этому подходу сравнивать нужно не государства, а миры — экономики, т.е. большие территориальные образования, в которых внутренние экономические связи существенно превышают внешние. В таком случае в

истории Европы можно выделить три стратегии исторического развития. 1. Западная Европа, где основным агентом экономических отношений оказывается город с подчиненным ему местным сельскохозяйственным рынком. 2. Восточная Европа, в которой единицей хозяйственной жизни оказывается сельский магнат с подчиненным ему небольшим городским местечком. 3. Россия, в которой основным двигателем хозяйственного развития оказывается централизованное государство. Данная концепция позволяет объяснить специфику возникновения в Российской империи тяжёлой промышленности с высокой концентрацией пролетариата. Однако, так как задачу сравнения, вынесения оценочных суждений и предсказаний с науки никто не снимал, исторический подход, предложенный Ф.Броделем, приходится дополнять конструированием неких идеализированных объектов. Сам Бродель для исторической реконструкции экономического развития вводит конструкцию «мир — экономика», в других же разделах истории чаще всего используется понятие «цивилизация». Однако у конструкции «особая российская цивилизация» есть один существенный недостаток: в отличие от стандартного страноведческого подхода в нем отсутствуют общепринятые эмпирические характеристики, что существенно снижает возможность применения количественного анализа и не дает тем самым реализовать оценочную и предсказательную функцию науки.

Блюхер Федор Николаевич

к. филос. н., с.н.с.Ин-та философии РАН

* * *

Н.Г. Брагина(Москва)

ЧЕРНОМЫРДИНКИ: В ПОИСКАХ ЖАНРА

Темой доклада станут современные афоризмы, а именно черномырдинки, которые, как кажется, приобрели в интернет-коммуникации статус неоклассики.

Около четырех лет назад ушел из жизни их автор, разрыв между сегодняшним днем и временем высказывания составляет в среднем 10 – 20 лет, однако, пользователи социальных сетей продолжают воспроизводить (постить) подборку *черномырдинок*.

Черномырдинки также опубликованы в нескольких изданиях словарей крылатых слов (Душенко: 1996; 2007); в Википедии им посвящена отдельная

статья; по запросу на слово *черномырдинки* в Яндексе можно найти множество сайтов. Все это позволяет рассматривать эти афористичные высказывания как интернет-неоклассику и соответственно пытаться понять причины их публичной языковой успешности.

Уникальность языковой личности Черномырдина отмечали многие: журналисты, лексикографы, лингвисты. «Черномырдин – абсолютный уникум. При кажущемся косноязычии он порождает глубокие афоризмы. <... > Это образец речи политика, который проговаривает потаенное. При этом это очень смешно» (Кронгауз: 2011). «Проговаривание потаенного», как кажется, выводит на тему искренности политика и формы выражения искренности.

Черномырдинки содержат стилистические погрешности, ошибки в сочетаемости, они зачастую алогичны и тавтологичны, например: *Мы продолжаем то, что мы уже много наделали. Нам никто не мешает перевыполнять наши законы. А страна у нас, хватит ей вприпрыжку заниматься прыганьем. Нас никто не может упрекнуть в том, что у нас хорошие помыслы.* Это отличает их от известных с древних времен афоризмов публичных людей – выраженных литературным языком мудрых, точных, остроумных высказываний.

Черномырдинки отличаются также и от создающих комический эффект стилизаций под неграмотную речь, поскольку собственно игровыми стилизациями они не являются. В них есть искренность и простодушие. По форме выражения их можно отнести к наивным текстам. При этом они точны, афористичны и странным образом имеют отношение не только к моментам прошлого, но и к современности. Они не только угадывают, но и предугадывают современность.

Если следовать идеям Р. Барта, который предлагал выделять две группы социолектов: *внутривластные* (осененные властью) – *энкратические* и *вневластные* (безвластные) – *акратические* (Барт: 1994), то *черномырдинки* содержательно можно отнести к языку власти, а по форме – к языку безвластия. Это создает особый эффект и особый тип контраста.

Черномырдинки – это высказывания по разным политическим вопросам. В них преобладает коллективное «мы»: *Вечно у нас в России стоит не то, что нужно. Курс, он у нас один — правильный. Мы до сих пор пытаемся доить тех, кто и так лежит. У нас какой-то, где-то мы чего-то там, сзади все чего-то побаиваемся.*

Высказывания содержат оценки (как правило, негативные и экспрессивные), с элементами начальственного «распекания»: *Надо же думать, что понимать. И с кого спросить, я вас спрашиваю? Эти там, те тут, а тех до сих пор никто ни разу... Ни то не смогли, ни это не удовлетворили – ничего. У кого руки чешутся - чешите в другом месте! В*

них есть советы, планирование будущего: *Надо всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь. Будем отстаивать это, чтобы этого не допустить. Все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем в одно место.* Много черномырдинок – это самопрезентации их автора: *Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время врасстырку. Все это так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно. У меня вопросов к русскому языку нет.*

В докладе предполагается подробно рассмотреть тему воплощения языка власти в наивных текстах.

Литература

Барт Р. Разделение языков. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. М.: Юристъ 1996.

Душенко К.В. Так говорил Черномырдин, Черномырдин о языке + афоризмы в «тематических» разделах // Зернистые мысли наших политиков. М.: Эксмо, 2007.

Кронгауз М. «Слова теряют смысл». Взгляд.ру (8 ноября 2011).

Брагина Наталья Георгиевна – д. филол. н., проф.
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина; РГГУ, институт лингвистики

* * *

Т.П. Будякова(Елец)

Проявление маргинальности в изобразительных текстах (на примере карикатур и коллажей)

Оскорбления всегда считались нарушением правил общения, особенно ненормативные. Непривычные, нестандартные формы общения людей с признаками маргинальности, не всегда вызывают тот эффект, на который рассчитывал создатель данной формы. Карикатуры и коллажи являются видом искусства. Однако использование некоторых изобразительных приемов при создании данных видов произведений формирует продукт с признаками маргинальности. Восприятие таких элементов создает у воспринимающих чувство неловкости, а иногда и возмущения и отторжения.

В силу этого актуальным являются психологические исследования о выявлении влияния различных средств оскорбления на чувство достоинства человека. В уголовных кодексах большинства стран мира присутствует специальная статья, предусматривающая уголовную ответственность за оскорбление. Однако степень оскорбительности разных средств оскорбления оценивается, как правило, субъективно. Защищать честь и достоинство оскорбленное лицо может и в гражданском судопроизводстве, заявляя иски о компенсации морального вреда. Но степень переживаемого морального вреда из-за публикации оскорбительных изображений современным гражданским судопроизводством также оценивается без опоры на объективные критерии. Жертва оскорбления часто не удовлетворена судебным вердиктом.

Общепризнанно, что одним из видов наиболее оскорбляющих изображений являются порнографические. Однако нет исследований по оценке оскорбительности иных оскорбляющих рисунков. Очевидно, что оценка оскорбительности изображений, в том числе карикатур и коллажей, должна быть предметом судебно-психологической экспертизы. Но ее невозможно провести без предварительного психологического исследования вопроса об особенностях реагирования различных по индивидуальным признакам людей на оскорбительные изобразительные средства. В силу этого одной из целей нашего исследования стало экспериментальное ранжирование разных элементов некорректных изображений по степени их влияния на чувство достоинства личности.

Коротко обобщая **результаты**, выделим наиболее значимые:

1. Все элементы карикатур по оскорбительности были разделены на 4 группы, которые мы назвали: а) тяжкие по оскорбительности, б) средней тяжести оскорбительности, в) малооскорбительные, г) амбивалентные по оскорбительности элементы изображений. К тяжким по оскорбительности были отнесены все изображения непристойного содержания, а также те, где использовались сравнения с одиозными личностями: Иудой, Гитлером и т.п. К изображениям средней тяжести по оскорбительности отнесли изображения оскорбляемых в образах трансвеститов, преступников и др. Малозначительными по оскорбительности были признаны карикатуры и коллажи, где делался акцент на некоторых недостатках внешности или акцент на возрасте, проблемах со здоровьем и т.п. Амбивалентными были признаны элементы изображений, которые обычным человеком не воспринимаются как оскорбительные, а в ряде случаев они признаются даже своеобразным комплиментом. Например, сравнение с известными историческими деятелями (адмирал Нельсон, Наполеон и др.), положительными персонажами народного эпоса (матрешка, медведь, царевна-лягушка и т.д.).

2. Выявлены различия в критериях оценки «мужских» и «женских карикатур». Для женщин наиболее оскорбительными стали изображения, где

они представлены или в непристойном виде или выглядят уродливыми. Изображение мужчины в таком же виде не воспринимается как тяжкое или средней тяжести оскорбление. Кроме того, изображение в образе обезьяны или свиньи для женщины оказалось тяжким оскорблением, а для мужчин в среднем малозначительным.

Проводя дальнейшее изучение проблемы оскорбительности карикатур и коллажей, мы столкнулись с некоторыми дополнительными фактическими обстоятельствами, сопряженными с публикацией карикатур и коллажей в прессе. Это были в известном смысле особые случаи, поскольку как тяжкое оскорбление воспринимались изображения, построенные по типу амбивалентных (по нашей классификации). Однако, как оказалось, в специальных случаях амбивалентные и малооскорбительные в обычном бытовом смысле изображения могут восприниматься как особо тяжкие. Общественным последствием появления такого рода карикатур могут стать даже массовые беспорядки.

Первый факт, подтверждающий этот тезис, – это массовые протесты в мусульманском мире в связи с публикациями в 2005 и 2007 годах в Дании и Швеции карикатур на Пророка Мухаммеда, получившие название «карикатурная война». Мнения, публикуемые в европейской прессе, стимулировали дальнейшую эскалацию конфликта. Европейские СМИ высказывались в пользу свободы слова и свободы искусства и не обращали внимания на проблему психологического восприятия карикатур представителями мусульманского сообщества.

Второй факт, послуживший поводом к продолжению нашего исследования – это выступления верующих православных христиан против выставок современного искусства (2003 г. – г. Москва, Россия, 2012 г. – г. Киев, Украина), на которых выставлялись картины с использованием образов православных святых и общехристианских образов, но изображенных в карикатурной или коллажной формах. Верующие восприняли экспонаты выставок как надругательство над христианскими святынями, как оскорбление чувств православных верующих.

Будякова Татьяна Петровна, к. психол. н.

зав. каф. психологии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина

* * *

Н.В.Бунтман(Москва)

**«Куда это вы собрались?» – «Où allez-vous comme ça!»
(асимметрия вопросительных и восклицательных
предложений в русском и французском языках)**

Пунктуация обычно находится на периферии лингвистических исследований. Однако пунктуационные знаки в конце предложения свидетельствуют о коммуникативной целеустановке говорящего. В письменной речи один и тот же «диктум» при его различном конечном пунктуационном оформлении приобретает различные модальные окраски.

В 2013 году коллективом, состоящим из программистов и лингвистов, была создана база данных глагольных конструкций на основе текстов параллельного русско-французского корпуса (вошедшего в НКРЯ). Материалом для корпуса послужили французские переводы русской классической литературы. Новый программный продукт позволил сделать выборку выровненных предложений, где наблюдается несоответствие между повествовательным, вопросительным и так называемым «побудительным» предложениями, иначе говоря, там, где есть формальная асимметрия между конечными пунктуационными знаками. Мы выявим случаи, где русскому вопросительному предложению соответствуют все варианты «невопросительного», и, соответственно, где такая же асимметрия происходит с восклицательными конструкциями.

Подобное расхождение было отмечено В.Г.Гаком, но анализ различных коммуникативных целеустановок производился на самых частотных ситуациях, таких как например, несовпадение утвердительного и вопросительного предложения в запросе о местонахождении объекта:

Как пройти к Лувру?
Le Louvre, s'il vous plaît.

Или в случае побуждения к действию, когда во французском языке вопросительная конструкция используется как дополнительный элемент вежливости:

Помолчите, пожалуйста!
Voulez-vous taire, s'il vous plaît ?

Таким образом, при отсутствии корпуса можно лишь составить лишь некоторый список двуязычных «прагмем». В данном случае, речь идет не только об языковой асимметрии коммуникативных установок, но и об интерпретации текста переводчиком.

Дополнительная трудность, частично объясняющая такую асимметрию, заключается в том, что в основном восклицательные и вопросительные предложения в письменном тексте находятся в диалогах, то есть в письменном отражении устной речи, где средствами пунктуации выражается аффективная просодия. В данном исследовании предлагается, во-первых, построить типологию несоответствий вопросительных и восклицательных

предложений, во-вторых, проанализировать системные и контекстуальные факторы, вызывающие изменения модальности конструкции, и, в-третьих, разобрать наиболее интересные случаи подобных семантико-синтаксических трансформаций.

Бунтман Надежда Валентиновна, к.филол.н., доцент
факультета иностранных языков
МГУ им.М.В.Ломоносова

* * *

М.А.Бурганова(Москва)

Литературное творчество художников

Одна из маргинальных форм многообразного и разнонаправленного литературного пространства XX века – непубличные тексты и надписи в контексте произведений изобразительного искусства.

Казалось бы, тема текстов, судьба которых определялась вечным хранением в письменных столах, обсуждалась многократно. Этот круг объединяет множество массовых явлений от дневников и путевых заметок, до школьных сочинений и личных писем. Существуют и особые форматы, например, литература андеграунда. Однако этот термин сразу придает тексту некоторую политизированную ауру и «привязывает» его к социально-политической литературе, к произведениям, связанным с низовой, смеховой культурами, с ненормативной лексикой.

В стороне от этих многогранных явлений стоит особая группа произведений, созданных в виде непубличных текстов не связанных с личной историей, политической тематикой или идеей противостояния. В России новая волна этого вида литературы поднялась в 70-х годах XX столетия. Речь не идет о мемуарной литературе и дневниках, но о текстах, которые возникли как особая форма творческой деятельности.

Непубличные тексты стали своеобразным отражением существования нового культурного пространства, пришедшего на смену оттепели, аккумулировав новую эстетику общества, стремление к философии и аналитике, обособленность и эксклюзивность. Но главное – личностное переживание.

Среди создателей непубличных текстов этого периода самая многочисленная группа – художники. Литературный текст как воспроизведение эстетической концепции мы встречаем у П. Пикассо, Х.Арпа, Э.Барлаха, О.Розановой, К. Петрова-Водкина. Этот список можно

продолжить именами наших современников, чьи литературные произведения стали особо заметным явлением в 70-е годы. Тексты А.Бурганова, Д. Пригова, В. Голявкина, Л. Пурыгина, В.Пивоварова по сути начинались как объекты непубличной литературы.

Художник и писатель, создающие текст, совершенно по-разному относятся к нему. Писатель все-таки исподволь ориентирован на публичность своего произведения. Пусть в форме растиражированных под копирку листов. Художник же постоянно находится в окружении произведений, которые были показаны, может быть лишь однажды на выставке, или не представлены никому вообще. Многие вещи создаются им без расчета на публичность и не покидают пределов его творческой лаборатории. Практически все хранят десятилетиями эскизы, зарисовки, формируя тем самым индивидуальное мироздание, внутри которого и рождается тот особый непубличный текст. Но текст этот не относится к разряду черновиков или эскизов, как бы короток он ни был, как бы бегло, несвязанно, отрывисто не сосуществовали в нем строки, слова, образы. Такой текст всегда есть законченное художественное произведение, порой даже манифест, концепция, и авторы представляют его, пусть в избранном узком кругу, именно так.

В 80-90 годы вновь обострился интерес к литературным чтениям. Немногочисленные слушатели собирались в творческих мастерских, где читались тексты, и происходило их спонтанное обсуждение. Своим завершение подобные литературные встречи порой находили в изданиях, выпущенных эксклюзивными тиражами в количестве буквально нескольких штук. Скорее, это особая форма авторской книги, и в данном случае - книги художника, существующей, благодаря «нетиражности» текста, в форме уникального экземпляра. Текст в определенном смысле, стал равен произведению искусства, подлиннику, заключенному в переплет, как в багет.

Бурганова Мария Александровна – доктор искусствоведения
профессор, МГХПА им. С.Г. Строганова

* * *

Виноградов С. Н.(Н.Новгород)

Текст как «разумное вещество» ноосферы

В.И. Вернадский охарактеризовал биосферу как объект изучения, используя понятие «живое вещество» [Вернадский 2004: 244 - 245]. Примеры проявления ноосферы (сферы разума), приводимые В.И. Вернадским, также носят «вещественный» характер: создаваемые людьми в огромных масштабах самородные железо и алюминий, искусственные химические соединения, искусственно созданные новые виды и расы животных и растений [Вернадский 2004: 481]. Будем рассматривать тексты как часть природного вещества, вовлечённого в круговорот человеческой деятельности. Тогда тексты являются разновидностью «разумного вещества» (название, предложенное нами по аналогии с «живым веществом»).

Текст можно рассматривать как «вещество» (материальное образование) постольку, поскольку он имеет план выражения. В этом качестве текст обладает некоторыми специфическими свойствами.

П.А. Флоренский утверждает: «...Есть много данных, правда, ещё недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, переработанных духом, например, предметов искусства» [Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского 1989: 198]. Эта особая стойкость, проявляющаяся в долговечности существования рукописей, книг, картин, икон и т.д., обусловлена тем, что носители культуры берегут эти предметы, обеспечивая им условия сохранности, близкие к оптимальным. Это качество не обусловлено физическими или химическими свойствами сохраняемых артефактов. Особая стойкость предметов культуры, в частности текстов, - одно из особых свойств «разумного вещества».

Другая причина сохранности текстов – наличие знакового процесса, предполагающего бесконечную интерпретацию символов [Пирс 2000: 217]. Во-первых, это проявляется в тиражировании произведений письменной культуры – в их переписывании и размножении техническими средствами (это аналогично рождению новых индивидов на основе передачи наследственной информации). Во-вторых, тексты могут выступать как прецедентные феномены, видоизменяться в составе новых произведений культуры (ср. судьбу «Слова о полку Игореве»). Эта изменчивость прецедентных текстов до некоторой степени подобна мутациям «живого вещества», но неизмеримо сильнее и быстрее биологической изменчивости и, по-видимому, является важным свойством «разумного вещества».

Текст как знаковое образование изучается методами лингвистики и семиотики. Среди проблем такого изучения можно выделить соотношение текста как знака и соответствующего ему другого текста как результата интерпретации [Виноградов 2005: 51 - 59]. Эта пара текстов представляется одной из фундаментальных единиц функционирования «разумного вещества», в которой обнаруживается множество форм и аспектов

деятельности: понимание, истолкование, вывод, прочтение, перевод и др. Каков механизм интерпретации? Очевидно, интерпретирующий текст является моделью исходного. Отношение интерпретации между текстами и механизм моделирования используются в исследованиях по автоматизированной обработке текста (ср. положение Ю.М. Лотмана о тексте как интеллектуальном устройстве [Лотман 1981: 7]).

Литература

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 242 – 469.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 470 – 482.

Виноградов С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии): Монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижег. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2005.

Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Семиотика и информатика. Семнадцатый выпуск. – М.: ВИНТИ, 1981. – С. 3 - 17

Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир, 1989, № 2. – С. 194 – 203.

Пирс Ч. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000.

Виноградов Сергей Николаевич, д. филол. н., доцент
кафедры современного русского языка и общего
языкознания Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

* * *

М. В. Головизнин(Москва)

**ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И БОРИС ЛЕСНЯК В ЖИЗНИ, В ПЕРЕПИСКЕ,
В АФОРИСТИКЕ**

Великий русский писатель Варлам Тихонович Шаламов стал по-настоящему известен российскому читателю с начала 90-х годов, когда его проза, в первую очередь «Колымские рассказы» были изданы вначале в виде сборников, затем, уже в нынешнем столетии, в виде собраний сочинений, которые включали также его стихи, эссе, мемуаристику. Крайне трагическая судьба В.Т. Шаламова, который, будучи обвиненным в «контрреволюционной троцкистской деятельности» провел в сталинских лагерях 17 лет, естественно, вызывает интерес к биографии писателя и к людям, окружавшим его в тот период. Сам писатель, знавший изнутри ГУЛАГ «Великого перелома», конца 30-х годов, военных и послевоенных лет сам много писал о людях, сыгравших в его судьбе и отрицательную и положительную роль. Среди последних он особо выделял двух человек – главного врача больницы Севлага Нину Владимировну Савоеву и ее друга, впоследствии мужа лагерного фельдшера Бориса Николаевича Лесняка, которые фактически спасли Шаламову жизнь, вылечив от тяжелого истощения, авитаминоза, нашли возможность освободить от лагерного забоя, оставив при больнице культторгом. Затем будущий писатель закончил фельдшерские курсы. Сам В.Т. Шаламов писал об этом в рассказе «Перчатка» следующее: «О Борисе Лесняке, Нине Владимировне Савоевой мне следовало написать давно. Именно Лесняку и Савоевой, а также Пантюхову обязан я реальной помощью в наитруднейшие мои колымские дни и ночи. Обязан жизнью. [...] я обязан реальной помощью, не сочувствием, не соболезнованием, а реальной помощью трем реальным людям 1943 года. Следует знать, что они вошли в мою жизнь после восьми лет скитаний от золотого забоя прииска к следственному комбинату и расстрельной тюрьме колымской ...». С Б.Н. Лесняком и Н.В. Савоевой, которых автору данных строк приходилось близко знать, у Шаламова продолжались отношения и после освобождения из лагеря. Об этом свидетельствует переписка, опубликованная в сочинениях Шаламова и в воспоминаниях Лесняка. Большая часть писем приходится на шестидесятые годы. Из переписки видно, что Шаламов много (практически в каждом письме) обсуждал с Лесняком теоретические и практические аспекты литературного творчества, выражая надежду, что его друг также рано или поздно возьмется за перо и станет серьезным прозаиком. Хотя этому не суждено было случиться, Б.Н. Лесняк нашел себя в жанре литературной афористики и только в конце жизни стал мемуаристом. На наш взгляд афоризмы Б.Н. Лесняка интересно сопоставить с краткими записями В.Т. Шаламова, сохранившимися в его «записных книжках» 50-70-х годов. В них есть как общее, например, отпечаток медицинской профессии, так и немалые различия. Афоризмы Б.Н. Лесняка, подготовленные для печати, несут на себе все признаки законченной литературной обработки. «Афоризмы» записных книжек Шаламова, по-видимому, не предназначались автором для публикации, вследствие чего, больше напоминают заметки на полях, выражение сокровенных мыслей, не всегда имеющих четкое начало и завершение.

И, наконец, немаловажное значение имеют мемуарные свидетельства Б.Н. Лесняка о Шаламове, которые вышли в свет в конце 90-х годов и неоднократно переиздавались. В отличие от других мемуаров, воспоминания Б.Н. Лесняка о Шаламове вызвали неоднозначную порой резко отрицательную оценку (См. в частности И.П. Сиротинская «Нет мемуаров, есть мемуаристы» (электронный ресурс URL: <http://shalamov.ru/memory/37/5.html/>). Действительно, в мемуарах Лесняка о Шаламове, наряду с положительной характеристикой его как человека и творца, содержатся негативные и достаточно резкие суждения об отдельных поступках и особенностях личности писателя. Сразу оговоримся, мы не разделяем точку зрения, что вышеуказанный негатив продиктован какими-то низменными чувствами Б.Н. Лесняка по отношению к Шаламову. На наш взгляд, будучи разными по многим аспектам людьми, они смотрели на мир «разными глазами» (именно так называется одна из глав воспоминаний Б.Н. Лесняка). Во-первых, как представляется нам, Б.Н. Лесняк не принял (а, возможно, не до конца понял) концепцию шаламовской «новой прозы», а вписывание Шаламовым некоторых реальных личностей в вымышленные сюжеты вызвало у него чувство протеста. Во-вторых, в 70-е годы между лагерными друзьями, по-видимому, произошли политические разногласия, связанные с эволюцией советского диссидентства от антисталинизма к либерализму. Шаламов, оставаясь на позициях, выработанных им в 20-е годы и во время участия в «левой оппозиции сталинизму», категорически не принимал либерального диссидентства, все больше ориентирувавшегося на Запад. Лесняк, напротив, в значительной степени акцептировал либеральные идеи, участвовал в распространении самиздатовской литературы. Более того, Шаламов не без основания считал, что либеральное диссидентство чем дальше, тем больше становится фигурой в игре советских и американских спецслужб. Сюжет, связанный с попыткой вербовки Б.Н. Лесняка магаданским КГБ описан Шаламовым в рассказе «Вставная новелла». Этот же сюжет затронут Б.Н. Лесняком и в собственных мемуарах. Однако, вся эта противоречивость, не только не отрицает, но подтверждает научность изучения аспекта биографии В.Т. Шаламова, поставленного в заголовке настоящего сообщения.

Головизнин Марк Васильевич, к. мед. н.

Московский государственный медико-стоматологический университет

им. А.И. Евдокимова

* * *

История, насилие и интенциональность¹²¹

За словами *страна* (сторона, край) казалось должно бы обнаруживаться пространственное распределение разноименных народов, отражающее динамическое равновесие самодеятельных сил. То есть «естественным состоянием», как представляется, стоило бы именовать не гобсовское множество свободных индивидов, но такие квазиорганические единства (назовем их на этнографический манер племенами), в которых насилие направлено преимущественно вовне, внутренний же порядок определяется скорее традицией. Однако, государство, регулярный аппарат признанного насилия, систематически порождает территориальные разграничения, не согласующиеся с упомянутыми «естественными», что порождает и специфический дискурс «исторической справедливости», и недоразумения относительно направленности насилия. Впрочем, и в тех случаях, когда государственные границы примерно совпадают с «племенными», насилие часто направлено вовнутрь. Это проще всего объяснить указанием на фактическое сосуществование двух народов, один из которых специализируется на продуктивности, а другой монополизировать насилие. Пример Спарты очевиден, но и в случаях, когда исторические свидетельства о инородности власти сомнительны (например — варяжский вопрос) эмпирически фиксируется наличие двойственности в сфере культуры, языка, системы ценностей (как например при описании взаимоотношений крестьянства и дворянства в России).

Наше намерение, однако, состоит не в анализе подобных синтетических форм, но в попытке предложить структурное описание «естественного» распределения насилия. В дополнение к вырисовавшейся уже координатной оси вовне-вовнутрь, мы полагаем уместным ввести ось реальное-символическое, поскольку из истории известно, что наряду с аппаратом реального насилия, противостоящего реальным угрозам, регулярно появляются институты, специализирующиеся на символических методах преодоления символических угроз (например всевозможные культы, с аппаратом служителей, но также и любая современная форма алармизма, от экологического до финансового). Тогда типология дистрибуции насилия может выглядеть следующим образом: направленное вовне на реальные угрозы, направленное вовнутрь на реальные угрозы, направленное вовне на символические угрозы и направленное вовнутрь на символические угрозы. Можно предложить «векторные» метафоры, описывающие эти формы. Первая — «поток» (реальное пространственное перемещение квазиорганических целостностей, как например, при переселении народов).

Вторая — «циркуляция» (например — полюдые^[3] в Древней Руси, но в более широком смысле хозяйствование на ограниченной территории за счет регулярного перемещения точки приложения сил, от перемещений королевского двора, до выездных судебных сессий и целевых инвестиционных проектов). Третья — «радиация» (например торговля индульгенциями в Средние Века, но также и деятельность современных СМИ). И, наконец, четвертая — «коллапс», обрушение системы производства символических средств противостояния символическим угрозам (например — Реформация, приведшая к разделению церкви, а следовательно и к ослаблению церковной власти, но не в меньшей мере примерами могут служить современные катастрофы в финансово-экономической сфере). Естественно предположить, что упомянутые четыре формы связаны генетически: экспансионистский «поток» тяготеет к тому, чтобы замкнуться в хозяйственную «циркуляцию», которая утвердившись запускает потенциально инфляционный механизм «радиации», а раздувание символического пузыря чревато «коллапсом». Интереснее всего, однако, что «коллапс» имеет не одни только негативные последствия, он же ответственен и за порождение новых самостоятельных квазиорганических сущностей, новых «племен», которые могут начать новую экспансию, запустив тем самым новый цикл. Достаточно вспомнить, что новая политическая конфигурация, возникшая после Реформации, создала и новые возможности для развития наук, искусств, торговли.

Использованная «векторная» метафорика позволяет делать предположения об интенциональных особенностях идеологической компоненты соответствующих дискурсивных практик. Так для фазы «потока» естественно ожидать преобладание лексически и грамматически проявляющейся «воинственной речи». Для фазы «циркуляции» — речи «хозяйственной», изобилующей образами «заботы», «ухода», «строительства», «выращивания», «исправления». Для фазы «радиации» должна быть характерна профетическая речь, а для фазы «коллапса» — покаянная. Эмпирическое исследование призвано показать соответствие смен типов речи в официальной риторике структуре исторических процессов, зафиксированных исторической наукой.

Гурко Сергей Львович

н.с. Ин-та философии РАН

* * *

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МЕМУАРЫ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕСАМОДОСТРАИВАНИЕ

По мнению В. Дильтея, «автобиография – это высшая и наиболее instructивная форма, в которой нам представлено понимание жизни». Что бы ни происходило с человеком в реальной жизни, подлинной реальностью жизни для него, в конце концов, останется лишь то, что сохранено в своенравных лабиринтах памяти. Память создает нашу судьбу – не в смысле «неумолимого рока», но наоборот, – судьбу как пространство свободы и самосозидания, в котором человек, хочет он того или нет, всегда делает отчаянное усилие над самим собой, извлекая из событий прошлого то, благодаря чему он может стать лучше и больше самого себя.

Акцентированное равнодушие к главным смыслам человеческого бытия – главная цель художественного отражения мира и вызываемых им переживаний. Само художественное переживание – это момент особой *интенсификации внутренней* жизни человека в сравнении с ее «фоновым», повседневным состоянием. Конкретные мотивы мемуаротворчества весьма многообразны, простираясь от целей, замкнутых на личностно-семейной сфере (потребность автора в самопознании, в извлечении уроков прожитой жизни и т. д.), до публичных, когда мемуары пишутся исключительно ради сведения личных счетов с политическими противниками, самооправдания в глазах современников, утверждения своей роли в событиях прошлого и т. п. Но в любом случае определяющим автобиографическим мотивом является самоосуществление личности посредством *рефлексии совести* в континууме событий, который составляет одну из базовых структур личностного бытия как такового. «Силовым полем» актуализации жизни автобиографического персонажа являются смысловые доминанты его осуществления, смысловые потоки, которыми насыщены факты и ситуации жизни и те смысловые новации, которые не «устаревают», но трансформируются в результате жизненного творчества персонажа, а затем и в усилиях его художественной памяти. Поэтому жизнь автобиографического персонажа полисемантическая, и в соприкосновении со всякой последующей культурной эпохой она обретает новую ценностно-смысловую архитектуру, все время «добраиваясь» новым пониманием на расстоянии прошедших лет. Так внутри мемуарного текста происходит особое экзистенциальное «самодобраивание» личности повествователя, а художественность делает ее значимой и для читателя.

Специфика художественных мемуаров как феномена самодобраивания личности в континууме жизни-как-поступка состоит в ее способности к креативному расширению хронотопа личностного мира как в рамках

наличной культуры, так и с выходом за ее пределы, в диалоге с иными эпохами и иными ракурсами видения, свойственными читателю. Анализ этого жанра показывает его актуализацию в современной культуре как эффективного способа экзистенциального «самосбирания» человека. В качестве типологии художественных мемуарных текстов значительной эвристичностью может обладать выделение семи типов завершающей автобиографической модели жизни-как-поступка: жизнь-как-возвращение, жизнь-как-исцеление (исследование, освобождение), жизнь-как-обособление, жизнь-как-представление («перфоманс»), жизнь-как-самоотдача, жизнь-как-служение и жизнь-как-обращение. Эта классификация составляет особую структуру и типологию памяти, организуемую в соответствии с особыми законами художественного целого. В художественной автобиографии форма повествования всегда стремится не только максимально соответствовать экзистенциальному содержанию повествуемой жизни, но и преобразовать само существо личностного бытия посредством усилия творческой памяти.

Даренский Виталий Юрьевич – к. филос. н.

доцент, соискатель Ин-та философии им. Г.С. Сковороды

Национальной академии наук Украины

* * *

С.М. Евграфова(Москва)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ У ПОДНОЖИЯ «АЙ-ПЕТРИ» А.ИЛИЧЕВСКОГО

Синтаксис – одна из самых характерных особенностей индивидуального стиля. Проза А. Иличевского (АИ) привлекает неровным синтаксисом и заставляет задуматься о семантике синтаксических игр писателя. Присмотримся к синтаксису его «нагорного рассказа о любви» – «Ай-Петри».

Длина предложений и абзацев. Для АИ характерны перепады длин предложений и абзацев и предпочтение коротких абзацев и длинных

предложений. Гипотеза состоит в том, что у АИ длина предложения связана с особой семантикой.

Реплики в диалогах и фрагменты повествования обычно коротки; описания антуража при них тоже. Часто используется парцелляция, союзов и коннекторов очень мало, преобладают сочинительные союзы, придаточные предложения появляются только по необходимости.

Описания, затрагивающие внутренний мир автора / лирического героя (А/ЛГ) намного длиннее. В них много причастных и деепричастных оборотов, нередки сравнения, эпитеты, вставные конструкции. Гл. VII, аб. 4: 4 предложения – 18, 16, 22 и 99 слов (всего 155). Первые три – подсчет количества комаров на Волге и объяснение причин их изобилия; четвертое, самое длинное, описывает представление А/ЛГ о том, как его кровь включается в биологический круговорот дельты реки.

Итак, у АИ различаются экстравертные и интровертные синтаксические стратегии – последние отличаются большой синтаксической разветвленностью. В авторской рефлексии «события фантазии» отличаются от попыток выразить невыразимое, и потому длина предложения действительно является маркером ухода от ясных, легко описываемых отношений между объектами в мир самонаблюдений.

Сравнительные обороты и поиски сходства у АИ. В отличие от классических сравнительных конструкций, задача которых – прояснить образ, АИ вводит их, погружая читателя в мир авторских представлений.

(1) В полной тьме я шел к сельсовету и, не заботясь, иду ли по верной дороге, думал о девочке. Нет, вовсе я не представлял, как тайком увожу ее от этих дикарей в Москву. Или – напротив, как остаюсь здесь, в кишлаке, учителем физики и стараюсь всеми силами стать достойным звания горца, – *подобно тому как* ренегаты из астраханских казаков без посула, мучимые видениями гаремов, уходили в услужение к персидскому шаху. (Гл. III)

После маркера сходства АИ приводит вычитанный факт, который для АИ стал доказательством непреодолимости и нематериальности любовного влечения. Переход в «интровертный режим изложения» сопровождается также появлением странной сочетаемости.

Асинтаксичность мира самонаблюдений. В тех фрагментах текста АИ, где он занимается самонаблюдениями, ювелирно точные номинации уступают место размытым, неясным. Придаточные громоздятся друг на друга, причем союзы не раскрывают семантических связей. Сравним:

(2) Видеть море я не мог. Я его слышал. Справа на краю грохочущей бездны мигал маяк. Сразу за парашютом стояла стена мглы. В ней рыскали, вспыхивали серые кони, иные наскакивали, разлетались — и водяная пыль летела в лицо. Мертвая безветренная зыбь в совершенном воздушном покое обрушивала на мол свои шеренги. (Гл. XV)

(3) Теперь я понимаю, что это влюбленное размышление было способом, каким Бог являл мне о Себе. Что так меня он ловил на живца, чтобы чрез эту утрату мне прозяло Его

беспощадное величие, чтобы я содрогнулся от совершенства, с каким завтрашний день опустошит эту явленную полноту... (Гл. III)

Потоки ассоциаций, в отличие от утверждений не могут быть оценены как истинные или ложные, и потому в них отсутствует грань между реальностью и выдумкой, отсутствует и измерение времени. Это более характерно для поэзии, чем для прозы.

Размышления о наблюдаемом. Не исключено, что сознательный отказ от использования синтаксиса как способа упорядочения ментального пространства и введение читателя в хаос ассоциаций (заметим, что поток сознания у Пруста или Саши Соколова вовсе не был асинтаксичным) является приемом, пародирующим – в лотмановском понимании – современный уровень корреляции между языком и мышлением.

Евграфова Светлана Маратовна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка РГГУ

* * *

Т.И. Ерохина(Ярославль)

Биографический дискурс в русском символизме

«Документальная» литература в русском символизме представляет особую ценность: она не только является источником сведений о личности и эпохе, но и способствует мифологизации автора, содержит сведения об эмоционально-чувственном переживании повседневности.

Наиболее репрезентативным материалом в данном аспекте является жанр автобиографии, поскольку он предполагает, с одной стороны, как и дневниковые записи, достоверность в изложении фактов жизни символиста, которые не могут подвергаться изменениям, а значит – претендуют на достоверность; с другой стороны, именно жанр автобиографии позволяет символисту акцентировать внимание на тех жизненных событиях и фактах, которые он считает наиболее существенными и значимыми в контексте становления личности, а значит – позволяет смоделировать собственную личность как своего рода текст, обладающий коммуникативными (ориентированными на аудиторию) и автокоммуникативными функциями.

Специфика автобиографии русских символистов обусловлена житнетворческим модусом культуры Серебряного века. Жизнь презентуется символистами в автобиографии как художественный текст, соответственно биография строится по закону литературного произведения (прежде всего – романтического).

Романтизироваться может не вся биография, чаще всего выбираются отдельные эпизоды, которые являются кодом, определяющим всю дальнейшую судьбу символиста.

Так, в автобиографии К. Бальмонта, а также в воспоминания его жены Е. Андреевой-Бальмонт содержатся упоминания о происхождении рода Бальмонтов. По семейным преданиям предками поэта по отцовской линии были шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию, а род матери происходил из татарского рода Белый Лебедь Золотой Орды. Для К. Бальмонта – это неотъемлемая часть *мифа о поэте*, который он создавал сам, а главное – это обоснование исключительности поэта, ибо в нём соединились дух странствий и приключений викингов Балмутов («пленителей морей») и необузданность и страстность золотоордынцев. Этим экзотическим смешением, а главное – желанием ему «соответствовать», отчасти объяснялись эксцентричные поступки К. Бальмонта, «безумства», стремление ко всему необычному и неизведанному.

Для З. Гиппиус, знаковым событием становится встреча с Д. Мережковским, которую она формально не романтизирует, избегая описаний своих мыслей и чувств. Тем не менее, эффект «умолчания» придаёт таинственность и недосказанность автобиографии, которая может быть развёрнута в самостоятельное литературное произведение (пример чему мы уже обнаруживали в дневниковых записях З. Гиппиус, которые по жанру близки романтическому роману-исповеди).

Для Вяч. Иванова знаковым становится обретение Диотимы (Л. Зиновьевой-Аннибал), встреча с которой в 1893 году становится поворотным событием жизни и творчества поэта. Вяч. Иванов трактует свою встречу с Л. Зиновьевой-Аннибал в романтически-мистическом ключе: провидение, предначертанность, знак свыше, – таково восприятие события, с которого начинается отсчёт одного из самых известных житнетворческих проектов русского символизма - «мистериального», «теургического» проекта Вяч. Иванова.

Для Д. Мережковского и В. Брюсова, претендующих на роли теоретиков и основателей русского символизма, знаковыми становятся события иного рода. Так, В. Брюсов к числу наиболее важных встреч относит знакомство с двумя поэтами-символистами: К. Бальмонтом и А. Добролюбовым, а Д. Мережковский акцентирует внимание на своём общении с Ф. Достоевским и Л. Толстым.

Таким образом, *романтический код*, заложенный в автобиографии, расшифровывается в аспекте житнетворчества, *становится ключом к тексту житнетворчества*.

Ерохина Татьяна Иосифовна

Доктор культурологии, профессор, Заведующая кафедрой культурологии ФГБОУ ВПО

«Ярославский государственный театральный институт им. К.Д. Ушинского»

* * *

Светлана Ефимова(Берлин)

Записная книжка писателя – текст или антитекст?

Один из разделов лингвистики текста – изучение типов текста как «культурно-исторически сложившихся моделей, образцов текстового построения, определяющих функциональные и структурные особенности конкретных текстов» [Чернявская: 62]. В одном из немецких перечней типов текста (К. Адамчик, 1995) присутствует и записная книжка, «классическая» форма которой в России выросла из деловых «записных книг» XV-XVII вв.

Наиболее яркие образцы этого типа текста – записные книжки писателей, на примере которых видно, как трансформируются важнейшие текстовые категории: содержательная и формальная цельность (наличие авторского замысла, заголовка и границ), линейность, связность.

Содержание записной книжки обычно не регламентировано заранее авторским замыслом и может меняться со временем: телефонные номера, творческие наброски и черновики, мысли и выписки из книг, деловые и бытовые записи, вплоть до тостов, рецептов и анекдотов. Текст чаще всего не имеет заголовка. Границы отдельных записных книжек определяются произвольно: автор переходит от закончившейся книжечки к следующей или пишет параллельно в нескольких. Весь корпус книжек одного писателя открыт для дополнений вплоть до смерти автора.

В записных книжках появляется нелинейное письмо: заметки одновременно с двух концов книжки; письмо в разных направлениях, поперек или вокруг имеющегося текста. Для записных книжек также характерна поликодовость (рисунки, ноты).

Между заметками и внутри заметок нередко отсутствует грамматическая и лексическая связность. Карманная записная книжка дает своему автору свободу языкового выражения, организации заметок и принципов письма (в любое время и в любом месте, с перерывами).

Записная книжка писателя принимает в себя множество цитат и «отдает» фрагменты для будущих художественных произведений, публицистики, писем и дневников автора – это основа целой системы интертекстуально связанных текстов.

Эти наблюдения ставят под сомнение принадлежность записных книжек к категории текста. Тем не менее, возможно обоснование их текстуальности. Заметка представляется автору самостоятельным текстом; она обладает единством замысла, границами и завершенностью – то есть записная книжка состоит из отдельных текстов, не предполагающих связи между собой. Нелинейность, поликодовость и интертекстуальность позволяют сопоставить ее с гипертекстом.

Е.С. Кубрякова определила текст как «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова]. Записные книжки, как правило, не предназначены автором для публикации. Для широкого круга читателей они не всегда являются связными и «информационно самодостаточными». Однако для автора они были самодостаточны, а связи внутри заметок существовали в его сознании и не нуждались в экспликации (автокоммуникация). Семантические и синтаксические эллипсисы приближают заметки к внутренней речи.

«Записать» – процесс, отличающийся от классического «писать», в ходе которого создаются типичные тексты. Но если рассмотреть текст вслед за Е.С. Кубряковой как естественную когнитивную категорию, построенную по прототипическому образцу, то записная книжка принадлежит к дальней периферии этой категории, образуя сложный культурный феномен.

Литература

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

Ефимова Светлана Николаевна, аспирантка Берлинского Свободного университета

(Институт общего и сравнительного литературоведения им. Петера Сцонди; научный руководитель – профессор Георг Витте)

Анна А. Зализняк(Москва)

Маргиналии русской грамматики: презенс совершенного вида

Как известно, в русском языке глаголы сов. вида имеют всего две формы времени — прошедшего и будущего простого (*построил, построю*), ср. [Грамматика-80: 626]. Считается, что морфологическая форма презенса (*построю*) для глаголов сов. вида имеет в современном русском языке значение будущего времени, поскольку значение наст. времени несовместимо со значением сов. вида. (Так, например, поисковый запрос в НКРЯ “Vperf., praes.” дает исключительно церковнославянизмы *речет, рекут, возопиет*; нужная нам форма обозначается как “Vperf., fut.”)

В статье [Зализняк 1990] было описано одно специфическое значение русской формы *praesens perfectivum* (далее - PrPerf), которое было названо «презенс напрасного ожидания»; речь шла об употреблении типа *все никак не соберусь; дорогу никак не починят; никак не дозвонюсь: не пойму, не разберу*. Отмечалось, что в контексте отрицания противоречие между значением сов. вида и наст. времени снимается за счет того, что «[г]оворящий мыслит событие в форме, которая в случае его реализации потребовала бы для своего выражения совершенного вида, например, как единичное ограниченное во времени законченное действие». В древнерусском это значение было достаточно широко распространено; в современном языке оно сохранилось в ограниченном числе контекстов и для ограниченного круга глаголов. Задача данной работы – уточнить круг этих контекстов и этих глаголов; иными словами, описать условия, при которых форма PrPerf выражает значение настоящего времени.

Прежде всего, разграничим употребления, когда форма PrPerf обозначает единичную ситуацию и разного рода обобщения, т.е. когда интересующая нас форма имеет потенциальное или узуальное значение (ср. [Мишина 2012: 221]). Дело в том, что о значении собственно будущего времени речь может идти только в случае единичной ситуации. В случае неединичной (узуальной или потенциальной) ситуации настоящее и будущее вообще не различаются, ср. (1) (пример из [Виноградов 2001: 470], иллюстрирующий мысль о том, что форма PrPerf выражает предшествование) и (2), где эта форма обозначает, наоборот, следование во времени.

(1) Он все может, чего *захочет*;

(2) Кто хочет, тот *добьется*.

Как нам представляется, здесь значение времени нерелевантно: играет роль в чистом виде семантика совершенного вида, т.е. такая

концептуализация ситуации, при которой «в кадре» находится момент перехода в новое состояние (ср. [Зализняк, Шмелев 2000: 32-35, Падучева 1996: 86]). В приведенной паре примеров в первом случае это относится к переходу в состояние ‘хотеть’, во втором – в состояние ‘иметь достигнутым’. Такое отсутствие временной отнесенности касается всех общих суждений, выраженных глаголами сов. вида, ср. (все – в форме обобщенно-личного 2-го л.):

(3) Слезами горю не поможешь;

Ничего *не* поделаешь;

Из песни слова *не* выкинешь;

Не обманешь, *не* продашь;

Что *посеешь*, то и *пожнешь*;

Где *сядешь*, там и *слезешь*;

и т.п.

Что касается единичной ситуации, в статье [Зализняк 1990] были названы следующие контексты реализации значения «презенса напрасного ожидания»: *никак не, всё не, всё никак не, никогда не, нигде не (никогда к нам не зайдет; нигде не найду)*. Отмечен также контекст вопросительного предложения (*Почему ты ко мне не зайдешь?*), квазиперформативное *не найду слов (чтобы вас отблагодарить)* и устойчивые сочетания типа *жду не дождусь*. Во всех случаях необходимым условием реализации обсуждаемого значения является отрицание.

В докладе рассматриваются все эти и некоторые другие контексты, а также условия реализации в них презентного значения; например, в контексте *все никак не* оно является единственно возможным (ср. (4)), в то время как контекст *никак не* неоднозначен: так в (6), в отличие (5), форма PrPerf имеет значение будущего времени, ср.:

(4) *все никак руки не дойдут*;

Я давно пытаюсь, а *все никак не выходит*. [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка (2001)];

Бродит сын, потерявший отца, бродит отец, потерявший сына, — и *все никак не сойдутся*. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)];

Там же я встретил Иванова, уже пьяного, который сообщил, что заехал еще утром и *все никак не уедет*. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)];

(5) он *никак не соберется, никак не доберется*, никак не выберется (в библиотеку);

(6) это *никак не повлияет* на ее решение; он *никак не отреагирует* на эту выходку.

Обсуждаются также правила, регулирующие возможность замены формы сов. вида на форму несовершенного. ср.:

(7) Он хочет сделать ей предложение, но все никак не решится / не решается.

(8) Он хочет сделать ремонт в квартире, но все никак не соберется /*не собирается.

Кроме того, выявлены следующие контексты возникновения этого значения вне отрицания:

1) В вопросительном предложении: *Как ты на это помотришь? Как ты отнесешься к тому, чтобы пойти сегодня в кино?*

2) В утвердительных квазиперформативных высказываниях в форме 1-го лица мн. числа: *положим, предположим, допустим, назовем, обозначим* и т.п.

Так или иначе, презентное значение формы наст. времени сов. вида прочно занимает свою маргинальную позицию в русской грамматике.

Литература

Виноградов 2001 — В.В.Виноградов. Русский язык. М., 2001.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1—2. М.: Наука, 1980.

Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презент напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*, Białystok, 1990. — С. 109—114.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А.Зализняк, А.Д.Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Мишина 2012 — Е.А.Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. № 24 (12). М. 2012.

Анна Андреевна Зализняк, д. филол. н.

г. н. с. Ин-та языкознания РАН

* * *

Е.В. Зименко, А.Л. Лифшиц(Москва)

Счастлиное возвращение одной пьесы

1. В собрании Научной библиотеки МГУ существует значительное число драматических сочинений, вышедших в свет отдельными изданиями. Из них немалое число книг (особенно среди напечатанных в XVIII столетии) представляют собой значительную редкость.

2. Почти любое издание XVIII в. – ценность. Но некоторые книги были напечатаны малыми тиражами, а некоторые, подобно, например, «Отъезду псовой охоты из Кусково» (1785), были вообще напечатаны не на продажу, а вероятно, для раздачи зрителям усадебного театра графов Шереметевых.

3. Практика «заказного» книгопечатания в XVIII в. до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя исследователям хорошо знакомы какие-нибудь стихи, напечатанные без имени автора в анонимной типографии по случаю семейного торжества никому не известных подданных Российской империи.

4. Такие печатные издания уникальны, как правило известны в одном экземпляре, их объем редко превышает 3 страничек текста, а чаще ограничивается и вовсе одной. Но каждое из них – ценнейшая манифестация повседневной книжной и читательской культуры.

5. Книга в 8-ю долю листа, хранящаяся в собрании НБ МГУ, озаглавленная «Счастлиное возвращение», представляет собой уникальное явление даже среди этих изданий. Прежде всего, это книга, хоть и небольшая. Текст, содержащийся в ней, – прозаический. Содержание книги – драма. Выходных данных у издания нет.

6. Мать с пятью дочерьми ожидает возвращения своего супруга с войны. Она оставила столицу и все увеселения, чтобы быть поближе к тем местам, где находится ее муж. Она воспитывает своих дочерей во всяком

благочестии и чистоте. Нищий, которого приютили старшие девочки, хвалит почтенное семейство и возвещает скорое прибытие супруга. То же подтверждает и почта. В ожидании прибытия мужа и отца произносятся трогательные стихотворные речи.

7. Заставка, по стилю похожа на заставки в изданиях Академии наук времени Елизаветы Петровны и контрастирует с набором, который больше соответствует изданиям конца столетия.

8. Стил пьесы позволяет с уверенностью говорить о ее создании в последнее десятилетие XVIII в.

9. Сопоставление сюжета пьесы и имен девочек делает несомненным скрытое имя описанного в драме семейства. Впрочем, выводы об авторстве не являются окончательными.

10. Сочинение, очевидно, было предназначено для домашнего театра, в котором участники представления должны были играть самих себя.

11. Тем самым бесхитростная пьеса «Счастливое возвращение» оказывается уникальным свидетельством того, какую роль играл в частной жизни дворянина конца XVIII в. театр, и представляет нам совершенно неизвестные подробности жизни весьма знаменитой семьи.

Елена Владиславовна Зименко

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ

Александр Львович Лифшиц

к.ф.н., доцент НИУ «Высшая школа экономики»

* * *

Т.С. Злотникова(Ярославль)

Ценности опрокидываются, или Массовая культура уже не маргинальна

1. Для русской культуры традиционно характерна конфликтно выраженная *оппозиция*. В центре – индивидуальность, в частности, индивидуально осуществляемое и индивидуально воспринимаемое творчество, экстремум элитарных проявлений в виде «клоба» (именно так, не

просто «клуба») на протяжении почти всего XIX века, «башни из слоновой кости» в начале XX века, «кухни» в середине XX века. На периферии – «лифчики на меху» (В. Маяковский, «Клоп»), базарные коврики с лебедями, дамские романы и телесериалы. Такова традиционная матрица русского самовосприятия.

2. В культурном опыте России не только в последние четверть века (советская массовая песня, советский комедийный кинематограф, так называемая самодеятельная хореография) осуществляется **инверсия массового и элитарного** модусов культуры. Н.А. Бердяевым сформулировано понятие «опрокидывание ценностей»: процесс был характерен для регионов, воспринимаемых как цивилизованные – Америка, Европа, где «иерархия ценностей определяется по принципу пользы», при этом «низшее стало высшим, высшее задавлено» (3). В России актуализирована органичная для массового общества необходимость тех путей формирования компромиссного дискурса, которые превращают уникальную личность в часть «массы», «толпы», «стада» (4), в силу чего востребуются все, чему присущи дешевизна, комфортабельность, плоскостность, сниженность, отсутствие стиля, доступность (2).

3. Массовое переместилось в центр, поглощая по ходу дела элитарное. Примеры.

Массовизация *литературных текстов* – от М. Булгакова до В. Набокова. Включение элитарного в пространство массового *балета* (постановки А. Холиной, осуществляемые с необычными драматическими актерами). Включение в сферу массового потребления *персон* элитарного уровня и *кодов* классической культуры: открытие и закрытие Олимпиады в Сочи (русские писатели в «пространстве» стадиона Олимпиады в Сочи; принцип упрощения – «бал Наташи Ростовской» с вальсами не С. Прокофьева/опера, В. Овчиникова/кинофильм, но Е. Доги).

4. Особого внимания заслуживает **физиологизм, присущий «человеку массы»**, но неприемлемый в элитарной традиции, если только речь не идет о принципиально культивируемых парадоксах модернистского толка или постмодернистского дискурса. По Р. Барту это может рассматриваться как «антиинтеллектуализм», «леность мысли» (1), в социопсихологической традиции, от Г. Лебона, З.Фрейда до С. Московичи – гипноз, сумеречное состояние (5), в философской – способность заряжаться, «механический отклик», подобный смеху от щекотки (6). *Физиологизм* находит прямое проявление в вербальной агрессии, востребованной на уровне массового сознания. Инверсия приводит к торжеству инвективы. Масса всегда сквернословит активнее и охотнее, чем это делал отдельный человек, чей голос можно различить и чье лицо можно увидеть. В художественной речи (прозаики Вик. Ерофеев, В. Сорокин, драматурги М. Волохов, А. Шипенко, Н. Коляда) и в публицистической (не только в блогосфере, но и в печатных СМИ) это проявление стало уже не маргиналией, а нормой. Возможно, это, в

определенной степени, связано с тенденцией *демократизации*, которая вызывала опасения в начале XX века. В. Розанов, видя всеобщую тенденцию к демократизации науки, искусства, всей системы общественной жизни, едко указывал на то, что есть и «маленькая опасность демократии» (7).

Литература

1. Барт Р. Мифологии. - М.,1996. - С.139,140
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письмо тринадцатое. – М.: АСТ, 2012
3. Бердяев Н.А. Царство духа и Царство Кесаря // Бердяев Н. Судьба России. М., 1990 – С. 271
4. Лебон Г. Психология масс // Психология масс. Самара,1998.– С.11,39,40
5. Московичи С. Наука о массах //Психология масс. - Самара, 1998. - С.482
6. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства// Самосознание европейской культуры XX в. –М.,1991. – С.244,245.
7. Розанов В. О художественных народных промыслах // Розанов В. Среди художников. М., 1994. – С. 161, 163

Татьяна Семеновна Злотникова – д. искусствоведения

заслуженный деятель науки РФ

профессор кафедры культурологии

директор Научно-образовательного центра

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический

университет им. К.Д. Ушинского»

* * *

Б.П.Иванюк(Елец)

Пограничнобытийнопоэтической речи

Если постулировать, что художественный текст является авторским событием бытийно-языкового единства, то основная задача его профессионального прочтения заключается в аналитической верификации текста как авторского модуса осуществления этого единства. Ее последовательное решение предполагает введение изначального и

умозрительного параметра – некоего абсолютного текста, открытого и незавершенного, которому атрибутируем весь вероятный потенциал бытийно-языковых скрещиваний в литературе, и в этом плане претендующего на статус постмодернистской вариации неомифа.

Соотнесение конкретного текста с абсолютным обозначает коллизию обусловленного авторским замыслом вариативного выбора тех или иных возможностей бытийно-языкового единства.

Этот выбор имеет непосредственный, открытый характер и опосредованный, скрытый. Он открыто практикуется в повторах разных структурных уровней поэтической речи, о чем свидетельствуют, в частности, рифма, лексическая синонимия, кумулятивные и отрицательные сравнения, апофазия, стихотворные вариации и др. При этом актуализируются оставшиеся нереализованными или отклоненные самим автором (черновик), но вполне вероятные повторы, тем самым речевая граница поэтического текста приобретает условный характер, а сам поэтический текст приоткрывает перспективу абсолютного текста.

Скрытый выбор обозначается пограничной зоной между наличной речью поэтического текста и виртуальной (возможной) речью абсолютного текста. Логоцентрический характер первого определяет основной вектор его восприятия – от внешнего к внутреннему, от речи к смыслу. В плане порождения текста речь оказывается периферийной, в ней окончательно «застывает» процесс смыслоотворения, что обязывает реципиента убедиться в ее структурно-композиционной целесообразности и стилевой уместности. Для этого необходимо соотнести конкретную речь с иными возможными, но невостребованными авторской волей (оставшимися «в тени») речевыми вариантами допустимого смыслообразования текста. Предсказуемой способностью к актуализации этой пограничной зоны обладают метафора, а также некоторые риторические фигуры, к примеру, эпитимесис и апокрисис.

Рецептивное осмысление как открытого, так и скрытого авторского выбора, а значит, в целом, и виртуальной ипостаси художественного текста происходит не только в ходе его композиционного развертывания, но и в контексте литературного процесса, который позволительно мыслить как развертывающийся во времени опыт экспликации абсолютного текста.

Иванюк Борис Павлович, д. филол. н., проф.

заведующий кафедрой русской классической литературы

* * *

Ю. В. Кагарлицкий(Москва)

**Суперэрогативные поступки в перспективе становления
новоевропейского стандарта поведения: этика, поэтика, семантика**

Доклад продолжает серию работ, посвященных исследованию категории мужества в перспективе становления новых стереотипов человеческого поведения на пороге Нового времени. И в классической древности, и в Средние века мужество рассматривается как важнейшая социальная добродетель, с одной стороны, и как достойный предмет для философской рефлексии. Однако с начала Нового времени мужество становится всё более периферийным, маргинальным качеством, контроль индивида над страхом и болью воспринимается как менее важный, чем контроль над вожделениями плоти, с одной стороны, и контроль над проявлениями агрессии, с другой.

В современной философии известно рассмотрение мужества как *a supererogatory quality*, а мужественного поступка как *a supererogatory deed* (Дуглас Н. Уолтон). Английский термин *supererogatory* означает 'превышающий требования долга; излишний, ненужный' и используется для обозначения действий, избыточных по отношению к требованиям общественной морали (в докладе предлагается использовать термин *суперэрогативный*). Отмечается, что в классической и средневековой системе ценностей способность к подобным действиям ставится весьма высоко, однако в наши дни высокий моральный статус суперэрогативных поступков находится под вопросом: обычно он так или иначе связан с признанием нравственной исключительности («героизма» или «святости») того или иного лица, что немедленно вступает в противоречие с эгалитаристской и универсалистской природой современной этики. Вот почему перед современной нравственной философией стоит особая проблема реабилитации суперэрогативных поступков и суперэрогативных добродетелей.

В докладе проблема высокой/невысокой оценки суперэрогативного поведения рассматривается немного в иной перспективе. Предлагается видеть здесь семантические трансформации маркеров нравственной оценки в перспективе становления новоевропейской этики и новоевропейского стандарта индивидуального поведения. В связи с этим предлагается

подвергнуть исследованию те маргинальные зоны новоевропейского культурного сознания, в которые оттесняются суперэрогативные формы поведения: специфические практики, для которых суперэрогативные стратегии сохраняют свою актуальность; периферийные общества, для которых сохранение рудиментов до-ноевропейского поведения представляет хотя бы частичный интерес; формы художественного нарратива, для которых суперэрогативное поведение персонажа имеет сюжетообразующую, мотивообразующую или иную поэтическую ценность; специфические формы группового поведения (профессиональные, социальные, гендерные), требующие в видах социальной идентификации готовности к суперэрогативному поведению и т.д.

Предлагается рассмотреть проблему отношения к суперэрогативному поведению на материале отечественной культуры с ее историческим своеобразием. Необходимо рассмотреть русскую культуру в перспективе вытеснения суперэрогативных поступков на периферию: происходит ли такое вытеснение, насколько оно соотносится с европеизацией, насколько оно оценивается положительно или отрицательно, насколько ценно оно для тех областей, в которых сохраняется. Кажется чрезвычайно важным выяснить, насколько суперэрогативное поведение воспринимается как знаковое само по себе, как оно интерпретируется и как оно вообще соотносится с теми идентичностями, которые представлены на ментальной карте отечественного культурного ареала.

Кагарлицкий Юрий Валентинович – к. филол. н., с. н. с.

Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

О.А. Казакевич(Москва)

Рассказы о шаманах в автобиографиях и семейных преданиях автохтонного населения Сибири^[4]

На материале автобиографических рассказов и семейных преданий селькупов, кетов и западных эвенков, записанных на протяжении последних полутора десятилетий, предполагается рассмотреть, в какой форме и до

какой степени фигура шамана и шаманские практики, бывшие когда-то важнейшей составляющей традиционной культуры автохтонного населения, но Сибири, продолжают жить если не в повседневности, то, по крайней мере, в людской памяти. В автобиографиях встречаются два типа рассказов о шаманах: 1) воспоминания о шаманских камланиях, на которых довелось присутствовать («сидеть») рассказчику, и 2) семейные предания о предках или родственниках-шаманах.

Рассказы о камланиях, как правило, вполне реалистичны, а четкости приводимого в них описания деталей шаманского костюма и элементов ритуала могли бы позавидовать этнографы, хотя для большинства рассказчиков, людей далеко не молодых, это воспоминания из времен их далекого детства или юности. Однако во многих рассказах присутствует важный эпизод, объясняющий четкость описания и демонстрирующий механизм ретрансляции традиционной культуры: старшие родственники, приведшие ребенка или подростка на камлание, наставляют его: «Смотри хорошенько и запоминай!»

Семейные предания о жизни и деяниях предков-шаманов нередко похожи на легенды. Приведем здесь только один пример – эпизод из рассказа правнучки великого селькупского шамана Тама-иры, реального персонажа селькупской истории^[5], жившего в Тазовской тундре во второй половине XIX – первой трети XX века^[6]. «Когда раскулачивали, моего деда Таму в Туруханск отвезли, в подземную тюрьму посадили. Камера без окон, без дверей. Из этой вот подземной тюрьмы дед мой на улицу вышел. Как-то сам пошаманил, вышел на улицу белоголовым орлом стал. Орлом обернувшись, на завалинке у входа в тюрьму вот так сидит. Потом милиционеры ходят, его ищут: старик-селькуп убежал из тюрьмы. Все снаружи у входа стоят. А потом вот смотрят – этот орел – это и есть Тама. Это дед сидит, он тоже белоголовый (седой) был. Ну что будет делать! Потом вот отправили его, опять пытаться стали. Потом поставили, из ружья выстрелили. Из ружья выстрелили, у деда изо рта наружу только дым вышел. мой дедушка еще стоит, не убили его. Потом спрашивать стали: “Ты как жил?” Он так сказал: “У меня работников не было. Я сам своим трудом как живу, так и живу. Сыновья у меня: один пастух, другой рыбак. Тяжело больные люди ко мне приходят, я их лечу”. И сейчас еще вылеченные им люди живут. Вот такой доктор был... Потом моего деда домой отпустили. И он тѣт и умер здесь, на Худосее^[7]. Там стоит надгробие сделано, он же сам делал, два журавля на памятнике стоят».

Тексты и отчасти повседневная жизнь поселков, в которых мы работали, свидетельствовали о сохранении шаманской традиции у селькупов, кетов и западных эвенков, но лишь как памяти о прошлом, которого уже не вернешь. Однако жизнестойкость этой традиции (по крайней мере, у северных селькупов) мне посчастливилось в полной мере оценить летом 2013 г., когда на одном селькупском стойбище хозяин его рассказал, что

подумывает сделать себе колотушку и бубен и начать потихоньку шаманить. Песня, которую мы от него записали, свидетельствовала о серьезности его намерения. Сам он из известной шаманской семьи, так что похоже, духи-помощники предков-шаманов призвали его к служению.

Литература

Прокофьев Г.Н. Полевой дневник, с. Монастырское, с. Янов Стан, Туруханский район Красноярского края. 28.09.1925 г. - 17.09.1926 г. Автограф. 58 л. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 5 (Копия Е.Д. Прокофьевой 1955 г. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 6 - 10).

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л., 1981. С. 42-68.

Казакевич Ольга Анатольевна,
к. филол. н., зав.лаб., НИВЦ МГУ

* * *

А.Г.Кравецкий(Москва)

Маргиналии на полях рукописных Библий, исправленных по еврейскому тексту

1. В настоящее время известно 16 списков Пятикнижия, относящихся к XV-XVI вв., в которых содержатся исправления, сделанные по тексту еврейской Библии. На вопрос о происхождении этой правки общепризнанного ответа нет. Предположение о связи этой правки с ересью жидовствующих, судя по всему, не подтверждается. Еще А.В.Горский, исследовавший эти исправления в середине XIX в., указывал на то, что никаких тенденциозных исправлений в пророческих местах, которые являются предметом иудео-христианской полемики, в этих рукописях не обнаруживается. Интересна недавняя гипотеза Б.А.Успенского, согласно которой славяноязычные евреи пользовались славянским Пятикнижием в качестве таргума, внося в славянский текст Библии глоссы по арамейскому таргуму. Впоследствии эти тексты начинают переписываться в православной среде. Практически во всех правленных рукописях на полях имеется значительное количество глосс. Та часть глосс, которая связана с

исправлениями по еврейскому тексту, неоднократно исследовалась. В докладе же речь пойдет о глоссах, с еврейским текстам не связанных и свидетельствующих не о редактуре текста, а о его бытовании.

2. Во-первых, обращает на себя внимание литургическая разметка. На полях книг Бытия и Исхода имеются пометки, указывающие на фрагменты, которые читаются Великим постом. Эта разметка соответствует православной литургической традиции и свидетельствует о теоретической возможности использования правленных рукописей за богослужением. Наибольший объем такой разметки обнаруживается на полях книги Бытия. Это понятно: Книга Бытия входит в паремейные чтения в значительно большем объеме, чем другие тексты Пятикнижия.

3. Другим типом маргиналий являются указания на содержание библейских фрагментов, рубрикация, превращающая библейский текст в своеобразный канонический справочник. Эти маргиналии адресованы тем, кто хочет найти в Писании прецедент в связи с каким-нибудь каноническим, юридическим или обрядовым казусом: не хотя *съгрѣшитъ* (помета около Лев. 4.1-2, где говорится о согрешении по ошибке или же по неведению); *аще помазанныи жрецъ не хотя съгрѣшитъ* (Лев. 4.3-12 – о священнике, который, согрешив по неведению, сделает виновным народ); *о всесъжънии* (глосса около Лев. 6.9, где дается «закон всесожжения»). Такого рода маргиналии преобладают в книгах Левит, Чисел и Второзаконии.

4. Анализ маргиналий, не имеющих отношения к правке по еврейскому тексту, позволяет сделать некоторые выводы об использовании правленных текстов. Судя по литургической разметке, они могли использоваться за богослужением, хотя такое использование кажется довольно неудобным, поскольку книга Исаяи и Притч Соломоновых, чтения из которых Великим постом соседствуют с чтениями из Книги Бытия, в эту книгу не входят. Предметная рубрикация предполагает использование правленных текстов в качестве библейского справочника. Возможно, что составление на основе всех сохранившихся списков свода таких маргиналий, даст возможность поставить вопрос о том, какие библейские сюжеты интересовали средневекового русского книжника при чтении Пятикнижия.

Кравецкий Александр Геннадьевич

к.ф.н., в.н.с. Ин-та русского языка РАН им. В.В.Виноградова

* * *

О.К. Крамарь(Елец)

ОППОЗИЦИЯ ЧУЖОЙ/СВОЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ

РОМАНЕ Т. ЧУРИЛИНА «ТЯПКАТАНЬ»

Восприятие изображенной в романе «Тяпкатань» картины мира непременно требует учета той сложнейшей психологической проблемы, которая всегда была доминирующей в человеческом и творческом сознании Тихона Чурилина. Поглощенность этой проблемой подвигала писателя к непрерывно осуществлявшейся им самоидентификации, оказывала серьезное влияние на его мироощущение, на его авторскую позицию, на его мнемоническую деятельность.

Импульсом к созданию «хроники города, народа, рода» во многом стала внутренняя драма писателя, связанная с фактом его незаконного рождения («родился – матери в любовь и муку, а вотцу (вотциму) – на позор и горе и нелюбу»), и вызванного этим драматическим обстоятельством ощущения своей социальной, национальной и ментальной ущербности («выдвинул ево городд, выбросило навек свое сословье – не купецкой и не чловецкой, свой, – вы-б<...>-док!! и чужой гой, гой»).

Выведенный под именем Тимки Чудилина, Тихон Чурилин выступает в романе и в качестве обычного ребенка, подростка, который «хаживал» в слободы, окружавшие город, «печатлел кулачки» на выгоне, читал «апостола с шестипсалмием» в церкви, и в качестве обреченного на маргинальное существование «чужака», лишь на время оказавшегося в Тяпкатани (под этим именем в романе фигурирует Лебедадь, родной город писателя), имеющего иную, отличную от тяпкатанской, линию жизни и судьбы.

Мотив «чужачества» является сквозным в художественной структуре романа: практически каждое упоминание об автобиографическом герое сопровождается характеристиками: «шемашедший», «чудной», «не наш, Тяпкатаньский, а чужой чужак».

Исключенный из обычного детского круга общения автобиографический герой «с участью необыкновенной», опираясь на книжные впечатления, создал свой особый мир, в котором существовали два полюса, обеспечивающие равновесие этого мира. Одним из полюсов был сам Чурилин, другим – его рано умершая мать, «красавица из красавиц всехсветных», так же, как и он, чужая и чуждая той социальной и духовной среде, в которой приходилось существовать.

С мотивом «чужачества» в произведении связан мотив двойничества, коннотирующего, в том числе, и наличие демонического начала в личности героя: «бес не бес, но и не андел», «ворон и лебедь тяпкатаньский черный».

Идее преодоления одиночества, «чужачества» автобиографического героя «Тяпкатани» максимально подчинена художественная логика романа, фиксирующая неуклонное движение маленького провинциального городка к «радостному утру» революции, смыслом и главной целью которой, как считал Чурилин, является уничтожение сословных предрассудков, обеспечение всеобщего равенства. Именно поэтому писатель максимально революционизирует историю города, насыщая ее такими событиями, которых не знала реальная Лебедянь.

Показательно, что с приходом революционного «утра», наступившего после «300-летней романовской полярной ночи», осуществляется перерождение автобиографического героя из «майского», т.е. родившегося в мае («за что, по поверью, молодец рождающийся всю жисть должен был маяться»), в «красномайского», «первого в городе и мире», а определение «чужой» вытесняется из лексикона повествователя определением «свой».

Крамарь Ольга Казимировна

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы XX века и зарубежной литературы Елецкого
государственного университета им. И.А. Бунина

* * *

Г. Е. Крейдлин(Москва)

Рудименты и атавизмы

В кругу телесных, или соматических, объектов выделяется тип, занимающий совершенно особое место. Его образуют так называемые *рудименты* – телесные объекты, которые в ходе эволюции человека постепенно утратили свои первоначальные функции и которые поэтому нередко называют *ненужными*, или *лишними*. Особенно популярной гипотеза о наличии у людей лишних соматических объектов была в конце XIX – начале XX веков. В книге Дарвин 1991 перечислено много рудиментов с атрофированными функциями. Это, прежде всего, аппендикс, или червеобразный отросток слепой кишки, и копчик. Рудиментами считаются также зуб мудрости, серповидная (полулунная) складка у глаз и слуховой, или, как его позже стали называть, *дарвиновский, бугорок*, расположенный на внутреннем крае завитка уха. Рудименты – это также разнообразные родинки и родимые пятна, соски на мужской груди и молочные железы за ними и др.

Ч. Дарвин считал, что наличие у человека рудиментов свидетельствует о правильности выдвинутой им теории эволюции, поскольку полагал, что телесные объекты, которые человеку в жизни особенно не помогают, в процессе естественного отбора постепенно вырождаются и, скорее всего, со временем полностью исчезнут. Как один из аргументов в пользу своей теории он приводил наличие у крайне малого числа людей так называемых атавизмов. *Атавизмами* называют такие соматические объекты, обладание которыми считается отчётливо выраженной разновидностью телесной патологии у человека, если не вообще уродства (не случайно, звероподобных женщин, мужчин с большой грудью, напоминающей женскую грудь, хвостатых детей и т.п. раньше часто показывали на ярмарках или в цирках). Шестипалость, то есть шесть пальцев вместо пяти на руке или ноге, резко выраженные молочные железы у мужчины, недоразвитая третья почка – все такие соматические объекты тоже относят к атавизмам.

В докладе мы остановимся на некоторых рудиментах и обсудим их существенные отличия от атавизмов. При этом пойдёт речь, однако, не столько о самих таких объектах, а об их языковой (русской) и, шире, семиотической концептуализации^[8]. Мы рассмотрим основные признаки рудиментов, отметим некоторые особенности их функций и дисфункций, подробно охарактеризуем наиболее известные рудименты, такие как родинки и родимые пятна, аппендикс и копчик.

Литература

1. Дарвин 1991 – Ч. Дарвин. **Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь**. М., 1991 – русск. издание книги Ch. Darwin. *On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life* (перепечатка издания 1907 года под редакцией К.А. Тимирязева).
2. Крейдлин 2010 – Г.Е. Крейдлин. **Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: Тело и другие соматические объекты** // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.)). М., 2010. Вып. 9 (16), 230 – 234.
3. Крейдлин, Переверзева 2014 – G.E. Kreydlin, S.I. Pereverzeva. **Semiotic conceptualization of the human body: types of somatic objects and their names in Russian** [*Семиотическая концептуализация тела человека: типы соматических объектов и их обозначения в русском языке*] // *The Body in Language: Lexicon, Metaphor, Grammar and Culture*". Brill Studies in Language, Cognition and Culture, Warsaw, 2014 – (на англ.яз. в печати).

Крейдлин Григорий Ефимович – д. филол. н.

профессор кафедры русского языка [Института лингвистики РГГУ](#)

* * *

Е.В.Кудрина(Москва)

Жанровое своеобразие «Историй из моей собственной жизни» Людмилы Петрушевской

«Истории из моей собственной жизни» Людмилы Петрушевской – это, как сказано в аннотации и на обложке книги, «автобиографический роман».

Обращает на себя внимание название – «Истории из моей собственной жизни». Не просто истории из жизни, а именно *собственной*, т.е. изначально автор договаривается с читателем о том, что истории будут личные, подлинные, не выдуманные, не чужие.

Эта книга – по сути энциклопедия жизни автора, сборник, состоящий из автобиографической повести «Маленькая девочка из «Метрополя»» (удостоена Бунинской премии в 2008 году), рассказов-зарисовок (вполне самостоятельных по отдельности) о творчестве («Краткая история «Трех девушек»; «Из истории «Брачной ночи» (Дневниковая запись)»; «Вермут итальяно, называется «Чинзано» (Материалы для адвоката) и др.), о семье («Наш 1991 год»), детях («Это поколение-82»), друзьях («Письмо Норштейну и читателю»), учителях («Воспоминание» о М.А. Горюнове), о трагических и смешных эпизодах на фоне грандиозных событий XX века («Вася-Ира Ленин, или Как меня выгоняли с работы»), а также литературоведческие и искусствоведческие заметки («Памятник Пушкину», «Все имеют право на концепт», «Скрипка Энгра», «Вместо интервью» и др.).

Книга Петрушевской, собравшая под своей обложкой такие разные автобиографические лоскутки-истории, является вполне целым, законченным творением, с одной стороны, внехудожественного жанра (сродни мемуарам), а с другой стороны, – это художественное произведение автобиографического жанра, в котором автор с некоторого временного расстояния осмысливает свое прошлое и описывает свой жизненный опыт.

Главы книги, словно части одной мозаики или составного изображения (в живописи), вместе образуют одно большое художественное полотно. (Сравнение возникло не случайно, особенно если учесть, что Петрушевская ещё и талантливая художница. В книге есть её рисунки).

Петрушевская включает в свои повествования цитаты из собственных произведений (например, из «Карамзиндеревенского дневника»), стихотворения, диалоги (почти готовые пьесы), собственно художественные тексты (например, сказку о тетрадке в клеточку в «Сказке о сказке»).

«Истории» – это воссоздание Петрушевской собственного портрета: детский портрет, портрет студентки, портрет матери, портрет драматурга, портрет писателя, портрет художника и т.д. (в книге содержится немало личных фотографий автора (с подписями)). Её истории – это также раскрытие перед собой и читателем своего внутреннего мира, самопознание, сосредоточение на существовании себя в мире, фиксация постепенного изменения своего отношения к чему-либо или кому-либо. Так, например, от неприятия к оправданию менялось отношение к тёткам маленькой девочки Люды и взрослой Людмилы Стефановны. И автор «Историй», являясь одновременно и рассказчиком, и персонажем, честно пишет о своих заблуждениях и падениях, но и о прозрениях, своих сердечных переживаниях. О событиях из жизни, до конца ею не осмысленных или глубоко личных, (например, о первом муже, его ранней гибели), Петрушевская пишет как бы вскользь, полунамёком, дабы никого из своих родных не обидеть, не задеть, не растревожить. И от этого ещё сильнее ощущается исповедальный характер книги, в которой художественное с внехудожественным тесно переплетены.

Художественное творчество здесь выступает в качестве акта сотворения писателем собственной личности, как деятельность житнетворческая. И в этом смысле это, конечно, экзистенциальное произведение (от *lat. existentio* – существование).

Литература

Петрушевская Л. Истории из моей собственной жизни: [автобиографический роман]/Людмила Петрушевская. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 541 с.

Елена Викторовна Кудрина, ГБОУ ВПО МГПУ, к.ф.н., ст.преп. кафедры русской новейшей литературы и читательских практик

* * *

И.М. Курносова(Елец)

«НЕПРАВДОПОДОБНОСТЬ» КАК «ПОДЛИННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» ЯЗЫКА Е.И.ЗАМЯТИНА

Е. И. Замятин, как и ряд других писателей в начале XX в., обращается к народно-разговорному языку как к инструменту совершенного нового показа действительности. Сам Замятин причислял себя к представителям неореалистического изображения жизни, где главным, по его словам, является «кажущаяся неправдоподобность действующих лиц и событий, раскрывающая подлинную реальность» [1, 136].

Экспериментируя со словом, соединяя в одном контексте различные стилевые пласты, Замятин создавал тот особый язык, который давал повод критикам говорить о его условности, обусловленной теоретической установкой писателя на изображение «языка среды», который, по его убеждению, означает «не буквальный язык среды, а художественный синтез языка среды, стилизованный язык среды» [2, 81]. Философия неореализма позволяла автору соединять в одном произведении миф и реальность, «фантастику и быт», реализм и символизм [1, 136].

Произведения Замятина содержат значительный пласт языковых единиц, не зафиксированных словарями русского языка. Среди них бóльшую часть составляют слова, которые теоретически могут существовать в живом разговорном языке как образования по продуктивным моделям и с помощью продуктивных аффиксов (*бедованье, безотдышный, вежливец, винопиец, глядельный, голубиться, детоводство, допросчик, заневодить, зленный, мокроглазый, навизититься, настоистый, немовать, непрестанный, облютеть, пригорбый* и др.) или уже существуют в языке как узуальные единицы с иными аффиксами (*вечерины, дремь, едучий, запойство, засиделая, иззаморский, листовяной, мазево, мозговатый, наперекосы* и др.).

Конечно, хорошо известно, что говоры характеризуются значительной формальной вариативностью слов, затрагивающей и фонемный состав, и морфемный, однако нельзя забывать и об индивидуальном писательском варьировании общеупотребительных слов, а также о создании им новых лексических единиц. Поэтому особо отметим слова, семантика и этимология которых требуют специальных разысканий – значения, здесь представленные, выведены нами, во-первых, из контекста, во-вторых, в ряде случаев основаны на семантизации этих слов самим писателем, в-третьих, опираются на семантику имеющих в словарях родственных слов: *баклановка* – ‘водка, приготовленная по рецепту генерала Бакланова’, *балхолда* – ‘болтунья, балаболка’, *божеряка* – ‘человек, который постоянно божится, т.е. клянется именем Бога’, *взбыдриться* – ‘влезть, подняться куда-либо с усилием’, *евсяной* – ‘мягкий, вялый,

бессильный’, *завезить* – ‘опустить веки, закрыть (глаза)’, *зачихачиться* – ‘пропасть, исчезнуть, запропасться’, *сузём* – ‘дальний, неведомый, неизвестный слой земли’, *тельник* – ‘теплая вязаная кофта’, *шалова* – ‘бездельница; взбалмошная, легкомысленная’ и др.

Особенность прозы Замятина – отсутствие прямых толкований «редких» слов и графических способов их маркировки – писатель убежден, что «смысл слова объясняется целиком всей фразой», а примечания «отвлекают внимание читателя, расхолаживая его и разрушая художественное очарование» [2, 84].

«Языковая инициатива» писателя может проявляться и использовании фразеологических средств – укажем устойчивые выражения из языка Замятина, не зафиксированные словарями: *Стали жить вдвоем с матерью, а без мужика в доме – что уж за жизнь: одно горе необрядимое* (Письменно). (Без пояснения значения это выражение ввел в свой «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицын, где, по словам автора, «подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего языкового расширения» [3, 4].) Другие примеры: *Все мы одним кумачом подбиты* (Полуденница); *Тихмень долго скрипел, колумесил околицей: все никак духу не хватало настоящее сказать* (На куличках); *На воде был такой холодина, что все живо языки подвязали* (На куличках); *Аржаной оброс за время бегов щетиной, стал еще скуластей, еще больше обветрел, земле предался* (На куличках) и др.

Заметим, что в целом в языке Замятина количество единиц, не зафиксированных словарями русского языка, составляет лишь около 5 % от общего числа использованных им слов и выражений устной народно-разговорной речи.

Замятин, утверждавший в литературе свою концепцию языка художественной прозы – «писатель должен перевоплощаться целиком в изображаемых им людей, в изображаемую среду», «язык – должен быть языком изображаемой среды и эпохи» [2, 80] – был убежден, что народный язык способен дать подлинному художнику такие лексические средства, которые литературному языку неизвестны.

Литература

1. Замятин Е.И. Современная русская литература. Вступительная лекция // Литературная учеба. 1988. Кн. 5. С. 130–143.
2. Замятин Е.И. Техника художественной прозы // Литературная учеба. 1988. Кн. 6. С. 79–107.
3. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. М., 1995.

Курносова Ирина Михайловна

д. филол. н., проф. каф. теории и истории русского языка

Елецкого государственного университета имени И.А.Бунина

* * *

М.А.Кучерская(Москва)

**Европейская бытовая преступность и ее влияние на русскую жизнь:
«Леди Макбет Мценского уезда»**

Наше сообщение посвящено возможным источникам очерка Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Вообще попытки обнаружить источники этого очерка предпринимались исследователями неоднократно, но как представляется, один актуальный для Лескова пласт до сих пор не был учтен в должной мере. Мы постараемся показать, что содержание «Леди Макбет» было продиктовано составом публицистических разделов журналов начала 1860-х годов, обсуждением женского вопроса и переводными уголовными хрониками, а также особенностями положения Лескова в литературе в это время.

О том, что «Леди Макбет» была откликом на дискуссию о правах женщин уже писалось. Добавим к этому, что в начале 1860-х газеты и журналы все активнее стали посвящать материалы положению заключенных, причинам преступности, собственно описанию преступлений. Лесков и сам в качестве репортера посещал женский острог и написал об этом два очерка («Страстная суббота в тюрьме», «За воротами тюрьмы», опубликованные в газете «Северная пчела» в 1862 году), о которых, кстати, одобрительно отозвался Ф.М.Достоевский, хорошо знакомый с предметом по личному опыту. Журнал братьев Достоевских «Время» также активно обсуждал «тюремную» тему. Например, в 1862-1863 году «Время» опубликовало серию очерков Н.Соколовского «Из записок судебного следователя», причем в 1862 году эти очерки печатались одновременно с «Записками из Мертвого дома» Достоевского. Одновременно Достоевские начали и регулярную публикацию уголовных хроник, преимущественно французских^[9].

Несколько из этих очерков посвящались историям отравительниц, убивших своих супругов с помощью мышьяка^[10]. Не стоит исключать, что жуткие подробности отравлений, описанных в этих очерках, оказали

существенное влияние и на замысел Лескова. В центре «Леди Макбет» также выведена отравительница, использовавшая именно мышьяк.

Важны и возможные мотивы Лескова в выборе именно этих тем (женский вопрос, уголовное преступление). В 1864 году Лесков – автор с крайне сомнительной в глазах либерально настроенных литераторов, репутацией. За его плечами знаменитая «пожарная история» 1862 года; в 1864 году «Русский вестник» уже опубликовал роман Лескова «Некуда», высмеивающий нигилистов. Именно в это время почти полной изоляции в литературном мире, Лескову чрезвычайно важно было найти «своих».

Вполне предсказуемо он попробовал на эту роль «почвенников» Достоевских, роль «входного билета» в редакцию «Эпохи» должен был исполнить очерк «Леди Макбет», который идеально вписывался в задачи, темы и позицию журнала Достоевских – обсуждал преступление, возможные причины его, опровергал распространенную точку зрения на женскую свободу (Достоевские также придерживались консервативных взглядов на «женский вопрос»), наконец, касался потаенных сторон человеческой души и механизмов любовной страсти.

Майя Александровна Кучерская

к. филол. н., проф., фак-т филологии Научно-исследовательского института

Высшей школы экономики

* * *

Краснова Т.В.(Елец)

Город Корьдно: реальность или ошибка палеографа?

Известный в современном историческом дискурсе город Корьдно упоминается в «Поучении» Владимира Мономаха в контексте похода на вятичей: «*А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму...*» [1, 402] Д.С. Лихачев в комментариях к тексту поясняет: «Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно» [1, 462]. «Относительно же месторасположения города Корьдно, – пишут Е. Столяров и П. Ремпель в статье «Голядь, меря и вятичи», подводя некоторые итоги его поиска как географического и археологического объекта, – нет единого мнения. Известный калужский краевед В. Кашкаров отождествлял с ним селение Мосальского уезда Корна. Академик Б.А. Рыбаков поместил его на берегу реки Зуши, у деревни Карнады (Орловская область), поставив его под знаком вопроса. Т.Н. Никольская, исследовавшая не одно десятилетие бассейн Верхней Оки,

заклЮчила в своей книге «Земля вятичей», что раскопки не дали никаких результатов. Так что этот вопрос остается до сих пор открытым и, может быть, когда-нибудь археологам удастся точно установить место, где раньше располагался этот легендарный город...» [3]

Попытки археологического поиска города «Корьдно» не могли и не могут увенчаться успехом, поскольку своим появлением на свет легендарный в прямом смысле город обязан ошибке интерпретатора текста. Указанную словоформу следует читать *ко корь дну – в верховья Дона*. Такое прочтение вполне правомерно с точки зрения палеографии древнерусских памятников письменности. Напомним, что древнерусский текст, который мы только что привели, при издании претерпел ряд модификаций, которые сделали его доступным современному читателю. Так, уставное письмо, господствовавшее в России с XI по XV века, характеризовалось отсутствием пробелов между словами, отсутствием заглавных букв в именах собственных, сокращением слов путем пропуска гласных или даже отдельных слогов. (Сравним запись в Тверской летописи под 1032 годом: «*Великий князь Ярослав поча ставити на Руси ...*» (реке Руси – Т.К.) [2, 146]) При издании рукописного текста «Поучения» непонятое слово *кокорьдну* было разделено произвольно и прочитано как *ко Корьдну*, хотя следовало бы читать как *ко корь Дну*: *корь* в древнерусском языке имело значение «основание», «корень», *дну* – Дону.

Правомерность предложенного нами прочтения древнерусского текста подтверждается и другими факторами. Во-первых, археологи уже много лет назад открыли следы черниговской культуры на Дону, датируемой XI-XII вв. Лингвисты, в свою очередь, выделяют целый пласт топонимии в бассейне Верхнего Дона: Лебедянь, Девица, Усмань, Рамонь, Снова, Тихая и Быстрая Сосна, Хворостань, Острогоща и др., также имеющий соответствия среди древнейшей топонимии черниговской земли. Таким образом, мы имеем все основания говорить о том, что в ходе первого похода на вятичей Владимир Мономах был на берегах Дона.

Так где же тогда находились земли Ходоты и его сына, составлявшие основную цель походов Мономаха? Черниговская топонимия притоков Дона – Быстрой Сосны и Красивой Мечи, городища черниговского типа в бассейнах этих рек четко обрисовывают маршрут похода, основным направлением которого было движение по руслу Быстрой Сосны к Дону.

Не следует забывать, что речь идет о восьмидесятых годах XI века, том периоде, когда практически все славянские племена уже были подчинены Киевской Руси, и обширные территории вятичей с каждым годом сжимались, как шагреновая кожа, ибо пограничные зоны все более и более осваивались выходцами из других русских земель. Очевидно, глухие, необжитые земли в бассейне Быстрой Сосны и Красивой Мечи стали последним оплотом племени с названием вятичи, куда и ушли вятичские князья, Ходота и его сын, в надежде спрятать и сохранить свое племя, избежав столкновения с все более и более наступавшими на землю вятичей киевскими князьями. Но Владимир Мономах по границе с Диким Полем зимой с дружиной прошел

землю вятичей и вышел на Дон, о чем сегодня нам напоминают многочисленные черниговские топонимы и городища.

Наше прочтение словоформы «*кокорьдну*» позволяет ликвидировать некоторые белые пятна истории. До сих пор ученым был известен только один поход Владимира Мономаха на Нижний Дон (район станицы Вешенской) в 1111 году. Упоминание об этом походе есть и в «Поучении»: «... и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе...» [1, 407] Смысл текста вполне понятен за исключением слова «паки» – *еще раз, снова*. Оно может означать только то, что Мономах когда-то уже был на Дону! И теперь мы знаем, когда именно, – зимой 1081 года! В месте впадения Быстрой Сосны в Дон (деревня Мазанки Елецкого района в 35 км от Ельца) Быстрая Сосна шире и мощнее Дона. Тот Дон, который впервые увидел Мономах, когда по Быстрой Сосне вышел на его берега, нельзя даже сравнить с тем мощным и широким Доном в его нижнем течении (через 800 км), где Мономах побывал ровно через тридцать лет. Поэтому в «Поучении», которое было написано Мономахом, когда за его плечами было уже два похода на Дон, свой первый поход он назвал очень точно и емко – *ко корь Дну*, т.е. в верховья Дона. Следует заметить, что и сегодня, согласно современной географической терминологии, земли на Дону, освоенные Мономахом в течение его первого похода, называются Верхним Доном.

Литература

1. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. – М., 1978
2. Полное собрание русских летописей. – М., 1965, - Т.XV.
3. Столяров, Е., Ремпель, П. Голядь, меря и вятичи [Электронный ресурс] / Е. Столяров, П. Ремпель. – [sergievskoe.ru > slaviane.htm](http://sergievskoe.ru/slaviane.htm).

Краснова Татьяна Владимировна, к. филол. н.
доцент кафедры журналистики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

* * *

Э. К. Лавошникова(Москва)

Маргинальное в орфографии текстов на русском языке

Ошибки на письме могут быть намеренными (передача неграмотной речи, дефектов произношения, а также «словесная игра») и непроизвольными, которые можно разделить на *ошибки правописания* и *опечатки* (или *описки*).

Можно предположить *психологические причины* возникновения наиболее типичных *ошибок*. Есть стремление осмыслить морфологию слова, сделать его «более понятным». Например, встречается написание **нервопатолог* («народная этимология» – не от *neuron*, а от *нерв*, латинское *nervus* – жила). Но заметим, что в «Русском орфографическом словаре» (ИРЯ РАН, 2005) имеется не только слово *невроз* («болезнь»), но и *нервоз* («нервное состояние»). Ниже примеры слов, для которых «популярны» искажения по психологическим причинам:

агентство, сумасшедший (**агенство, *сумашедший*: так отражаются на письме труднопроизносимые скопления согласных),

ажитация (франц. *agitation*; но иногда происходит контаминация со словом *ажисотаж*, и получается **ажисотация*),

апартаменты, атрибут (франц. *appartement*, англ. *attribute*; знание языков иногда даже «мешает»),

ас («слишком короткое слово», поэтому иногда пишут *асс*, но спеллер не подчеркивает, так как есть такое слово со значением «монета»),

военачальник, солдафон (**военноначальник, *солдатофон*: так «понятнее»),

времечко, темечко, семечко, стремечко (часто пишут через «я», так как образовано от слов на «-я»; с другой стороны, **временпровождение_и *временпрепровождение_тоже* можно встретить),

грамотный (**граммотный* – под влиянием слова *грамматика*),

бессребреник, джентльмен, мужеложство, пригоршня, учреждение, мебелировка (некоторые сочетания согласных легче произносить с гласной внутри, что отражается и на письме),

дивиденды («лат. *dividendus* – подлежащий разделу»; но отсутствующее в словарях **дивиденты* встречается едва ли не чаще – звучит привычнее, так как слов на «-ент» намного больше),

довлеть («преобладать, господствовать, тяготеть», но пишут **давлеть* под влиянием слова *давить* и употребляют приблизительно в том же значении),

интроверт (лат. *intro* – внутрь, *vertere* – обращать, но вспоминают слово *экстраверт*, вместо «экс-» подставляют «ин-», и получается

**интраверт*; но есть слова *интрамолекулярный*, *интразональный*: они происходят от латинского *intra* ‘внутри’),

комиссариат (удваивают *м* по аналогии со словом *коммунизм*),

междоусобица (**междуусобица*),

млекопитающее (‘питающее молоком’, но популярно **млекопитающееся* – по аналогии со словом *пресмыкающееся*),

нянчиться (**няньчиться* – влияет не только его произношение, но и слово *нянька*),

перистальтика, *периферия*, *перспектива*, *пертурбации* (предполагают в этих словах приставку «пере-»),

поскользнуться, *почерпнуть* (очень распространены ненормативные **подскользнуться*, **подчерпнуть*),

светопреставление (**светопредставление*: слово *преставление* – малоупотребительное),

сногшибательный (говорят и пишут **сногосшибательный*, предполагают соединительную гласную, да и сочетание «гсш» – труднопроизносимое),

трансцендентный (**трансцедентный*: буква *н* «пропадает» – по аналогии со словами *инцидент* и *прецедент*),

фальстарт (от англ. *false start*; **фальшстарт*, конечно, понятнее),

чрезвычайный (**черезвычайный*, полногласная приставка «через-» звучит более привычно),

электрификация, *газификация* (пишут и произносят с соединительной гласной *о*: **электрофикация*, **газофикация*),

эликсир (**элексир* – под влиянием слов *элемент*, *электричество* и пр.),

эстрогены (**экстрагены* – результат «народной этимологии»).

Гласная, находящаяся в слабой позиции, может выпадать в словах *заведующий*, *канцерогенный*, *напоротник*, *провода*, *следующий*, *судорога*, *сутолока* и др.

Мы видим, что часто ошибки происходят от уподобления более понятным или употребительным словам. (В телепередаче пожилая деревенская женщина назвала газету так: «*Агументы* и факты». Можно предположить, что она привыкла к словам *агроном*, *агротехнический* и т. п.)

Исключительно популярны *найм и *займ при нормативных *наём* и *заём* (*госзаём*) – здесь влияние более употребительных косвенных падежей и «выравнивание» парадигмы. Слова «найм» и «займ» уже почти превращаются в норму.

Нередко встречается неправильно построенный инфинитив. Примеры: **бдить*, **зрить*, **скорбить* вместо *бдеть*, *зреть*, *скорбеть* – под влиянием более употребительных форм *бдит*, *зри* («Зри в корень!»), *скорбим* и большей распространенности глаголов на «-ить»; а также **удастся* вместо *удаться*.

Очень распространен пропуск *ь* в инфинитиве возвратных глаголов («Не хочу учиТСя, а хочу жениТСя!»). Но иногда, наоборот, «от излишнего усердия» появляется мягкий знак в 3-ем лице наст. и буд. времени (**надеется*, **закончатся*).

Не всегда «воспринимается» превращение буквы *и* в *ы* в словах: *небезызвестный*, *подынтегральный*, *подытожить*, *предыстория* и т. п. Неприятие поддерживается тем, что буква *и* остается в написании слов *межинститутский*, *сверхызысканный* (иначе получились бы нежелательные буквосочетания «жы» и «хы»), а также в написании слов с заимствованными префиксами: *дезинформация*, *гиперинфляция* и т. п.

Некоторые слова вызывают у пишущих сомнения – нужен ли в них твердый знак: *межъязыковой*, *панъевропейский*, *трёхъярусный*, *фельдъегерь* и т. п. При этом без *ъ* пишутся сокращения *детясли*, *партячейка*, *Минюст* и др. Кроме того, у пишущих иногда возникают сложности с выбором между *ъ* и *ь*. В словах *адъюнкт*, *адъютант*, *дизъюнкция*, *конъюнктурный* говорящие часто смягчают согласный перед *ъ*, что может приводить к написанию через мягкий знак, тем более что префиксы в заимствованных словах распознаются не всеми. С другой стороны, в некоторых случаях пишут по ошибке твердый знак вместо мягкого знака (*обезьяна*, *арьергард*, *интерьер*, *консьержка*, *коньяк*).

Твердый знак вообще можно было бы исключить из русского алфавита. Однако заменять его в таком случае имеет смысл не апострофом, как это было в первые годы советской власти, а мягким знаком, тем более что на глаз во многих шрифтах *ъ* и *ь* почти не различимы. Освободилось бы место на компьютерной клавиатуре для других символов (нового символа российского рубля, например).

Итак, можно сделать вывод, что ошибки чаще всего совершаются по аналогии с более привычными словами или в результате порождения словоформ по более регулярным моделям. Иногда в процессе освоения новой для кого-то лексики слова искажают, пытаясь сделать их «более понятными».

При разработке очередных версий автокорректоров (спеллеров) желательно учитывать статистику употребления словоформ в текстах, в том числе и статистику ошибочного их написания, а также причины, «технические» и психологические, происхождения опечаток и ошибок. Мы предлагаем дополнять компьютерные системные словари списками наиболее вероятных искажений слов с вариантами их исправления. Это должно способствовать более эффективной работе программы-подсказки при компьютерной коррекции текстов.

Лавошникова Элина Константиновна

вед. программист НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова

* * *

Е.Е. Левкиевская(Москва)

**«Отпевальные» тетрадки как форма передачи религиозного знания
у украинцев Самойловского р-на Саратовской обл.**

Доклад основан на материалах этнолингвистических экспедиций РГГУ 2012-2013 гг. в Еланско-Терсянский украинский анклав Саратовской обл., сформированный переселенцами с восточных земель Украины в первой половине XVIII в. Потомки этих переселенцев продолжают сохранять локальную идентичность (самоназвание «хохлы»), собственный диалект (который они называют «хохлячим»), отличая себя как от русских («москалей»), так и от украинцев, проживающих на Украине.

В советское время на территории анклава сложилась неформальная система замещения религиозных институций и воспроизводства сакральных специалистов, выполнявших функции священника. В этом качестве могли выступать как мужчины, так и женщины («народные попы», «монашки» и просто «бабки»). Они крестили детей, отпевали покойников, освящали пасхальную пищу и воду (в том числе на Крещенье проводили Великое водосвятие в иордани), некоторые из них проводили богослужения в полуподпольных микрообщинах (обычно на Пасху).

Одна из наиболее важных и устойчивых функций сакральных специалистов, повлиявших на структуру местного погребального обряда, - отпевание покойников (в традиции это называется: «ходить по покойникам», «читать по покойникам») – сохранилась до сих пор и считается обязательной частью погребального обряда, несмотря на наличие в селах священников. В настоящее время в круг лиц, совершающих отпевание, входят читалка, читающая Псалтырь, и 2-3 певчие – женщины, поющие панихиду (или ее

фрагменты) и канты (духовные стихи). Читалка и певчие приглашаются в дом покойника вскоре после его обмывания и облачения в смертную одежду и с небольшими перерывами присутствуют при покойнике до конца похорон, в том числе и ночью, когда отпевание продолжается с перерывами, во время которых читалка и певчие отдыхают в соседней комнате.

Весь корпус текстов, предназначенных для отпевания, содержится в переписанных от руки «отпевальных» тетрадках, которые имеют все женщины, «ходящие по покойникам». В докладе будут рассмотрены типы «отпевальных» тетрадок, зафиксированных экспедицией, их структура, а также набор включенных в них текстов.

Важно подчеркнуть, что сама структура обряда и корпус текстов, содержащихся в таких тетрадках, значительно эволюционировали за последние 80-90 лет, за которые нам удалось проследить данную традицию. Основной зигзаг эволюции можно обозначить следующим образом: от отпевания, относительно приближенного к церковному, в первые десятилетия советской власти (когда отпевание шло по сохранявшимся дореволюционным богослужебным книгам лицами, имевшими навыки церковнославянского языка и хотя бы некоторый опыт дореволюционной церковной жизни) к обряду 50-80-х гг., основными исполнителями которого было уже следующее поколение советских людей, как правило, не владевшее основами церковнославянского языка и не знавшее образцов церковного отпевания. В этот период в «отпевальных» тетрадках появляются тексты народной традиции – духовные стихи, которыми отчасти заменялись, отчасти дополнялись фрагменты церковных текстов. В настоящее время в тетрадках ныне практикующих сакральных специалистов содержатся 15-20 духовных стихов, некоторые из которых четко вписаны в структуру погребального обряда (например, кант «Ты не пой, соловей, возле кельи моей...» обязательно исполняется перед выносом покойника из дома), а часть других варьируется в зависимости от обстоятельств (например, при отпевании женщины, имевшей детей, исполняется кант «Спи, моя милая мама...»).

Особую проблему составляет воспроизводство сакрального знания в каждом последующем поколении и включение в круг сакральных специалистов новых женщин. Значительную роль в этом играет передача или самих тетрадок, или содержащихся в них текстов новым лицам и обучение их навыкам отпевания.

Левкиевская Елена Евгеньевна,

д. ф. н., в. н. с. Ин-та славяноведения РАН

Т.П.Лённгрен(Тромсё, Норвегия)

**«Котлован» А. Платонова в контексте
славянской народной культуры**

Опираясь на текст «Котлована», прочитанный в общем контексте славянской народной культуры, и на анализ языковых средств писателя, в докладе будет показано, что в этой повести А. Платонов мастерски убеждает читателя в том, что разрушение народного сознания и замена его «теоретическим» неизбежно ведет к катастрофе. Он призывает как можно скорее опомниться, не искать смысл жизни, а только вспомнить его. Надо опять стать людьми, а не слугами дьявольских замыслов. В рукописном варианте конца повести Воцев, как бы очнувшись от кошмара, спрашивает сам себя: «Отчего я забыл смысл, ведь я его, кажется, знал?»

Уже с первых страниц повести, несмотря на присутствие жизнеутверждающих элементов, заимствованных Платоновым «на 'складе' социалистического производственного романа», читателя окутывает могильный холод и неотступно преследует предчувствие приближающейся смерти. На это обратили внимание литературоведы. Философы, сравнивая Платонова с Сартром, говорят о его экзистенциальном мироощущении, а в лингвистическом исследовании не только подчеркивается, что близость мироощущения, выраженного в наиболее «сокровенных» вещах Платонова, к экзистенциализму кажется очевидной, но и делается попытка анализа лексики, относящейся к экзистенциальным категориям.

Но несмотря на такое пристальное внимание к феномену Платонова, до сих пор, кажется, не было замечено, что Платонов, изображая экзистенциальные настроения окружающего его бытия, сам был далек от экзистенциального мироощущения. Наоборот, немногим более, чем через десять лет после Октября, он, обладая великим даром провидца и художника, увидел и мастерски показал в «Котловане» не только начало семидесятилетнего пути России в ад, но и указал реальный выход из этого ада.

Отсюда раздвоенность: с одной стороны — экзистенциальность мироощущения, порожденного воплощением в жизнь сталинских мифических проектов, понимание всей их абсурдности и обреченности

(антимир), а с другой — вера во всепобеждающую силу народной мудрости, народного разума (мир).

В подтверждение сказанному можно напомнить, что исследователи, говоря об экзистенциализме Платонова, указывают на смерть Насти, как будто бы олицетворяющую безысходность мироощущения самого автора. Но это не так: смерть Насти и каменная, а не глиняная, ее могила свидетельствует о том, что автор верил в победу рассудка над безумием. Для того, чтобы согласиться с таким предположением, надо обратить внимание, что в повести есть два ростка новой жизни, два начала: женское (символ «нижнего», антимира) и мужское (символ «верхнего», мира).

Прочтение «Котлована» в контексте славянской народной культуры приводит к глубокому пониманию серьезного предупреждения ясновидца: ведь задолго до того времени, как советский народ запел «Светоч нашей жизни, солнце поколений...», уже в конце 20-х годов, Платонов сказал: «плачь, баба, плачь сильнее — это солнце новой жизни взошло, и свет режет ваши темные глаза». Ведь не зря в лице писателя Платонова мстительный вождь чувствовал самую сильную оппозицию себе и своей «генеральной линии»: посильнее бухаринской или рыковской, глубже, фундаментальнее.

Платоновское противостояние сталинским идеям не было случайным или сиюминутным, его прочность укреплялась гениальным сплавом творческой оригинальности и философской мысли, разлитой умелой рукой великого зодчего в неповторимую форму острого, меткого, по-платоновски перевернутого и вывернутого слова, рожденного именно в тот тяжелый момент истории русского народа, когда действительно... в общем-то, *некуда жить, вот и думаешь в голову.*

Лённгрен Тамара Павловна, PhD

Ун-т г. Тромсё Норвегия

* * *

свящ. Федор Людоговский (Москва)

«Затишинская мозаика» – третья часть семейной хроники

В своих тезисах и докладах на двух предыдущих конференциях я говорил о трилогии, образующей хронику семьи Маркеловых. Первая часть трилогии – беллетризованные воспоминания Константина Михайловича

Маркелова (1868–1944), двоюродного племянника поэта А. Н. Майкова, о жизни в подмосковном имении Красный Стан в 1870–80-е гг. Мемуары были изданы в Париже в 1926 году. Вторая часть – «Затишье», рукописные воспоминания 1950-60-х гг. племянника К. М. Маркелова, старшего брата моей прабабушки, Владимира Дмитриевича Маркелова (1889–1966), о даче Маркеловых – Затишье. Третья часть – «Затишинская мозаика», сборник рассказов жителей дачи Маркеловых, составленный уже в XXI веке. В нынешнем докладе речь пойдет о третьей части.

Идея составления сборника принадлежит моему отцу – Борису Адриановичу Людоговскому (р. 1945). 100-летний юбилей дачи Маркеловых был отмечен в 1998 году с большим размахом. Следующая круглая дата, 110 лет, праздновалась куда более скромно – однако именно в 2008 году отец решил организовать составление сборника коротких рассказов из истории Затишья, авторами которых стали бы сами затишинские жители.

Первое издание представляло собой переплетенную компьютерную распечатку с объемом основной части около 60 страниц. Сборник включает в себя порядка 120 сюжетов – как правило, совсем небольшого объема: от нескольких фраз до трех-четырех абзацев. В предисловии составитель писал: «Предлагаемые заметки “Затишинская мозаика” являются воспоминаниями многих затишинцев разных поколений; события, описываемые в них, чем-то привлекли в свое время внимание их участников или свидетелей и не однажды рассказывались в семейном кругу, став, таким образом, фольклором. Все это происходило в родном нам Затишье и его окрестностях с нами самими, с родными и знакомыми нам людьми, знакомыми, порой, только по рассказам». В качестве приложения к сборнику даны родословные схемы жителей Затишья с фотографиями (подготовлены моим дядей Алексеем Андреевичем Зазульским, р. 1956).

Приведем один из рассказов, относящийся к 1958 году и записанный отцом со слов его двоюродного дяди Олега Всеволодовича Чижова (1926–2008): «При одном из посещений Затишья пионерами из Шишиморова какой-то пионер увидел под кустами у обрыва напротив дома ржавую немецкую каску. Мальчик был плохо воспитан – он не знал, что нельзя без спроса брать чужие вещи. Поэтому он поднял каску, надел себе на голову и, распевая что-то бравурное, церемониальным шагом удалился с пионерским отрядом. Комизм марша бойкого пионера для посвященных заключался в том, что каска использовалась как ночной горшок. На день каску выставляли проветриваться. Наверное, она уже достаточно проветрилась».

Второе (или, если угодно, первое расширенное) издание предполагалось выпустить в ноябре того же 2008 года, однако это не удалось осуществить. Подготовка новой версии сборника возобновилась в связи с очередным юбилеем – 115-летием дачи Маркеловых. Летом 2013 года была подготовлена альфа-версия второго издания, в декабре (вновь в одном экземпляре) –

расширенный вариант. Однако работа на этом не остановилась, и пополнение сборника происходило вплоть до февраля 2014 года. Во втором издании отсутствуют генеалогические схемы, однако в текст вставлены фотографии разных лет; сборник предполагается снабдить указателем персоналий. В настоящий момент (конец февраля 2014 года) формирование основной части сборника завершено (ее объем превысил в три раза объем рассказов в первом издании), идет уточнение подписей к фотографиям, макетирование и составление указателя персоналий.

Людоговский Федор Борисович

к.ф.н., ИСл РАН, ИС РПЦ

* * *

А.П. Люсый(Москва)

РОЖДЕНИЕ БЕЗГРАНИЧНИКА: аналитичность маргинала

Напряжение темы — в двойственности самой идеи границы. Граница как предел может и способствовать обустройству человека, определению его места в мире, но может и заключать, ограничивать его. Граница дома может оборачиваться границей тюрьмы — все зависит тут не от нашего отношения к дому или тюрьме, но от нашего отношения к самой идее границы.

Согласно Библии, Бог, творя мир, одновременно совершил не менее важное деяние: установил в сотворенном мире границы, провел межи, которые переступать не следует. Вместе с тем уже в книгах пророков возникает представление о границах, рассекающих и обустроивающих вертикальный строй бытия, — о Божественной иерархии, которая в настоящее время извращена и подлежит переделке в обратную: «Униженное возвысится и высокое унижится» (Иез., 21:26).

Однако Новый Завет утверждает мысль о перестройке иерархии («Многие же будут первые последними, и последние первыми» — Мат., 19:30; «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» — Лук., 14:11, и др.), не отменяя, впрочем саму идею иерархии и границы, только трактуя ее более отвлеченно, не вдаваясь в мелочные разграничения. Христос пришел, чтобы дать не «мир», но новое «разделение» (Лук., 12:51), чтобы утвердить сущностную пропасть между

грехом и праведностью, о которой Авраам говорит грешнику: «хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не перейдут».

Много веков спустя учредитель русского Нового Завета (тот, кто «наше все») через созданную им новую светскую литературу и язык в пору своего увлечения «чистым афеизмом» откровенно высмеял регулирующую стихии деятельность ветхозаветного Создателя:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

В последующем же творчестве А.С. Пушкина проблема границ, осложненная собственным положением «невъездного» за границу, проявляет себя весьма многосторонне. К примеру, она оказывается местом действия двух важных сцен трагедии «Борис Годунов» (по первоначальному авторскому определению – «Комедия в настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве») – «Корчма на литовской границе» (8-я) и «Граница литовская» (14-я). «Причем и в том и в другом случае события, разворачивающиеся на границе, являются сюжетобразующими по отношению к целому. Кроме того, для ряда героев трагедии граница становится точкой их устремлений, хотя при этом они руководствуются разными интенциями. О границе говорят и герои, в топологическом смысле с ней не соприкасающиеся.

Современные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности, но могут быть инструментальными в формировании внутренних конфликтов, продуцируя типы нарушителей границы. Один из них – исследователь в поисках нового опыта, или те, кто просто хочет расширить свои знания, осваивая новые территории. Современные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности, но могут быть инструментальными в формировании внутренних конфликтов, продуцируя типы нарушителей границы. Ключевым субъектом в системе взаимодействия культур сейчас стал маргинальный человек трансграничного региона. Пограничник нового типа (пограничник-нарушитель, пограничник наоборот, носитель интерграничного мышления) – военный аналитик Бредли Меннинг.

* * *

Н.В. Максимова(Новосибирск)

Пограничье «своего» и «чужого» в тексте

Граница часто трактуется как область противопоставления, разделения одного и другого. Однако важно, что граница – это не только «отграничение», но и область пересечения, диалога. При описании отношений двух семиосфер Ю.М. Лотман трактует понятие *границы* именно как «*области усиленного смыслообразования*», «*взаимодействия*», «*напряжения*». Пограничье своего и чужого устанавливает референции самого различного типа – от сферы экономических, социальных, политических отношений до границ внутри сферы межличностных отношений (вопросы конфликтологии и под.).

Текстовые формы (ТФ), построенные на отношениях «от чужого к своему» (базовых для этого вида ТФ), в своей композиционной структуре также имеют факт границы. Ею выступает *предельная рема-чужое* – последняя в горизонтали матрицы рема, маркированная как «чужое». Она может сохраняться в качестве предельной или преодолеваться «своим», что зависит от интенционально-смыслового типа взаимодействия между своим и чужим. Предельная рема-чужое – это некая красная линия, граница; по отношению к ней различаются типы ТФ: 1) тип ТФ, в которой «своё» не выходит за границы предельной рематической вертикали (это характерно, например, для стратегии *толкования*: чужое истолковывается своим), 2) тип ТФ, в которой «своё» преодолевает предельную рематическую вертикаль, устанавливая свои рематические шаги (это характерно, например, для стратегии *развития*: чужой тезис – свой антитезис – синтез). В первом случае «чужое» сохраняет рематический статус, во втором случае, с точки зрения всей темарематической структуры ТФ, «чужое» приобретает статус тематический, уступая образующейся новой реме – «своему». Между этими двумя типами находится целый ряд промежуточных ТФ («чужое» может лишь частично вытесняться в тему или же только формально оставаться в позиции ремы, «своё» может совершать один, два или более рематических шагов и под.). Распределение своего и чужого по горизонтали матрицы очень специфично, что составляет основу для дифференциации различных ТФ.

«Своё – чужое» является категорией *коммуникативного типа* (тогда как категории темпоральности, аспектуальности, таксиса и др. являются категориями *когнитивного типа*, то есть устанавливают доминантные отношения «*говорящий – действительность*»). В отличие от когнитивных, коммуникативные категории устанавливают доминантные отношения «*говорящий – другой говорящий*». В работах С.Г. Ильенко, М.Я

Дымарского, Н.Д. Арутюновой и др. лингвистов описывается важная диахронная тенденция: усиление в языке собственно коммуникативного начала.

Проблемы границ своей/чужой речи связаны не столько с вопросами о степени достоверности, дословности или недословности передаваемого высказывания, – сколько с вопросами о том, какого типа граница устанавливается и каков её интенционально-смысловой ореол.

Один из ответов на этот вопрос связан с установлением типовых значений пограничья «своё – чужое». Если формы чужой и своей речи стремятся к обособленности, автономности, то (в зависимости от контекста) можно говорить об одном из следующих значений: 1) прагматическая далёкость, противопоставленность позиций своего и чужого, 2) внимание к предметно-смысловой стороне чужой позиции, 3) обобщённо-абстрактный тип адресации (характерный для письменных жанров). И напротив: проницаемость формальных границ чужой и своей речи формирует значения 1) прагматически близких позиций, 2) внимание не столько к смыслу, сколько к форме чужого высказывания, 3) конкретно-персонифицированный тип адресации. В реальной текстовой практике может наблюдаться контаминация значений внутри каждого из рядов.

Максимова Наталия Викторовна, д. филол. н.

доцент Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки

работников образования, профессор кафедры гуманитарного образования

* * *

Марасинова Е.Н.(Москва)

Смертная казнь в РоссииXVIIIвека: от плахи к покаянию

Французский литератор и дипломат Жозеф де Местр назвал «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации». Итальянский философ Чезаре Беккариа был вдохновлен «знаменитым примером императрицы Московии» и через три года после ее кончины опубликовал свой трактат «О преступлениях и наказаниях». Екатерина II оценила эту заслугу «нашей тетки Елизаветы» выше «самых блистательных завоеваний», однако сделала исключение для случаев, «возмущающих народное спокойствие», и казнила поручика Мировича, участников Чумного бунта и восстания Пугачева.

Указ от 7 мая 1744 года, менее чем через три года после восшествия на престол Елизаветы Петровны, приостанавливал исполнение экзекуций по делам колодников, приговоренных к смертной казни. Несмотря на жалобы местных властей, вынужденных кормить помилованных преступников, «великое опасение» Сената и вызывающее игнорирование позиции императрицы в проектах Уголовного уложения 1754-1766 годов, ни одной смертной казни за двадцать лет правления Елизаветы Петровны не произошло. Отказалась императрица и от «политической смерти», представляющей собой театрализованную имитацию казни или «положение на плаху».

В то же время указ 1744 г. и его позднейшие редакции для «всенародного известия» никогда не публиковались, «смертные» приговоры выносились по-прежнему в полном объеме, а высочайших конфирмаций по ним не поступало. Освобожденные от казни колодники гибли или под ударами кнута, или на строительстве Рогервикской бухты.

Во время правления Екатерины II единичные смертные приговоры развернуто аргументировались на основе Священного писания, а смертные экзекуции были событием исключительным, публичным и тщательно срежиссированным. В основной массе сентенций по поводу тяжких преступлений «наижесточайшая смертная казнь» признавалась самым справедливым воздаянием, но тут же по «беспримерному монаршему милосердию» заменялась на кнут, каторгу, ссылку, клеймение, конфискацию, лишение чинов и дворянского достоинства и т.д. Очень часто «купно» на «злодея» накладывалась епитимья и церковное покаяние. Однако в принятии решений о наказании мирян покаянием духовенство не участвовало, а его представители лишь выполняли обременительные функции охранников и смотрителей в монастырях, которые частично были превращены в тюрьмы. Приостановка смертной казни при Елизавете Петровне и крайне ограниченное ее применение во время правления Екатерины II – факт, уникальный не только для русской истории, но и для истории всех государств Нового времени, остается, однако, без научной интерпретации. А между тем исследование этой проблемы содержит богатый материал для изучения самосознания императорской особы, каналов репрезентации власти, механизмов социального контроля, соотношения закона Божьего и закона государственного в представлениях современников.

Марасинова Елена Нигметовна

Институт российской истории РАН

* * *

С.А. Мартьянова(Владимир)

Эссеистика О.А. Седаковой

и «сердцевина целого» в современной культуре

Во вступлении к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» брат Алеша представлен как «деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся». Пытаясь выявить существо этой деятельности, Достоевский называет «несомненные» определения – «странный человек», «чудак», имея в виду обособление жизни от общего ее течения, то есть некоторую «маргинальность». Объясняя собственное понимание «странного человека», находящегося на границе социальной жизни и все-таки не являющегося «частностью», «обособлением», писатель сообщает: «Ибо не только чудак «не всегда» частность и обособление, а, напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-то наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались».

Мы далеки от стремления установить прямую аналогию между «общественным» характером деятельности Алеши Карамазова и эссеистикой О.А. Седаковой, но слова Достоевского (а впоследствии его истолкователя В.И. Иванова) помогают подобрать ключ к пониманию этой грани творчества большого поэта и переводчика. Выступления О.А. Седаковой в жанре эссе невозможно вписать в существующие рамки научного, богословского, философского дискурса, где господствуют особые требования к методологии, актуальности, доходящая порой до безумия формализация. Но именно эти выступления, как будто выпадающие из «социальной данности», несут в себе «сердцевину целого».

В эссе «Поэзия и антропология» О.А. Седакова оспаривает вынесение поэзии и поэтического мышления в резервацию, но говорит о призвании поэта как носителя особого рода мудрости и «разума». В эссе о Пушкине значение слова «мудрость» проясняется: она соединяет ум и чувство в древнем значении слова, сторонится размашистых обобщений и готовых определений («глупа любая декларация, любое окончательное суждение»). Эта мудрость особенно необходима на фоне господствующего безумия («смысл исчезнул бытия», по слову Т. Кибирова).

В эссеистике О.А. Седаковой можно выделить несколько сквозных линий: «мысли» и «вести», заключенные в произведениях русских классиков, русская «культурная революция» XX века, вытеснение религиозных философов, больших поэтов, европейской «новой метафизики» и «новой христианской поэзии» из сферы общественного сознания, соотношения «русское и европейское», «русское и советское», «религиозное» и «псевдорелигиозное». Поэт берет на себя «труд называния и постижения» этих процессов как ключевых узлов русской культуры и литературы, все еще

ожидающих непредвзятого чтения и постижения. По мнению поэта, такое прочтение способствует преобразению общества и необходимо ради будущего.

Эссе О.А. Седаковой сопоставимы по масштабу затрагиваемых и решаемых в них вопросов с выступлениями ее учителей – Н.И. Толстого и С.С. Аверинцева, крупнейших поэтов и писателей XX века – О. Мандельштама, Т. Манна и др. Вместе с тем эссе, собранные в циклы «Moralia» и «Poetica», позволяют говорить об О.А. Седаковой как одном из подлинно мыслящих поэтов современности

От воскрешения понятия «мудрости» О.А. Седакова переходит к воскрешению понятий «мужество» (в комментарии к переводу книги П. Тиллиха «Мужество быть») и «солидарность». Выход поэта к прямым общественным и публицистическим темам представляется далеко не случайным в контексте развития отечественной культуры, которая не спешит расставаться с «литературоцентризмом», но хотела бы избежать разного рода идеологизации.

Литература

Иванов В.И. Лик и личины России // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 321, 322.

Мартьянова Светлана Алексеевна – к. филол. н.

доцент, Владимирский государственный

университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

* * *

О. А. Мещерякова(Елец)

Отражение характера перцептивного восприятия мира

в дневниковых записях И. А. Бунина

И.А. Бунин принадлежит к числу тех авторов, кто оставил в наследство будущим поколениям не только замечательные образцы прозы и поэзии, но и интересные дневниковые записи. Их прочтение, изучение и соотнесение с художественными текстами позволяет в какой-то мере установить, как идёт процесс художественного творчества, в чем сущность художественного познания.

Первый русский Нобелевский лауреат всегда стремился запечатлеть средствами русского языка индивидуальное восприятие внешнего мира с помощью органов чувств. Поэтому слова, отражающие ощущение света, цвета, формы, звука, запаха, температуры занимают значительное место в дневниках, несмотря на тематически и логически «произвольный» в целом способ фиксации впечатлений в них.

Уже первые пометки, сделанные И. Буниным в дневнике, показывают, что доминирующим принципом восприятия внешних впечатлений становится «неутилитарное наслаждение» (А. Потебня) красотой мира.

Так, в записи от конца декабря 1885 г. пятнадцатилетний юноша отмечает в себе не только естественное *радостное, светлое чувство молодости*, но и *слезы и грусть, навеянную красотой природы*, что обусловлено разнообразными перцептивными ощущениями:

- 1) осязательными (*ветер северный, сухой, забирается под пальто*);
- 2) световыми (*огонек в знакомом домике*);
- 3) звуковыми (*кондукторы <...> страшно хлопали дверьми*),
- 4) цветовыми (*избушка, дома, река – всё было в белых покровах*).

В дальнейшем поиск красоты дополняется поиском способа её словесного «запечатлевания». Например, в записи, помеченной Крым, зима 1901 г. На даче Чехова отмечается: *Чайки как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки, возле клонящейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках – там какая-то дивная, неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-Ук-Су. Качукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа. Находят облака.* Найденный образ, подчёркивающий не абстрактную, а живую красоту птиц, используется И.А. Буниным в стихотворении 1905 года «Всё море – как жемчужное зеркало...», а затем – в стихотворении 1906 г. «И скрип и визг над бухтой, наводненной...».

Дневниковые записи указывают на то, что И.А. Бунин не делает «реестра» (К.И. Чуковский) даже в этих, предназначенных для себя пометках. Он избирателен, и данная избирательность связана с выбором из массы жизненных впечатлений и картинок именно того, что отвечает его чувству эстетического, о чём свидетельствуют лексемы, выражающие авторскую оценку «неутилитарного» чувства. Запись от 7 мая, 9 ч. утра (1907 г.): *Безобразные длинные серые крыши галерей базара. Потом ходили по этому базару. Дивный фон. <...> Большая мечеть – смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучшие всего, как всюду, двory мечети.* Лексемы *безобразные, дивный, лучшие* и т.п. при описании перцептивных впечатлений указывают на то, что

«биологическая» индивидуальность И.А. Бунина тем и сильна, что «прорастает» в духовную личность. Перцептивное восприятие, которое становится эстетическим, является главным основанием такого «прорастания».

Ольга Александровна Мещерякова, д.ф.н.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

* * *

К.Л.Митрохина(Москва)

**Флоренция реальная и символическая в «Декамероне»
Дж.Боккаччо**

Образ Флоренции в «Декамероне» Дж.Боккаччо, книге, написанной на вольгаре и адресованной в первую очередь согражданам, играет очень важную роль и в новеллах, и в «рамме». Нарочито реальный город новелл иллюстрирует и дополняет символические и идеологические построения «рамы».

Флоренция «Декамерона» – это церкви и палаццо, кладбища и площади, трактиры и рынки. Новеллы обладают четким локусом; речь идет о событиях недавних, часто – еще на памяти у собеседников; сообщаются имена и фамилии протагонистов. В результате, создается эффект достоверности, хотя бы фабула и была заимствована из старинного фавльо. Социальная панорама города очень широка – нобили, родовитые купцы, хлебники и ткачи, служанки и повара, доктора, школяры, судьи, монахи и т.д. Образы нобилей достаточно рельефны и индивидуальны. Образы простонародья в основном стереотипны, восходят к средневековым шаблонам, в ряде новелл индивидуальный характер начинает отделяться от сословного стереотипа. Примеры такого размывания жестких сословных границ содержатся во многих новеллах и способствуют сверхзадаче «окультуривания» разночинного читателя.

«Флорентийские» новеллы составляют 27 из 100, и представлены по дням непропорционально. Так, их вовсе нет среди рассказов о великодушии (X день), а среди историй о розыгрышах и проделках (VI день) их 9 из 10. Уже в отборе сюжетов предстает город предприимчивый, исполненный

жизнелюбия и лукавства, далекий от авторского идеала, реализуемого в поведении и во взаимоотношениях членов «бригады».

Но это – прошлое Флоренции. Чума разрушает формы цивилизованного поведения жителей. Забыты законы общения, важнейшие ритуалы, люди уподобляются животным и *vice versa*. В городе воцарился Хаос. Именно от одичания города, а не от угрозы смерти, решают уйти 10 молодых флорентийцев, настаивая на своей культурной принадлежности. Этот уход не имеет отношения к позднейшей идее отвержения цивилизации в пользу Природы. Раннее Возрождение переживало антитезу цивилизация/природа с почти что противоположным знаком, противопоставляя окультуренную среду – дикой, Космос – Хаосу, правление разума – царству инстинктов.

Герои удаляются в некое символическое, идеально-прекрасное пространство. Они сразу же структурируют свое пребывание: распределяют задания между слугами, устанавливают распорядок дня, порядок каждодневного «правления», тематику рассказов. Они подчеркнуто следят за достоинством и умеренностью своего поведения, что контрастирует с картинами жизни в зачумленном городе. Они шлифуют навыки рассказчиков, собственное поведение и реакции, переходят в повествовании от описания пороков к описанию добродетели. Отталкиваясь от образов и сюжетов новелл (в том числе «флорентийских»), они устанавливают новые правила трактовки событий, новые правила оценки персонажей, переосмысливают и структурируют многообразие жизненных сюжетов.

По завершении сотой новеллы, «бригада» возвращается во Флоренцию, – пускается в обратный путь с ощущением выполненной задачи, завершения сюжета, которое передается и читателю. Сюжетом этим можно полагать восстановление и утверждение Космоса, окультуренности, в малом сообществе, в модели цивилизации. Возможно, в утопическом дискурсе, они представляют собой будущее Флоренции, прошлое которой далеко от идеала, а настоящее катастрофично. Скорее символическое, чем реальное, странствие заставляет видеть во Флоренции образ всего мира. Таким образом, взаимоотношения «бригады» с Флоренцией (уход – странствие – возвращение) представляют событийную канву «рамы», а также утверждают идею духовной победы культуры и цивилизованности, ценностей, к которым Боккаччо стремится приобщить читателей.

Таким образом, Флоренция «Декамерона» – это, с одной стороны, реальный город, с другой стороны, символ. Реальная топография городских кварталов и поименование героев новелл создают эффект достоверности, который распространяется на весь корпус новелл. Социальные типы в новеллах свидетельствуют о размывании сословных границ. Отбор сюжетов, которые привязываются к этому городу, создает образ города жесткого, предприимчивого, витального, но малоспособного дать примеры любви и

благородства. Трагедия чумы предала его Хаосу, низвела до уровня грубой и дикой природы. «Бригата» образованных и знатных молодых людей уходит из него, чтобы в некоем идеальном пространстве создать новый идеальный образ жизни, а также переосмыслить и структурировать многообразие жизненных сюжетов, символически утверждая непобедимость Космоса. Хаос оказывается не властен над героями, и они спокойно возвращаются в зачумленную Флоренцию.

Митрохина Ксения Львовна, к.ф.н.

Ин-т международного права и экономики им. Грибоедова

* * *

М.Ю.Михеев(Москва)

Нужна ли текстологии наглядность? Соображения удобства при воспроизведении рукописного текста или машинописи на печати

Современная техника печати с компьютера в значительной мере упрощает и делает ненужными некоторые традиционно принятые в текстологии условные обозначения.^[11]

В частности, вместо принятой передачи зачеркнутых фрагментов текста [в квадратных скобках], а различных слоев авторской правки – или **жирным** шрифтом, или *курсивом*, или как-то еще,^[12] в целях большей наглядности кажется более удобным использовать в печати шрифт ~~зачеркнутый~~. Таковой имеется в любом стандартном наборе шрифтов *Word*'а. С его помощью авторская правка в тексте, на мой взгляд, становится просто более зрима. (Собственно говоря, этому де-факто уже следуют многие публикаторы архивных документов.^[13])

Для показа на печати исправлений удобно использовать также надстрочные внесения, располагая их ^{над} текстом (т.е. над тем словом, справа или слева, над которым они вписаны в рукописи, ну, или же _{под ним}), а также фиксировать вписанное на полях.^[14]

Для выделения конъектур, предполагающих серьезную альтернативу, представляется логичным оставить угловые скобки – возможно со знаком вопроса, как в тезисах Перцова (см. ниже в сборнике) или даже с эксплицитным перечислением в скобках альтернативных вариантов <[?]А или [?]В>, а для само собой разумеющихся конъектур – как, например, исправлений авторских описок или ранее уже прокомментированных регулярных ошибок, можно использовать скобки квадратные.^[15]

Вот пример из дневниковых текстов-машинописей А.К. Гладкова, постоянно делающего ошибку в слове *реабелитация* (возводя ее, по-видимому, к корню *обелить*), в письме товарищу по Каргопольягу Илье Соломонику (знаком # я фиксирую начало или конец абзаца):

19 янв. 1967. (...) # Я уехал из Ерцева в самом начале великого Исхода – летом 1954 года, не по реаб[и]литации, а по частной амнистии. Это помешало мне прописаться в Москве, но не помешало ставить пьесы и печататься. Я нахально жил в Москве у себя дома и милиция мне препон не чинила. А потом подоспела и полная реаб[и]литация.

Или во фразе из начала «Тихого Дона» (1-я глава 1-й части), когда умирает турчанка, жена Прокофия Мелехова, оставляя на руках мужа только что родившееся дитя, – после того, как ее чуть не зарезал хуторской казак Люшня (в черновике его имя Сурсан), в современном печатном тексте стоит (подчеркивания здесь и далее мои – М.М.):

Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, кутал в овчинную шубу попискивающий комочек – преждевременно родившегося ребенка.

У этого места были два черновых (1, 2) и один белой вариант рукописи (3), отличные от печатного, правку в которых можно, используя предлагаемые обозначения, отразить следующим образом:

- (1) ~~розовый~~^{смугло-} ~~слизистый~~^{кричащий} комочек
- (2) ~~смугло-слизистый~~ попискивающий комочек
- (3) красно-слизистый попискивающий комочек

Или вот – уже Платоновская правка. В фрагменте из «Котлована», когда Воцев разочаровавшись уходит со строительства *общепролетарского дома* в деревню, в печатном тексте читаем:

Несмотря на достаточно яркое солнце, было как-то нерадостно на душе, тем более что в поле простирался мутный чад дыханья и запаха трав. Он осмотрелся вокруг – всюду над пространством стоял пар живого дыханья, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление.

В рукописи же (с.118) на месте подчеркнутых слов стояло:

было как-то безвозмездно на душе, тем более, что в поле простирался ^{мутный} чад дыханья и запаха трав, и Воцев шел в этом ^{гнетущем облаке} ^{душном} ^{нагретом облаке} шумном тумане жизни труд[нрзб] взволнованной жизни нижней жизни шумном тумане ^{тужащейся} жизни, ^{потеющей в труде своего роста} существующей и истощающейся.

На мой взгляд, предлагаемая нотация и наглядна, и более соответствует духу текстологии.

Литература

[Долгов И.И.] Динамическая транскрипция рукописи «Котлован» // А.Платонов. Котлован. Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000, с.165-8.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Динамическая транскрипция рукописи. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Михаил Юрьевич Михеев–д. филол. н.

в.н.с. НИВЦ МГУ

* * *

А.Б.Мороз(Москва)

Как "работают" календарные приметы

Пришел чукча к шаману и спрашивает, какая будет зима - теплая или холодная? Шаман подумал: "Скажу, что теплая – он заготовит мало дров, а вдруг зима будет холодная? Скажу лучше, что холодная". Говорит: "Холодная". Потом решил на всякий случай узнать, какая же она на самом деле будет, и пошел к метеорологам. "Какая, – спрашивает, – зима будет?" Метеоролог отвечает: "Холодная".

– Откуда ты знаешь?

– А вон, видишь: чукча дрова запасает.

Отношение к приметам в разных социальных группах и в разное время заметно различается. Если говорить о классических фольклорных приметах, огромный корпус которых зафиксирован фольклористами, многократно издан и продолжает тиражироваться, то можно сказать, что они живут две разные жизни: в естественной среде они вплоть до наших дней выполняют

ряд функций – и не только прогностических. В среде своего нового (вторичного) бытования, будучи почерпнутыми из печатных изданий, они тоже могут играть прогностическую роль, но одновременно с ней и роль развлекательную.

Вторичное бытование (не в качестве объекта исследования, а в собственном качестве) приметы получили отчасти благодаря устной традиции, то есть вполне естественным для фольклора путем, но в значительной степени и благодаря публикациям в журналах и календарях для огородников, дачников и т. п. Примета в этом контексте лишается какой бы то ни было географической привязки, вырывается из контекста своего естественного бытования и объявляется универсальной. Ее авторитет подтверждается и тем фактом, что эта примета "народная" (а народ зря ничего придумывать не будет), то есть существовала веками и содержит многолетние наблюдения "народа" за окружающим миром. Такой точки зрения часто придерживаются и те, кто имеет представление о народной культуре, и те, кто далек от нее: *если так говорят, значит это правильно, люди веками наблюдали и заметили закономерность*. Такому восприятию способствует и внутренняя форма самого названия жанра – *примета*.

С другой стороны, приметы в современном городском обществе выполняют роль курьеза. Эта роль в значительной степени навязана приметам средствами массовой информации, которые часто вводят специальные рубрики, посвященные приметам (например "Метеоскоп" на радио "Эхо Москвы"). В таких случаях обычно выискиваются приметы поэкзотичнее, которые должны вызвать улыбку или недоумение читателя/слушателя. Интернет-страницы, посвященные народным приметам, на которых размещены большие списки примет, дают их обычно не имея в виду чего-либо одного: дать источник информации или повод для смеха, а просто предлагают материал. Хотя есть и отступления от этой закономерности.

В естественной среде своего бытования приметы обычно не вызывают никаких сомнений, но при этом и не нуждаются в подкреплении своего "авторитета" – они просто создают определенный тип "фоновое" знания и актуализируются в нужный момент. Подобие рефлексии по их поводу возникает в случаях, когда примета не сбывается. Тогда возникает необходимость объяснить несоответствие. И в городской среде, и в деревенской для этого используется обычно внешне одна и та же модель (в отношении примет погодных и связанных в той или иной мере с природой): в современном мире все не так, прогресс и развитие промышленности влияет на природу, она меняется, поэтому приметы перестали действовать. В

реальности же мы имеем дело с разными объяснительными моделями. Если в городской культуре включается "экологический дискурс", где подразумевается реальное изменение природы под воздействием человека, то в сельской культуре речь идет, скорее, о противопоставлении "золотого века" современности и об эсхатологических ожиданиях. В этом смысле объяснительная модель, в которой *сейчас* противопоставлено *раньше* существовала всегда.

Огромное количество примет и вовсе не имеет отношения к прогностике, особенно если понимать их буквально: *в день св. Симеона Столпника исчезают мухи; если на Евдокию курушка напьется, то на Николу коровушка наестся; первый снег выпадает на Покров* и др. Трудно предположить, чтобы в самом деле такие ожидания были связаны именно с конкретными датами. Их роль в другом. Приметы такого рода выполняют прежде всего мнемоническую и структурирующую функции: они, конечно, содержат указания на то, что около Николина дня снег должен растаять, а около Покрова выпасть, но главное – они позволяют делить год на более или менее обозримые и ограниченные отрезки с понятными границами и ясной последовательностью. Это, в свою очередь, создает определенный ритм, соответствующий ритму сельскохозяйственных работ и вообще сельской жизни. Одновременно эти приметы позволяют запомнить важные праздники христианского календаря и их последовательность, что имеет для традиционного сельского жителя особое значение.

Что же касается конкретной связи содержащихся в примете условия и следствия, то она базируется на целом ряде факторов, многие из которых случайны: граница сезона, симметрия дат в календарном цикле, эпизод из жития святого, к чьему празднику приурочена примета, народная этимология названия праздника и т. д.

Мороз Андрей Борисович к.ф.н.,

доц., зав. лаб. фольклористики РГГУ

* * *

Г.Г. Москальчук(Оренбург)
АЛГОРИТМЫ ПРИРОДЫ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Рассматривая структуру и самоорганизацию живых организмов, а также некоторых неживых объектов, мы постоянно сталкиваемся с определенными закономерностями: фрактальностью, симметрией (зеркальной, поворотной, трансляционной), золотым сечением, периодичным и циклическим повторением. Эти закономерности представляют собой основные алгоритмы эволюции и самоорганизации в живой природе, которые широко и зачастую неосознанно воспроизводятся и в творениях человека: в науке, искусстве, повседневной практике, в том числе, в устных и письменных текстах.

Устные и письменные тексты (а первоначально отдельные звуки, созвучия и фразы) эволюционно формировались как информационные пакеты, которые должны были отвечать требованиям простоты, надежности и однозначности восприятия сообщаемого адресатами. Если текст рассматривать как природный объект, то к нему применимы понятия синергетики и подходы, используемые естественными науками при изучении объектов природы, в частности, системный подход с использованием аппарата фрактальной геометрии, представления о симметрии / асимметрии, цикличности и периодичности процессов формообразования текста.

Взгляд на текст как физический материальный объект обращает внимание на такие его особенности: 1) ритмически и просодически организованная масса словесного и грамматического материала, воздействующая на слушателя (читателя); 2) размер текста и составляющих его компонентов позволяет обсуждать соотношение частей в целом, их согласованное (кооперативное) взаимодействие в рамках единого целеустремленного в пространстве-времени объекта.

Физическая (материальная) сторона текста может быть представлена в единой системе координат, путем совмещения одноименных позиций текста, как указаний на определенные фазы эволюционирования текста от его абсолютного начала к абсолютному концу. Нами разработан метаязык описания любых текстов в единой системе пространственных координат. Система основана на анализе более чем 10 тысяч разнообразных текстов и представляет собой метроритмическую матрицу с серией позиций и интервалов между ними, расположенных в пропорции золотого сечения.

Если квазипространство текста полагать одномерным, то его можно характеризовать одной координатой – протяженностью. Это определяет набор возможных типов симметрии, которые присущи форме текста: трансляционная, зеркальная, возможно выявление и изучение паттернов организации в естественных текстах. Направленность движения в тексте детерминирована необратимостью физического времени. Но в тексте развиваются чисто языковые приспособления, способные компенсировать непреложный физический закон, то есть, как бы поворачивать время вспять, замедлять или ускорять ход субъективного времени, отражаемого человеком

в тексте с помощью языковых знаков. Одним из средств является принцип повторения элементов формы и содержания.

Анализ паттернов организации текста можно проводить на фоне инварианта как статистически наиболее вероятного состояния системы его структур, реализующихся в узусе. Инвариант структуры текста и серия пропорционально размещенных во внутритекстовом пространстве-времени позиций позволяют фиксировать локализацию в тексте любых наблюдаемых явлений и проявлений речемыслительной деятельности, сводить результаты в единую картину, сравнивать данные. Позиционный подход к изучению текста и разработанный для него метаязык описания, пригодный для репрезентации любых текстов, открыли возможность единообразно представлять и оценивать структуры и смыслы текста функционально, то есть где именно они предпочитают находиться в самых различных текстах. Качественно-количественная фиксация результатов разнообразных лингвистических наблюдений на фоне позиционного и структурных инвариантов позволяет отделять закономерно осуществляющееся в тексте от флуктуаций, то есть спонтанных и случайных отклонений, иными словами, отслеживать тонкие синергетические эффекты бытия текстовых структур, смыслов, функций.

Работа с массивами данных и корпусами текстов, построение различных моделей на базе конкретных результатов могут стать основанием для суждений лингвосинергетики, ибо все слова о сходстве речемыслительной деятельности с алгоритмами природы неоднократно сказаны, нужны данные, факты, подтверждающие, либо опровергающие теоретические тезисы, переносимые из естественных наук в гуманитарные сферы.

Москальчук Галина Григорьевна, д. филол. н.

проф. кафедры языкознания и методики преподавания русского языка

Оренбургского гос. педагогического университета

-

* * *

Е.Н.Пенская(Москва)

**«Немцы отчасти идиоты, но человечнее французов»: к структуре
эпистолярного романа Евгении Тур и Аполлинии Сусловой**

1860-1880-х годов

Корреспонденции, которыми обменивались в течение двух десятилетий Евгения Тур и Аполлиария Сулова, представляют собой не только документальную ценность, но и дают ключи к целому ряду историко-литературных событий второй половины 19 века. К примеру, история женской эмансипации обретает новые черты в свете продолжительного общения Тур и Суловой.

Евгения Тур (псевдоним Елизаветы Васильевны Сухово-Кобылиной, в замужестве Салиас-де-Турнемир (1815–1892) долгие годы находилась в эпицентре русской культурной и политической жизни, своим присутствием в ней во многом сформировала определенный тип отношений в литературной, журналистской, интеллектуальной среде второй половины XIX века. Ее называли русской Жорж Санд. В самом деле, линия семейно-психологического романа не представима без Евгении Тур. Подробная бытопись мемуаров, повестей, переписки и публицистики имеет нередко автобиографическую основу.

Аполлиария Сулова, возлюбленная Достоевского, прототип его нескольких романов.

Переписка с Евгенией Тур совпадает по времени с «годами близости с Достоевским» и приходится на середину 1860-х годов.

Сохранилось около двадцати писем Суловой и более шестидесяти писем Евгении Тур.

Переписка позволяет реконструировать контуры эпистолярного романа – его сюжеты, героев, спады, кульминации, эпистолярный нарратив двух корреспонденток, а также восстановить целый ряд историко-культурных деталей.

Письма хранятся в составе фонда № 447, переданного из Государственного Литературного музея (ГЛМ, Москва) в Центральный Государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне — РГАЛИ) при формировании этого учреждения, в 1941 г. В ГЛМ эти документы поступили в 1930-х годах как часть материалов из Рапперсвильского архива (Варшава)^[16].

Пенская Елена Наумовна

проф., д. филол. н., декан ф-та филологии НИУ ВШЭ

* * *

К типологии текстологических конъектур

Термин «конъектура» (от латинского – ‘предположение, соображение, догадка’) охватывает в текстологии весьма разнообразные ситуации при чтении черновиков; в ней единственным нотационным средством отражения конъектур являются угловые скобки и вопросительный знак в таковых. В самом общем виде конъектура – это сигнал несоответствия реалий рукописи и отражающего её текста исследователя – транскрипции или реконструкции. Такой сигнал может использоваться по меньшей мере в четырех типах рукописных ситуаций: 1) расшифровки (в рукописи некоторый фрагмент написан неразборчиво, но он может быть по контексту восстановлен); 2) дополнения (фрагмент, скажем – слово, не дописан, но его «хвост» по контексту восстанавливается; иногда – в редких случаях – может быть восстановлено отсутствующее в рукописи слово, не начертанное по недосмотру автора); 3) коррекции (фрагмент написан с орфографической ошибкой, каковая исправляется в транскрипции или реконструкции); 4) подстановки (в рукописи стоит некий сигнал, отмечающий фрагмент, записанный в другом месте той же страницы, другой страницы того же источника – или вообще в другом источнике – и маркированный в этом другом месте тем же способом). Все указанные типы конъектур могут быть характеризованы по другому основанию – по степени уверенности, для чего можно предложить шкалу, состоящую по меньшей мере из трех «точек»: абсолютно достоверно, достоверно, предположительно; посредством умножения четырех на три получаем двенадцать типов возможных конъектурных ситуаций, для различения которых в существующей текстологической практике отсутствуют нотационные средства.

В связи с типами конъектур, различаемых по первому основанию, а точнее – в связи с конъектурами-дополнениями, можно рассматривать так называемые пояснительные редакторские конъектуры, предложенные четверть века тому назад в очень важной, с моей точки зрения, статье Л. М. Аринштейна, названной «Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы)» и опубликованной в одном из центральных пушкиноведческих периодических изданий – в тринадцатом томе сборника «Пушкин. Исследования и материалы» в 1989 году. К сожалению, насколько мне известно, предложения Аринштейна не привлекли внимания текстологов и не вызвали обсуждения. При этом я отнюдь не во всём с ним согласен –

более того, с его предложением публиковать незавершенные стихотворные наброски, явным образом внося в основной текст отсутствующие в рукописи фрагменты, предположительно восстанавливаемые по контексту – пусть и с указанием их конъектурного статуса, я не согласен категорически. Как мне представляется, данный случай Аринштейна принадлежит к тому классу научных предложений, ошибочность которых плодотворна: она инициирует плодотворную дискуссию и ведет к плодотворным – другим – решениям.

Что же предлагает Аринштейн? В незавершенных Пушкинских черновиках он рассматривает некоторые неполные, не дописанные строки, содержащие явные лакуны, либо слова, либо их фрагменты, и пытается «дописать» их за Пушкина, т. е. вставить эти отсутствующие фрагменты. Иногда такие вставки выглядят очень убедительно и остроумно. Так, рассматривается фрагмент наброска, обращенного Плетневу: «И что <лакуна> нашему собрату / Брать с публики умеренную плату». Здесь в первой строке не хватает трех слогов для пятистопного ямба, и предлагается её опубликовать так: «И что <пора уж?> нашему собрату». Другой пример – из чернового стихотворного наброска: «Я ехал в дальние края; / [Не шумных] <лакуна> [жаждал я] / Искал не злата, не честей, / В пыли среди копий и мечей». Во второй строке предлагается пояснительная редакторская конъектура – «[Не шумных] <пиршеств?> жаждал я]». А вот пример такой конъектуры, касающейся части слова: в наброске «Когда порой воспоминанье...» анализируются такие строки «Когда людей вблизи видя / В пустыню скрыться я хочу <...>». Здесь первую строку, в которой для четырехстопного ямба не хватает двух слогов, предлагается печатать: «Когда людей вблизи <за?>видя», а в качестве возможного варианта отметить «Когда людей вблизи <у?>видя».

По моим представлениям, таким остроумным дополнениям текста место, конечно, не в публикационном основном тексте, а в пояснительных текстологических примечаниях. Дело в том, что сколь бы ни проясняли смысл такие вставки, какими бы убедительными ни были их обоснования, необходимо учитывать то обстоятельство, что автор их в черновой текст не ввёл – причем не по недосмотру, а вследствие колебаний при поиске соответствующих слов. Тем самым пояснительные редакторские конъектуры в принципе допустимы, но не в составе публикуемого текста.

Мой основной пафос при изучении и представлении черновых текстов состоит в крайней осторожности, в нежелательности категоричности, в придании сложным местам транскрипций и реконструкций гипотетического статуса. Обращусь к двум другим классам неопределённых текстологических ситуаций в черновиках: (1) неясность в расположении тех или иных фрагментов; (2) неясность в отнесении тех или иных рукописных текстов к одному или к разным произведениям. В подобного рода ситуациях мы также нередко наблюдаем абсолютную уверенность исследователей и публикаторов при выборе и изложении того или иного решения.

Приведу два примера, иллюстрирующих указанные две ситуации. Вот черновик, датируемый предположительно декабрём 1832 года – листок с наброском, начинающимся словами «Желалъ я душу освѣжить...» (номер 184 в Пушкинском фонде Пушкинского Дома). Здесь мы видим два катрена, разделённые линией; основной текст первого: «Желалъ я душу освѣжить / Бывалой жизнию пожить / Въ забвеньи сладкомъ близъ друзей / Минувшей юности моей»; основной текст второго: «Я ѣхалъ въ дальные края / [Не шумныхъ <лакуна> жаждалъ я] / Искалъ не злата не честей / Въ пыли средь копій и огней». Именно в такой последовательности печатаются эти два катрена в третьем томе Большого академического собрания сочинений. Однако в дополнительном семнадцатом томе, в разделе коррекций, последовательность катренов изменена – на том основании, что по виду рукописи можно предположить, что Пушкин не остановился еще твёрдо на каком-то едином расположении набросанных стихов, а в отношении эстетическом инвертированный порядок катренов значительно совершеннее; то же решение уверенно поддерживается в упомянутой выше статье Аринштейна. – Здесь вызывает возражение не возможность указанной трактовки данного черновика, а её категоричность в отношении такого рукописного чернового феномена, который по самой своей онтологии не может быть интерпретирован с полной определённой. Я допускаю здесь возможность печатания данного черновика в инвертированном порядке катренов, но настаиваю на обязательном указании в текстологическом примечании гипотетичности такого порядка и полном описании текстологической ситуации черновика. Отмечу, что сам бы я в основном тексте все-таки сохранил реальный порядок черновика – с указанием в текстологической справке возможности его инвертированного прочтения. Последняя авторская воля Пушкина нам, к сожалению, в данном случае неизвестна; возможно, её вообще и не было.

Николай Викторович Перцов

д. филол. н., в. н. с. отдела корпусной лингвистики

и лингвистической поэтики ИРЯ РАН

* * *

Н.Н. Перцова(Москва)

Покаянные каноны Г.А.Потемкина и А.В.Суворова –

один текст или два текста?

В неоднократно издававшейся начиная с 1998 г. книге М. Г. Жуковой о Суворове (см., например, [Жукова 2002]) был впервые опубликован «Канон Спасителю Господу нашему Иисусу Христу, составленный графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымнинским» (с. 146–159). В своем комментарии Жукова не высказывает ни малейших сомнений в том, что этот канон был написан (с использованием «Великого канона» преп. Андрея Критского) самим Суворовым: «Некоторые ирмосы почти дословно воспроизводят текст Великого канона, другие полностью были написаны Суворовым» (с. 159). Такая же уверенность в авторстве Суворова выражена и при повторной публикации канона в книге [Жизнь Суворова 2003], а также в многочисленных упоминаниях о нем, например, в следующем сообщении ИТАР от 24 ноября 2009 г.: «Суворов стал автором и сугубо церковного богослужебного произведения – “Канона Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу”».

В заглавии канона указывается, что он «составлен» Суворовым. Согласно толкованию в современном Суворову «Словаре Академии Российской», первое значение слова *составляю* – ‘две или несколько вещей вместе сплочиваю, соединяю’, второе – ‘созидаю, строю’. Публикаторы и комментаторы канона понимают это слово во втором значении, тогда как сам полководец, по всей видимости, имел в виду первое – можно предположить, что и Суворову, и многим его сослуживцам был хорошо известен покаянный канон, сочиненный незадолго до смерти их главнокомандующим светлейшим князем Г. А. Потемкиным и напечатанный в походной типографии в Яссах [Потемкин 1791]. В экземпляре канона Потемкина, сохранившемся в Библиотеке Академии наук (СПб.), указаны лишь инициалы сочинителя – «К. Г. А. П»; однако в другом экземпляре, найденном в бумагах племянника Потемкина А. Н. Самойлова и опубликованном П. А. Бартеневым в «Русском архиве» (1881 г., II), имя Потемкина было приведено полностью. В этом сочинении сохранена традиционная структура канона, однако оно не повторяет ни один из существующих канонов буквально – это компиляция по меньшей мере трех канонов (уже упомянутого «Великого канона» Андрея Критского, а также «Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу» и «Канона умиленного с акафистом ко Господу нашему Иисусу Христу») с заимствованиями из псалмов и других богослужебных текстов, однако многие фрагменты канона Потемкина не имеют прямых параллелей. Оценивая труд Потемкина, религиозный философ Н. С. Арсеньев пишет: «здесь больше, здесь не “бытовая” только, унаследованная религиозность, здесь крик души, жаждущей спасения, ищущей твердой опоры, среди преходящести окружающей суеты и молящей о милосердии и прощении, здесь голос горячей и крепкой веры. Иисус Христос распятый и милосердный

становится в центре его духовной веры». [Арсеньев 1948, с. 273–274]. Приведем в качестве примера конец первой из двух потемкинских молитв по каноне (цитаты ниже по [Потемкин 1791]):

Господи! да буду осторожень въ предпріятіяхъ моихъ, добръ въ опасностяхъ, терпѣливъ въ злоролучіи и кротокъ въ успѣхахъ.

Даруй мнѣ бдѣніе въ молитвѣ, умѣренность въ яствѣ, исправность въ должности и твердость въ благихъ намѣреніяхъ моихъ.

Возбуди и сохрани во мнѣ Господи! совѣсть чистую, наружность благопристойную и жизнь благочестивую, да не престану покорять поврежденную природу свою, вспомоществовать всею силою благодати твоей, исполнять заповѣди твоя и достигать спасенія моего.

Покажи мнѣ Господи ничтожество свѣта сего, великость небесъ, скорость преходящаго времени и долготу вѣчности.

Научи мя пріуготовляться къ кончинѣ моей, бояться суда твоего, убѣгать Ада преисподняго и достигнуть Рая во Христѣ Иисусѣ. А м и н ъ.

Канон Суворова не содержит завершающих молитв, но в остальном он полностью следует за текстом Потемкина: практически каждая фраза суворовского канона имеет в этом источнике параллель, хотя и без точного совпадения. Например, ирмос Песни IV у Потемкина (*Одождивый иногда манну, и источивый изъ камене воду людемъ своимъ препрославленный Боже, подаждь и мнѣ спасе благодать твою, утоляя алчность и жажду грѣховную души моея*) содержит в тексте Суворова два отличия: слово *алчность* заменено на *оскудение*^[17], а флексия прил. *грѣховную* – на *ья*. Всего подобных отличий у Суворова 169. Они сводятся к следующим основным типам.

Пропуск слов: *Вѣси волю мою, и вѣси немощь мою* → *Веси волю мою и немощь мою*; *Прійми сію молитву мою Господи* → *Прими сию молитву, Господи*; *покрый душу мою пречистымъ покровомъ своимъ, и отъ бѣдъ всѣхъ защити мя* → *от бед защити ны*^[18].

Вставка слов: *избавленіе* → *единаго избавление*; *Вѣрую* → *Верую, Господи*; *величаемъ* → *величаем (дважды)*; *отъ тебе* → *от Тебя воздаяние*; *спаси мя*. → *спаси мя! Аминь*.

Изменение порядка слов: *вѣчную казнь* → *казнь вечную*; *довольно было* → *было довольно*; *милосердія неожидать* → *не ожидать милосердія*.

Несинонимичная лексическая замена: *древней* → *неизреченной*; *страдаетъ* → *сострадает*; *возрыдаеть* → *воздыхает*; *чистѣйшую* → *Честнейшую*^[19].

(Квази)синонимичная лексическая замена: *воспѣтію* → *пению*; *моимъ изреченіемъ* → *моихъ словесъ*; *добродѣльми* → *добродетельными*; *матернія* → *материнския*; *чистая* → *Пречистая*; *Не въ надеждѣ милосердія и чловѣколюбія твоего Христе* → *Не презирая милосердіе и чловеколюбие Твое, Христе*.

Замена архаичной формы: *нетомко* → *не только*; *открый* → *открой*; *подклонити* → *подклонить*; *Спасителю* [звательный падеж] → *Спаситель*.

Замена на архаичную форму: *ты искупитель* → *Ты еси Искупитель*; *возгнушался* → *возгнушался еси*; *подверженна* → *подвержена есть*; *ноги* → *нозе*.

Сравнение текстов Потемкина и Суворова свидетельствует о том, что Суворов не писал нового канона, а, выражаясь по-современному, редактировал канон Потемкина, или, иначе говоря, улучшал текст Потемкина, сообразуясь со своими знаниями и представлениями о том, каким образом придать бóльшую убедительность обращению к Богу. Это ни в коей мере не умаляет замысла Суворова, поскольку его целью было не суетное самовыражение, а поиск более совершенного способа соположения «намоленных» слов, как можно более точно соответствующих православной традиции.

Именно этим рассматриваемый нами канон отличается от модного в XVIII и в начале XIX вв. жанра переложения священных текстов, в частности псалмов (можно вспомнить М. Ломоносова, А. Мерзлякова, Н. Шатрова и многих других), в котором вечный сюжет предстает в новой форме.

Литература

Арсеньев 1948 – Н. С. Арсеньев. Потемкин-Таврический // Новый журнал. Нью-Йорк. 1948, т. 18, с. 266–275.

Жизнь Суворова 2003 – «Мы - русские! С нами Бог!» Жизнь и подвиги великого русского полководца А. В. Суворова <по книге А. И. Красницкого: Русский чудо-вождь: граф Суворов-Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги. СПб., 1900> и составленный им Покаянный канон. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.

Жукова 2002 – М. Г. Жукова. «Твой есмь аз». Суворов. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002.

Потемкин 1791 – Канон Спасителю Господу Иисусу. Сочиненный К. Г. А. П. <Яссы: В походной типографии, 1791>.

Перцова Наталья Николаевна

д. филол. н., в.н.с. НИВЦ МГУ

**ДНЕВНИК МИХАИЛА ПРИШВИНА:
ВСТРЕЧА ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ**

Дневник М.М. Пришвина – явление уникальное в отечественной культуре как свидетельство человека, бывшего участником и свидетелем многих значимых событий последних двух десятилетий царской власти, Октябрьской революции и почти четырех десятилетий мучительного и тяжелейшего строительства социалистического общества. Создаваемый ежедневным полувековым трудом, без малейшей надежды на публикацию в условиях большевистского режима, Дневник имеет объем около 600 печатных листов, т.е. порядка 20 томов, из которых к 2014 году опубликовано 14 томов, охватывающих период с 1905 по 1947 год.

Писатель в полной мере осознавал самоценность своего Дневника, которому отдавалось многое из творческого потенциала. Текст Дневника диалогичен и полемичен, ибо автор не просто описывает и свидетельствует о своем времени, но рассуждает, спорит и оценивает революционную эпоху, выступает против самих устоев советского политического режима. Феномен таланта Пришвина как писателя и мыслителя – это умение перевода событий внешнего мира в художественно-эстетическую систему образов искусства и наряду с этим перевод, выражение духовного мира в понятийной системе научного знания и его Дневник – это экзистенциальный текст бытия и жития творческой личности в трагичной истории советского общества XX века.

Дневник Пришвина свидетельствует, что в круг его мышления кроме когорты одобряемых властью деятелей были вовлечены и опасные для советской идеологии дореволюционные художники и мыслители – Вл. Соловьев, Д. Мережковский, В. Розанов, Ф. Достоевский, немарксистские философы П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Ницше, М. Штирнер, А. Бергсон, ошельмованные царские и советские политики – А. Керенский, П. Милуков, Л. Троцкий, Л. Каменев и многие другие представители науки, культуры и политики, одно знакомство с которыми или упоминание в позитивном контексте неминуемо влекло репрессии.

Из дневниковых записей, как из глубоких родников рождается не только все разнообразие художественных форм творчества писателя, но и самостоятельная форма – философско-лирическая миниатюра, редкий в русской прозе жанр афористической прозы, включающей не только

афоризмы, но и картины природы, философское размышление, поэтическое эссе, портрет, сценку или диалог.

Хотя Пришвин не написал ни одного чисто философского трактата, его Дневник и художественные произведения насыщены размышлениями над подлинно философскими вопросами – это темы историософии, антропологии, этики и эстетики, влияния религии на политические и идейные течения революционной эпохи, экологическая проблематика советского мироустройства. Во всех этих сферах необычайна концентрация пришвинской мысли, поразительны обилие и глубина идей, свидетельствующих о гармоничном сочетании несомненного дара философского взгляда на мир, художественного таланта и темперамента публициста.

Без преувеличения можно сказать, что Пришвин – один из тех немногих писателей, которые сохранили достоинство классической русской литературы, ибо в его творчестве продолжала существовать самостоятельная философская мысль, смело отражавшая социальные противоречия и трагизм послереволюционного бытия народа. В эпоху тоталитарного политического режима, когда под запретом были все точки зрения, кроме ортодоксально-марксистской, когда в сознании советской интеллигенции все более укреплялась трепещущая угодливость, Пришвин не только в Дневнике, но и в ряде художественных произведений пытался дать нелюбимую для власти философско-мировоззренческую оценку действительности.

Подоксенов Александр Модестович, д. филос. н.

профессор кафедры философии и социальных наук

Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

* * *

С.К.Пожарицкая(Москва)

Что такое орфоэпия и как с ней бороться

Орфоэпия – это «Совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающая сохранение единообразия его звукового оформления» (ЛЭС: 351). Это определение (автор Л.А.Вербицкая) оставляет неясными следующие вопросы:

1. Возможно ли **единообразие** произношения и насколько оно в действительности необходимо? «Полтора миллиона, рассеянные по колоссальной территории, **не могут** говорить одинаково, а писать должны одинаково» [Щерба: 56].
2. **Сохранение** единообразия – это консервация одного из практикуемых вариантов и, тем самым, попытка создать препятствие для естественного развития языка.
3. Что следует понимать под **произношением** («произносительные нормы»): позиционные варианты фонем? Фонемный состав слов? Место ударения? Интонация? Грамматические формы?
4. Кто и как определяет нормативность варианта (степень категоричности нормативной пометы)?

Орфоэпия – это **практическая, прикладная** дисциплина; свод правил пользования теми возможностями, которые даны системой языка.

Цель орфоэпических рекомендаций – дать обоснованный ответ на те конкретные вопросы (правильно/неправильно), которые возникают у говорящих в процессе речевого общения в связи с воспринимаемым на слух многообразием звучания одного и того же слова. Этим должен определяться состав и объем орфоэпических рекомендаций, представленных в кодифицирующих документах (словарях).

В связи с этим следует считать, что:

1. предметом орфоэпических рекомендаций не могут быть те элементы звукового строя языка, которые реализуются автоматически и не осознаются говорящими (фонетические в собственном смысле слова) – напр., иканье/эканье, ассимиляция по мягкости в консонантных кластерах, делабиализация [у], нейтрализация фонем <а>, <о>, <и> после твердых и др.

2. Из состава орфоэпических рекомендаций не могут быть исключены те нефонетические вопросы, которые реально существуют у говорящих, как, например:

2.1. особенности фонемного состава слов: [ч']то/[ш]то, яи[ч]ница/яи[ш]ница, е[жж]у/е[ж'ж']у, одино[к]ий/одино[к']ий, умыл[са]/умыл[с'а] и др.;

2.2. место ударения в слове: *скла́ды/склады́, вклю́чит/включи́т, на́лил/нали́л* и др.;

2.3. некоторые грамматические формы: *капае́т/каплет, е́зжай/поезжай, лазае́т/лазиет/лазит, их/ихний* и др.

Эксперимент социолингвистического характера был проведен на филологическом факультете ВШЭ: студенты 2 курса спровоцировали в социальных сетях дискуссию на тему «Что вас бесит в речи других людей?» Ответы продемонстрировали поддержку рекомендуемых вариантов произношения и остро

негативное отношение к «ненормативным» вариантам. При этом выяснилось следующее:

3. полностью отсутствует интерес к собственно фонетическим вопросам (позиционные изменения гласных и согласных звуков) – таких вариантов говорящие не замечают;

4. повышенное внимание вызывают проблемы ударения, в частности:

4.1. в первую очередь – *звони́т/звóнит*. На самом деле, выделение (даже фетишизация) этого глагола в ряду однотипных, где ударение давно и безболезненно передвинулось на основу (*дру́жит, ва́рит, бе́лит, со́лит* и др.), не обосновано лингвистически;

4.2. перенос ударения на окончание им.п. мн.ч. мужского склонения (*торты́, банты́, шарфы́*), часто с заменой [ы] на [а] (*договора́, благá, блюда́, компьютерá*);

4.3. ударение в компаративе *красивее*, противоречащее не слишком строгому грамматическому правилу, но, вероятно, обусловленное частотностью ударного варианта.

5. Среди грамматических форм в центре внимания – однокоренные приставочные глаголы *одеть* и *надеть*, хотя логически обоснованное предписание их употребления нарушается писателями по крайней мере с середины XIX века (Ф.М.Достоевский, А.П.Чехов) [НКРЯ].

6. Среди нескольких практикуемых в речи форм императива глаголов *ехать* и *ездить* негативное отношение вызвали только *ехай* и *едь* и не замечено более частотное [НКРЯ] ненормативное *езжай*, очевидно, принятое имплицитной нормой.

Основанием для орфоэпических рекомендаций не может быть ни интуиция говорящего, ни опора на традицию. Орфоэпические рекомендации должны основываться только на результатах квалифицированного социолингвистического исследования. Этим должна определяться и степень категоричности и характер помет в орфоэпических словарях.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины / Избранные работы по русскому языку. М. 1957.

* * *

Елена Потехина(Ольштын, Польша)

Войново – между староверием и православием

История небольшой мазурской деревни Войново насчитывает немногим более 180 лет. Основанное в глухих Пишских лесах Сидором Борисовым (Славиковым или Словиковым) в самом начале 30-х гг. XIX века одновременно с десятком других старообрядческих деревень, первоначально заселенное только эмигрантами из Российской империи в Восточную Пруссию, Войново случайно оказалось в самом центре идеологического конфликта между различными старообрядческими течениями, а затем и ареной борьбы Православной российской церкви за души зарубежных раскольников. К сожалению, последствия двух мировых войн — не только смена границ в центре Европы, но также политические и экономические революции — отодвинули на задний план проблемы российского православия, а Великая Октябрьская революция одним махом решила вопросы межрелигиозных и межконфессиональных отношений в бывшей Российской Империи.

Интерес к культурной истории Войнова со стороны международного научного сообщества непрерывно растет вместе с неуклонным уменьшением количества живущих в округе староверов. Уже первые две сотни поселившихся в глухих лесах «филиппонов» привлекли к себе не только пристальное внимание властей, но и вызвали любопытство у местного населения. Немецкие источники до сих пор активно используются в научных и популярных публикациях о мазурских староверах, принадлежавших, впрочем, не к филипповскому, а к федосеевскому толку. Немецкие ученые в середине XIX века интересовались старообрядцами как этнографическим феноменом, их работы почти не содержат сведений о жизни Спасо-Троицкого монастыря, не упоминается в них и имя его основателя и первого игумена.

Важный период Войновской истории связан с деятельностью архимандрита Павла (Леднева), прозванного Прусским (1821-1895). Информацию об этом выдающемся идеологе федосеевского течения, ставшем апологетом единоверия, чья деятельность способствовала

возвращению многих старообрядцев в лоно Православной церкви, можно найти в дореволюционной литературе, например, в трудах Н. И. Субботина, Н. А. Колосова, в книге Н. Беренского и в др., на которые ссылаются также польские исследователи. Эугениуш Иванец посвятил более двадцати лет жизни поискам сведений об основанной в Пише (Иоганнесбурге) о. Павлом «Славянской типографии». От типографии не осталось следа, а изданные в Пише книги — библиографическая редкость.

Сегодня большинству из сорока прихожан Войновской моленной ничего не известно о федосеевском прошлом и о моральных дилеммах Павла Прусского. Вопрос об отношении к браку вызывает у них закономерное удивление, а между тем, в сшитых дратвой самодельных школьных тетрадях, по-видимому, по Закону Божию, показанных этим летом в одном из староверских домов, среди текстов псалмов исследователями были обнаружены фрагменты послания Павла Прусского к беспоповцам. В своих посланиях о. Павел убеждал старообрядцев-беспоповцев вернуться в лоно православной церкви, объяснял разницу между религиозными обрядами и догмами, писал, почему сам отошел от беспоповства. В одной из тетрадей не какой-либо иной текст, а именно этот переведен на немецкий язык, а в другой — записан на русском языке латиницей. Происхождение тетрадей пока точно неизвестно. На одной из страниц есть записи, позволяющие идентифицировать владельцев. Скорее всего, тетради принадлежали ученикам воскресной школы о. Александра Аваева, основателя единоверческой церкви и женского Успенского монастыря в Войнове.

Об истории Войновского единоверия исследователям известно еще меньше, чем о староверской истории деревни. Даже о самом о. Александре (1882-1958), подвижнике благочестия, бывшем офицере, монахе Оптиной пустыни, многолетнем настоятеле Войновской Покровской церкви — сначала единоверческой, затем перешедшей на «новый» обряд — публикуются противоречивые сведения.

Остается надеяться на то, что ученые успеют найти и обработать все сохранившиеся рукописные и печатные артефакты, пока в Войнове еще живут старoverы.

Елена Александровна Потехина, доктор гуманитарных наук,
профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша)

Т.В.Радзиевская(Киев, Украина)

**ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО
ДИСКУРСА XIX в.**

Для изучения научного дискурса немаловажно обращение к критико-аналитическому жанру, тексты которого образуют его значительный и репрезентативный сегмент. В докладе рассматривается один из таких текстов. Это объемная (76 страниц) критическая работа А.А.Потебни, посвященная анализу научного труда в области исторической фонетики Павла Игнатьевича Житецкого «Разбор сочинения П.Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия (1879г.). «Разбор...» Потебни, опубликованный в 33-м томе «Записок Академии наук» (Отчет о 20-м присуждении наград гр. Уварова), рассматривается славистами как важный источник сведений по истории языка, мы же подходим к нему с точки зрения тех критико-аналитических приемов, которые использует автор и которые характеризуют его как лингвиста, языковую личность и, вместе с тем, отражают нормы дискурсивной практики в филологии второй половины XIX в.

Критико-аналитический жанр разбора, представленный многочисленными текстами, среди авторов которых Ф.И.Буслаев, П.А.Лавровский, И.И.Срезневский, Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов и мн. др., по ряду черт сходен с жанром рецензии, однако и отличен от нее. Разбор характеризуется безальтернативностью основной стратегии текстообразования, «изоморфного» в данном случае линейной структуре рецензируемого труда. Иными словами, основным процедурным принципом разбора выступает последовательное, по мере чтения анализируемого текста, вычленение определенных текстовых блоков с их последующим анализом. Жесткое следование этой процедуре обуславливает когнитивную ограниченность разбора как текстотипа. Однако именно так строится текст Потебни, который о своей стратегии сообщает: *Замечания мои будут следовать в общем порядке изложения, принятому автором...* Действительно, сам разбор имеет четкую структуру: Потебня приводит цитату из труда рецензируемого автора, сопровождая ее своими замечаниями и комментариями, которые вместе образуют целостный сегмент – основную структурно-семантическую единицу «Разбора». Такой сегмент часто маркируется абзацным отступом и тире. Замечания Потебни, отражая разнообразные научно-герменевтические реакции, в большинстве случаев перерастают в достаточно пространственный комментарий, порождают многочисленные вопросы. Часто истинность положений Житецкого подвергается сомнению, однако не оспаривается, часто и сам Потебня не имеет готового ответа на сформулированный вопрос, поэтому, помимо изложения фактов, разбор включает предположения, сомнения, советы.

Обращение к вычленяемым сегментам позволяет говорить об определенных типах критического реагирования, которые существенны для характеристики стиля критико-аналитической деятельности ученого. Эти

типы реагирования, с одной стороны, вполне традиционны для научной критики, а, с другой, – ярко представляют Потебню как ученого и языковую личность. При анализе «Разбора» выделяются четыре основных типа реагирования, которые позволяют увидеть напряженный характер научного диалога ученых, в частности, сложность взаимопонимания (Потебня обращает внимание на неверное толкование Житецким его высказываний, искажение их смысла). Критико-аналитическому стилю Потебни присуще значительное внимание к аргументации при отстаивании своей позиции, которая имеет, как правило, развернутый характер, отличается детальностью и разнообразием. Вместе с тем важно отметить креативную составляющую в разборе: в ходе критического анализа Потебня пересматривает свои взгляды, вносит коррективы в те высказывания, которые были сделаны им ранее в своих собственных разысканиях.

Радзиевская Татьяна Вадимовна – д. филол. н.

в.н.с. Ин-та языковедения НАН Украины

* * *

Е.Э. Разлогова(Москва)

Об интерпретации нестандартных вариантов перевода

Когда анализируется тот или иной перевод, то предполагается его сравнение с оригиналом, которое в свою очередь предполагает наличие общей для двух языков и культур системы. Сравнение в этом случае более целесообразно интерпретировать как сопоставление двух переводов оригинального текста, один из которых реален, другой – виртуален и является точкой отсчета в сравнении.

Цель работы – показать, что существует реальный аналог такого "виртуального" перевода, и рассмотреть возможные отклонения от него. Можно сформировать "усредненный" перевод, в который будут включены только наиболее частотные варианты из существующих переводов.

Эта задача может ставиться только на корпусе, содержащем достаточно большое количество переводов одного и того же текста, выполненных профессиональными переводчиками, поскольку если переводов "мало" (два или три), то выстроить усредненный вариант невозможно. Корпусы такого типа могут быть сформированы искусственно (например в рамках конкурса на лучший перевод конкретного текста), но они существуют и в "естественном" виде: это переводы произведений классиков, пишущих на иных по отношению к данному языкам, произведений, которые играют особую роль в принимающей культуре, к которым переводчики возвращаются много раз в разное время. Например, на сегодняшний день "Гамлет" переводился на русский язык по крайней мере тридцать раз (с учетом перевода фрагментов),

"Госпожа Бовари" на английский, по крайней мере, двадцать (но на русский пять), "Пиковая дама" на французский по крайней мере шестнадцать раз и т.п.

Перевод классических произведений доверяют в большинстве случаев либо переводчикам со сложившейся репутацией, либо достаточно известным поэтам и писателям, либо профессиональным филологам. Следы интерференции языков, свойственной непрофессиональным переводам, в таких текстах как правило отсутствуют. Так, например, в "хороших" переводах с французского языка на русский эквиваленты указательных и притяжательных местоимений часто будут опускаться. Однако и здесь, как и в непереводах, могут встречаться неудачные стилистические решения.

Сравнение различных эквивалентов одной составляющей оригинала (слова, грамматического элемента, конструкции, фрагмента, нарративных схем и пр.), вписывается в тематику сопоставительного изучения языков - сопоставительной грамматики, синтаксиса, лексикологии, стилистики. Оно актуально для двуязычных словарей, а также для некоторых других способов систематизации эквивалентов двух языков, относящихся к переводоведению.

Мы будем исходить из того, что вариант перевода для любой составляющей оригинала можно рассматривать с точки зрения того, насколько часто он повторяется в других переводах. Так, например, во французских переводах фразы из начала "Пиковой дамы" *Долгая зимняя ночь пролетела незаметно* эквиваленты словосочетание *долгая зимняя ночь* оформлены 14 раз при помощи определенного артикля *la longue nuit d'hiver* и только два – неопределенного *une longue nuit d'hiver* (в частности, у Мериме). В усредненный перевод войдут наиболее частотные решения, однако он с большой вероятностью не будет совпадать ни с одним из существующих переводов. Это объективная точка отсчета для их анализа.

Редкие, нестандартные эквиваленты, не вошедшие в усредненный перевод, представляют особый интерес. Можно рассматривать их различные типы:

1. Варианты, являющиеся результатом применения "переводческих" приемов (модуляции, эквиваленции, рационализации и пр.), которые не были использованы в других переводах.
2. Варианты, которые могли бы быть включены в двуязычные словари
3. Грамматические варианты, допустимые, но не зафиксированные в сопоставительных исследованиях
4. Смысловые ошибки
5. Стилистически неудачные варианты
6. Сознательные смысловые изменения, вносимые переводчиком, сознательное исправление "неточностей" оригинального текста и пр.

и некоторые другие, в частности, связанные с изменениями языка в диахронии, с определенными литературными тенденциями (например, нацеленностью на разъяснение, дописывание) идиостилем переводчика и др.

Таким образом, при анализе переводов можно говорить не только о стилистике каждого перевода в отдельности в рамках принимающего языка и культуры, но и о расхождении с усредненным переводом, полученным из анализа параллельных текстов. Регулярные отклонения такого рода, например, частая замена неличных форм глаголов личными, могут никак не интерпретироваться в рамках стилистики текста, но быть очень показательными с точки зрения переводоведения.

Разлогова Елена Эмильевна

д.филол.н., ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

* * *

А.И. Резниченко(Москва)

К истории "несбывшихся событий": Сергей Раевский и его стихотворный цикл "Венец лета"

В рамках доклада речь пойдет об осуществляемой попытке реконструкции дурылинского стихотворного цикла «Венец лета» (другое название – «Народный календарь», 1909 – 1930-е гг.) – и его анализа и интерпретации. Как и многие другие поэтические и прозаические замыслы С.Н. Дурылина, этот проект (проект создания поэтического месяцеслова) – не был осуществлен до конца. Достаточно легко реконструируются лишь ранний вариант месяцеслова – по записи С.Н. Дурылина «на обороте транспаранта» – на последнем листе автографа другого цикла стихотворений С.Н. Дурылина-Раевского – «Ограда Ассизи» (начало 1910-х гг.) из собрания М.Ю. Гоголина: «1. Сливное дерево 2. Св. Серафим 3. Семь спящих отроков 4. Саломия 5. Весна. 6-7. Сказание о милостыни. 8. Ангел Благого молчания. 9. «Жил старец...» 10. «Бросил рукоделие...» 11. Иконописец. 12 «Идет Христос...». 13. У Божьих врат 14. В неделю Ваий. 15. Над Плащаницей. 16. Св. София. 17. Св. Лука. 18. Богоматерь», – а также отдельные разделы «Венца лета» окончательной редакции («Венец лета. I. Сливное дерево», «Венец лета. II. Покрой Покровом» и «Венец лета III. Кузьма и Демьян. Ноябрь»). Полное восстановление «годового круга» дурылинских стихотворений представляется сейчас делом будущего.

Обе редакции «Венца лета» представляют собой подлинные «тексты на границе художественного» и, вследствие этого, могут быть рассматриваемы не только с точки зрения стиховедения, но и антропологии и фольклористики.

В рамках доклада предполагается сравнить позднюю редакцию «Венца» с его ранним вариантом и многочисленными стихотворными дурылинскими проектами 1910-годов (такими, к примеру, как «Небесные пути» (1912) и уже упоминавшаяся «Ограда Ассизи»). Структура их неустойчива; окончательный вариант зачастую не совпадает с изначальным; тексты тасуются, как карты в колоде, переходя из одного проекта в другой (так, многие стихотворения из первоначального «Венца лета» вошли в другой ранний дурылинский стихотворный проект — «Небесные пути», и именно там и были обнаружены). Кажется, окончательная структура этих стихотворных циклов не была ясна и для самого автора. Ранний вариант «Венца лета» интересен как открытая творческая лаборатория тех поисков стихотворных форм, которые увлекали Дурылина в период «Мусагета» и «Лирики» и, бесспорно, служит ярким памятником поэзии этого времени.

Структура позднего «Венца», напротив, предельно четка: она привязана к годовому циклу церковных праздников, т.е. событий, изначально возвышающихся над сферой «бывания», — и совершенно, казалось бы, отсутствующих в сфере реального быта 1930-х гг. При этом стилистическими образцами отдельных стихотворений служат не традиционные формы церковной поэзии (хотя изредка встречаются и они — например, стихотворение 8 раздела «Покрой покровом»), а фольклорные формы, такие, как считалки, заговоры, плачи или колядки:

<...>

Замкну Божия раба

От бесова серпа

Огненным ключом

Острым мечом.

Врою три столпа,

Посредине – дом:

Хозяину век вековать

Золотым житьем,

Дому век домовать

На замке золотом

От колдуна, от колдуницы,
От волхва, от волховицы,
От всей силы пододонной –

Полевой, луговой,
Болотной, лесовой,
Воздушной, бездомной,
Тьмами тем темной.

А врагу – ключа не сыскать.

А мне – замка не отмыкать.

Крепче мое слово

Меча золотого.

Меч врага убьет –

Слово посечет.

[Венец лета III. Кузьма и Демьян. <2>. Архангел Михаил]

Если бы не наличие сохранившихся черновых автографов, где видна работа и над образным строем, и над ритмом стиха, эти стихотворения можно было бы принять за фольклорные тексты – но только «принять», потому что любое сопоставление дурылинского стиха с литургическим и/или фольклорным источником указывает на несомненно авторский характер.

Резниченко Анна Игоревна, д. филос. н., доцент РГГУ,
главный хранитель фондов Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина

* * *

О. Г. Ровнова (Москва)

**«Повесть и житие» старообрядца из Южной Америки
как явление современной литературы
и памятник русского диалектного языка^[20]**

1. «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» написано старообрядцем часовенного согласия Д.Т. Зайцевым в 2009–2012 гг. в Аргентине. Это не «житие» в традиционном для литературоведения

понимании одного из жанров христианской литературы, это повесть о жизни – светское произведение, но написанное человеком с религиозным сознанием, которое определяет многие изложенные в книге жизненные сюжеты, отношение к событиям, другим людям, самому себе. В выборе названия для своего труда, которое безусловно содержит аллюзию на известный жанр христианской литературы, сказывается знакомство автора-старообрядца не только с религиозными, но и светскими сочинениями.

В рукописной книге отражена история многих старообрядческих родов, история переселения из России в Китай и потом в Южную Америку, трудные первые годы жизни в Аргентине, сложные межличностные отношения в общинах, имеющие первопричиной оказавшиеся непримиримыми конфессиональные различия между двумя группами старообрядцев, их обычаи, повседневные заботы, внутрисемейные отношения, нравы, – и, конечно, в книге представлены разнообразные человеческие характеры. В центре повествования жизнь самого автора и его семьи, с подробным рассказом о приезде в Россию в апреле 2008 г., жизни сначала в Белгородской области, потом в Саяно-Шушенском заповеднике (Красноярский край) и возвращении обратно сентябре-октябре 2010 г.

2. «Повесть и житие» относится к литературе нон-фикшн, то есть к «невывмышленной прозе», и представляет собой произведение «наивного письма». В кругу опубликованных произведений, написанных «простыми людьми», книга Д. Т. Зайцева занимает особое место. Она значительно превосходит их объемом письменного нарратива (35 авторских листов), эпическим охватом событий, количеством действующих лиц и масштабом дарования автора. Он незаурядная личность сам по себе и, одновременно, представитель особого старообрядческого мира с его собственной исторической судьбой. Он же – представитель почти исчезнувшего в современной русской деревне типа рассказчика, наделенного талантом к длительной монологической речи, построенной по законам словесного искусства и обладающей мощным эмоциональным воздействием на слушателя, и он же – талантливый писатель (единственный, которого на сегодняшний день дала старообрядческая среда Северной и Южной Америки). Наконец, книга Даниила Зайцева действительно написана «на исконом языке неисковерканном» – русском диалектном языке старообрядцев-«синьцзянцев», который избежал воздействия литературного языка.

3. В жанровом отношении книга является сложным сплавом многих светских и христианских жанров древнерусской литературы. В ней есть черты летописи, бытовой и сатирической повести, хождения, плутовского романа, жития, проповеди, поучения, в текст включены духовный стих об Алексее, человеке Божьем, сказки, исторические анекдоты и др.

4. Книга отражает многие черты архаичного говора старообрядцев Южной Америки, как лингвистический источник она сопоставима по ценности с памятниками древнерусской и старорусской письменности, в том числе с новгородскими грамотами.

Ровнова Ольга Геннадьевна

к. филол. н., с.н.с. ИРЯ РАН

* * *

Ирина Савкина(Тампере, Финляндия)

«Делать жизнь -- с кого? : эго-тексты как феномен массовой культуры»

Материалом изучения в докладе будут эго-тексты как жанр современной массовой культуры. Под массовой литературой понимается литература формульная (термин Д. Кавелти), если говорить о производстве, и популярная, «рыночная», если говорить об адресате и способах «сбыта» и потребления. В последние десятилетия массовая культура перестала изучаться только с обвинительных и иерархических позиций и стала объектом пристального внимания социологии культуры и Culture Studies, которые в частности изучают, какие внутренние потребности читателей (и каких именно читателей) обслуживает массовая культура. Одной из функций масс-литературы социологи считают создание чувство единства. Массовая культура привязана к ценностям стабильности, отсюда ее моральность и укрепляющая функция. «Утверждая, массовая культура создает норму, потребность в которой сама же и удовлетворяет» (Б. Дубин).

В контексте вышесказанного в докладе рассматриваются эго-тексты как феномен массовой литературы.

Различного рода записки / автобиографии / мемуары / исповеди звезд и знаменитостей (как в литературном, так и в телевизионном формате) – это не только (и даже не столько) повествования об индивидуальных судьбах, но прежде всего – это поле производства и воспроизводства востребованных и модных имиджей, поведенческих стратегий и речевых практик.

Цель доклада на материале прежде всего автобиографических текстов плодовитого автора иронических детективов Дарьи Донцовой («Записки безумной оптимистки», «Записки безумной оптимистки. Два года спустя»,

«Записки безумной оптимистки. Три года спустя», «Я очень хочу жить. Мой личный опыт») проанализировать следующие проблемы:

- как, по отношению к каким мы и они строится я в популярных эготекстах,
- какие социальные, гендерные, национальные и пр. стереотипы при этом актуализуются,
- как конструируется в текстах концепты успешности и популярности, звездности, насколько они контекстуально (исторически и политически) обусловлены,
- кто является адресатом/адресатами этих автобиографий, какие ты конструируются в автонарративе,
- какова реакция реальных читателей автотекстов (в Интернете).

Савкина Ирина Леонардовна, д. философии, лектор кафедры русского языка, культуры и переводоведения Тамперского университета (Финляндия)

* * *

И. В. Семененко-Басин(Москва)

Динамика сакрального в пограничной ситуации: старообрядческая Церковь в 1917 году

1. Исследователи старообрядчества отмечали, что сохранение «древнего благочестия» не было единственной задачей русских староверов, скорее, ими двигало стремление определить себя в ситуации, когда исполнялись эсхатологические пророчества Нового Завета и святоотеческой письменности. Основой старообрядческого мировоззрения представляется уверенность в том, что эсхатологические пророчества уже начали исполняться в настоящем времени.

2. Характерное для староверов *веротворчество* обусловило принципиальную возможность изменения традиционной греко-православной церковности (временное или постоянное существование без епископата, редуцирование таинств и т.д.). Совмещение неизменности церковной книжности и принципиальной изменчивости церковной жизни в ситуации «последних времён» создавало неожиданные сочетания.

3. Практика старообрядческой Церкви белокриницкой иерархии отозвалась на революционные события 1917 года изменениями своей сакрализованной образности: прославлением в лике святых мучеников за правоверие XVII века и прекращением поминовения монарха (тропарь

Кресту, проскомидия, ектении и т. д.), причём прекращение поминовения монарха произошло даже на несколько дней ранее, чем в православной Церкви.

4. Старообрядческой традиции легко дался окончательный разрыв с традиционной российской сакрализацией фигуры монарха. Стало очевидным своего рода «перетекание священного», его концентрация в лице почитаемых святых, с включением в их число духовных предков старообрядцев – жертв религиозной распри XVII века.

5. В течение 1917 года также выяснились маргинальные тенденции в старообрядческой Церкви: понимание литургического текста через традиционную византийско-славянскую икону, в смысле требования строгого соответствия литургического текста тропаря Кресту – иконографии Воздвижения Креста Господня; желание полностью изгнать символизм царства/царя из всех христианских богослужебных текстов, включая Псалтырь. Обе маргинальные тенденции не получили поддержки Московской старообрядческой архиепископии.

Семеновко-Басин Илья Викторович

д. ист. наук, профессор РГГУ

* * *

С.Ю. Семенова(Москва)

В поисках новой языковой игры

Темой работы является русская разговорная языковая игра последних лет, начиная со второй половины 2000-х гг. Интерес к языковой игре возник у автора вследствие восстановления и анализа лексики его семьи при жизни мамы, Елизаветы Григорьевны Семеновой (1926 — 2004). По памяти была собрана коллекция домашних высказываний (более 9 тыс. единиц), относящихся, главным образом, к 1980 — 90-м гг. Мемориальная работа отражена в тезисах конференций «Маргиналии» (2008, 2010 и 2012 гг.) и в нек. других публикациях. В коллекции существенное место занимают примеры языковой игры, передающие колорит семейной речи как социолингвистического явления, атмосферу конкретной семьи и эпохи — поздних советских и «переходных» лет.

Возникло желание сопоставить ушедшую игру с играми, родившимися уже в последующее время. Внутренняя переключка воспринимаемого текущего дискурса с личным опытом в прошлом видится довольно естественной при погружении в столь психологичную, связанную с идиолектами тему, как языковая игра; внутренний диалог ощущается и в Приложении к книге В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» (М., 2002).

Полезным шагом в поиске новейших игровых форм стала дипломная работа выпускницы ИЛ РГГУ Д.Н. Ваулиной, выполненная под руководством автора в 2013 году. Д.Н. Ваулина собрала мини-корпус (около 600) современных единиц, иллюстрирующих основные игровые приемы, которые описаны в работах Е.А. Земской,

М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, В.З. Санникова. Найденные примеры представлены в форме базы данных, включающей такие поля, как толкование игровой единицы, ее синонимы, более традиционные аналоги (прототипы по теме или по форме), задействованные приемы, обыгрываемое слово (для семантических игр), описание ситуации произнесения. Материал собран при беседах с информантами и путем опроса в социальных сетях. Поскольку информанты, как правило, не владеют термином «языковая игра», их просили вспомнить недавно услышанные необычные, комичные речевые формы. Рассматривались языковые игры именно устного разговорного дискурса; письменные примеры из блогосферы, СМИ, художественной литературы не затрагивались.

Поиск современного разговорного игрового материала продолжается автором и после завершения руководства этим дипломным проектом. В целом, найденный материал позволяет сделать ряд выводов.

1. Информанты молодого поколения показали слабое знание прежних нестандартных форм – как деревенского просторечия, так и советского фольклора. Поэтому в полевом материале существенна доля информационного шума, когда за новую игру принимались «бородатые» либо просторечные примеры. Затруднено узнавание прецедентных прототипов, в частности, советских клише. Такого рода отрыв от культурной традиции не может не вызывать беспокойство.
2. В материале, полученном от молодежной аудитории, велика доля простейших видов языковой игры — окказионализмов, киноцитат, фонетических игр. Наиболее интеллектуальная форма – каламбур – очень редка.
3. Интерес представляет вопрос о датировке игровых эпизодов. Отнесенность к последнему периоду очевидна лишь в случаях, когда в

этот период имела место актуализация (появление или рост популярности) обыгрываемой реалии; напр., глагол *фанить* (о деятельности ФАНО), существительное *вшэвость* (от ВШЭ). В других случаях при отнесении впервые услышанного эпизода к новейшим играм приходится опираться на интуицию исследователя.

4. Языковые игры (как корпус) в принципе могут быть представлены в виде лексикографической информационной системы, включающей как вышеназванные поля, так и другие виды данных: сведения о частотности (напр., в блогосфере), об авторстве, социальной среде бытования, контекстах и др.
5. Авторская языковая игра может служить зеркалом психологического склада, системы ценностей, других личностных качеств ее создателя. Так, горестная созерцательная ирония немолодого человека ощущается во фрагментах *достичь совершеннолетия* (т.е. пенсионного возраста), *эмигрировать «я эмигрирую»* (уйти пораньше с работы), *освоить бюджет* (разворовать казенные деньги).
6. При уникальном, «штучном» характере каждого эпизода и вытекающей отсюда небольшой численности (разговорного) корпуса, разговорная языковая игра может изучаться по целому ряду параметров: приемам (что является традиционным), тематике (высмеиваемым социальным явлениям), возрастным, образовательным, профессиональным различиям ее создателей и адептов.

Семенова Софья Юльевна

к. филол. н., с. н. с. ИНИОН РАН, доцент РГГУ

* * *

Е.Г.Серебрякова(Воронеж)

Книга-отчёт о суде над диссидентом в литературно-публицистическом наследии нонконформистов

Причина возникновения жанра судебной хроники в литературно-публицистическом наследии диссидентов носила внелитературный характер: с 1956 по 1987 годы в СССР по «диссидентским статьям» было осуждено 8124 человека.^[21] При этом СМИ не давали полных материалов суда. В соответствии с логикой информационной борьбы, сопровождавшей идеологическое противостояние, судам над инакомыслящими предшествовала публикация обличительных фельетонов в периодической печати. Завершали кампанию статьи под рубрикой «Из зала суда» – отчёты-хроники, призванные подтвердить морально-нравственную правомочность вынесенных приговоров.

Нонконформисты предпринимали ответные действия. Главная цель публикаций судебных хроник в самиздате была практическая – собрать материал, позволяющий опротестовать решения суда или смягчить участь обвинённого. Кроме того, решались следующие задачи: информационная – дать полные сведения о судебном разбирательстве, позволить читателю самостоятельно делать выводы о правомочности предъявленных обвинений. Социальная – мобилизовать граждан к борьбе за права личности. Идеологическая – склонить общественное мнение в пользу осуждённых. Нравственно-этическая – разоблачить несправедливый характер обвинений, выявить предрешённость вынесенных приговоров. Таким образом, судебные хроники являлись весомым контраргументом в информационной битве нонконформистов с властью, становились в большей степени фактом общественной жизни, чем литературной.

Основу «диссидентской» судебной хроники заложила Ф. Вигдорова. «Запись суда над Бродским» воспроизводит традиционные для жанра хроники приёмы: линейное время, экстенсивный характер повествования, позицию автора за событиями, преобладание записи над рассказом, самодовлеющее значение речей персонажей для их характеристики. Фабульную основу «записи» составляют факты судебного процесса. Документальность текста, его принципиально важное свойство, дополняется литературным компонентом. Художественное начало реализует себя в моделировании текста по литературным схемам: конструировании образа главного героя по образцу «поэтической биографии», апелляции к литературной памяти читателей, в дополнительном, «литературном» звучании юридического прецедента. Вигдорова добивается эстетической значимости текста не за счёт художественного вымысла, но с помощью литературной обработки документального материала.

Составители последующих судебных хроник: Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская и другие – ориентируются на текст Вигдоровой. Сохранён закон целостности изображения: о событии рассказано от начала и до конца, читателю не приходится домысливать изображённое. Время однонаправленно: повествование не забегает вперёд и не возвращается назад.

Автор следует за событиями, не нарушая их последовательности, достигает панорамности картины.

Стремление авторов к максимальной информативности приводит к созданию жанра книги-отчёта, в которой зафиксированы все этапы развития судебного процесса: от предыстории до материалов суда и отчёта о резонансе уголовного процесса в советской и иностранной прессе. Стремясь к объективности, авторы сводят к минимуму собственное присутствие в тексте, фактически отказываясь от оценок и комментариев происходящего. Установка на предельную фактографичность создаёт эффект «самоговорящей» реальности, но значительно ослабляет эмоциональное воздействие текстов.

Составители книг-отчётов о судах над диссидентами создали «литературно-общественный факт» – событие, вошедшее в структуру художественной и социальной жизни 1960-1970-х годов. Их тексты сыграли программную роль в методах ориентации нонконформистов в общественной ситуации, формировании тезауруса самиздата, активизации защитных сил внутри диссидентского сообщества, моделировании поведенческих схем и стратегий выживания нонконформистов.

Серебрякова Елена Геннадьевна

к. филол. наук, доц. каф. культурологии

Воронежского госуниверситета

* * *

С. С.Сидорков(Елец)

Особенности ведения виртуальных дневников

Современное общество постепенно движется к отказу от рукописных текстов, да и вообще от текстов на любых носителях, кроме цифровых. Одновременно с этим меняется и структура текста, характер, содержательность. В пространстве виртуального мира стало принято мыслить образами, процент текста сводится к минимуму. В связи с возросшим потоком информации рядовому пользователю просто не

интересно читать большой блок текста и структура соответствующим образом изменилась, превратив структурированный информационный блок в «пост» (жарг. «пост» – сообщение на форуме)^[22].

Дневниковые записи в пространстве интернета, для ведения которых существует множество специальных сервисов, в большей мере идентичны традиционному эго-тексту. На таких сайтах хранятся не только дневники живых пользователей, но и записи уже умерших, можно встретить пользователей которые собирают такие «мертвые дневники»^[23]. Интерес представляет то, что думал, о чем писал человек непосредственно перед смертью, причем это не обязательно какая-то известная личность.

Бродя в сети, можно столкнуться с любопытным феноменом виртуальной жизни - это, так называемые «мертвые дневники», записи которые вели пользователи различных социальных сетей и Живых Журналов, впоследствии умершие. На первый взгляд ничего странного, но эти страницы продолжают свое существование. Друзья и знакомые пишут на них свои комментарии, обращенные к владельцу аккаунта^[24]. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с одной из сторон «виртуального бессмертия». Страница социальной сети, в оформлении которой вложена часть субъекта, перенесена доля психической энергии, переживает реального человека и у прочих близких есть шанс обратиться к такому виртуальному двойнику, ослабив тем самым собственное чувство вины перед ушедшим.

Изучая такие дневники, удалось выделить три типа:

- дневники погибших в результате несчастного случая (либо тех, чья жизнь прервалась насильственным путем),
- дневники умерших от неизлечимой болезни,
- дневники покончивших жизнь самоубийством.

В записях первого типа интересна посмертная жизнь аккаунта, синтезируемая записями друзей и знакомых. Такие заметки чаще всего принимают характер виртуальных мемориалов.

Страницы второго типа представляют интерес, как в период записей хозяина, так и после смерти. Они описывают напряженную картину жизни с осознанием неизбежности и последующей борьбы или смирения перед сложившейся ситуацией. Так или иначе, пользователь живет с осознанием конечности собственного существования, что не может не отражаться на облике страницы, окрашивая ее чувством безысходности, тоски и горя, либо наоборот посты блещут бравадой, героикой и презрением к обстоятельствам. Посмертная жизнь страницы так же поддерживается близкими людьми, случайно зашедшими странниками просторов интернета.

Третий тип, пожалуй, самый интересный для исследования, как визуального, так и лексически-содержательного. Предоставляет богатый материал для психологов, философов и религиоведов, так как иллюстрирует поведение человека перед лицом смерти, как и во втором типе, но если в том случае это неизбежность, то в последнем осознанный выбор. Посмертные комментарии делают родственники, друзья и другие потенциальные жертвы суицида.

В отличие от дневника личного, записи виртуальные изначально ведутся с ориентацией на публичный доступ, это не может не оставлять отпечаток на характере текста. Так же как манера поведения наедине с собой отличается от поведения в кругу знакомых, коллег или совсем посторонних людей.

Сидорков Сергей Сергеевич

аспирант ЕГУ им. И. А. Бунина

* * *

С.А. Сионова(Елец)

**ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА В.М.БЕЗОБРАЗОВА – ДОКУМЕНТ ЭПОХИ
1914-1917 гг.**

Прошло 100 лет (целый век) с начала первой мировой войны. Время неумолимо отодвигает эту трагедию России. Долгое время умалчивалось все, что происходило на фронте, в тылу. Тем важнее, нужнее в нынешнее время живые свидетельства тех, кто воочию переживал те жестокие события. Свидетельством того является неопубликованный дневник генерала Владимира Михайловича Безобразова, дошедшего до нас в своем первоизданном виде. Интересен взгляд издалека, из тех времен, когда русские люди переживали грозное время событий, в корне изменивших их жизнь и судьбы.

Дневниковые записи предвосхищает документ, своего рода служебная характеристика генерала Безобразова, которая озаглавлена «Генерал-адъютант, генерал от кавалерии Владимир Михайлович Безобразов»: «Генерал-адъютант, генерал от кавалерии Владимир Михайлович Безобразов родился в 1857 году. Из пажей вышел лейб-гвардии в Гусарский полк в 1877 году. Командир 26 Бутского драгунского (1896) и затем Кавалергвдского полков (1902). Далее начальник гвардейской дивизии и командир

Гвардейского корпуса (1911). Участник первой мировой войны. Скончался в Ницце в 1932 году».

Безобразов всегда имел собственное мнение, считал, что гвардию на войне следует беречь для крупных задач и не трепать ее по мелочам. Это ему она была обязана выводом в стратегический резерв в 1916 году для приведения в порядок, почти напоминающий мирное время. В Измайловском полку под Сморгонью осенью 1915 года, после двух с половиной месячной страды насчитывалось менее 1000 человек (800 – 900) и 12 офицеров, а на походе к Молодечно (после отдыха – С.С.А.) – 5000, при почти полном числе офицеров. Без помощи благоволившего к «Воеводе» (так звали в армии генерала за его внешний облик, похожий на воеводу XVII века – С.С.А.) Государя меру эту едва ли удалось бы провести. Но Безобразов ее добивался и добился, напоминая, что «гвардия не только «ударное» войско и оплот Престола». Государь поддержал идею генерала.

Автор дневника проясняет причины поражений на фронте, высказывает свое мнение: «К сожалению, тыловая гвардия, запасные петербургские полки, разросшиеся до размеров армии, но безоружные, бездельные и без офицеров, сохраняли свою независимость и оказались не оплотом, а одной из главных причин гибели Престола. А крепкие действующие войска находились далеко и были оторваны от столицы большим расстоянием, когда разразились первые волнения в Петербурге в 1917 году».

Автор дневника отметил значимость своих записей, отведя им весьма скромное место: «Мой дневник, за время Великой Войны (1914 – 1916) не может быть боевой историей Гвардейского корпуса, но может послужить лишь некоторой, незначительной справкой для будущего составления. На самом деле, мой дневник есть просто хронологическое изложение того, что я видел, слышал и делал при той, малой осведомленности всякого начальника, входящего в состав огромного фронта армии и обреченного на линейную войну. Отсутствие возможности маневрировать отняло самое главное в военном искусстве, т.е. его душу, а потому Великая Война не выдвинула ни одного великого полководца, ни одного крупного таланта, хотя некоторые народо-рекламисты будут силиться раздувать своих военных начальников и создавать из них даже героев».

Записи генерала В.М.Безобразова многоаспектны и интересны в плане постижения и понимания исторических фактов. В целом – это дневник, насчитывающий ежедневные записи на протяжении нескольких лет. Это, как и «Окаянные дни» И.А.Бунина, летопись той эпохи и последующей судьбы нашего Отечества. Учитывая историческую достоверность, значимость и оригинальность документа, представляющего свидетельство очевидца и непосредственного участника событий, следует подробно изучить и опубликовать дневниковые записи в полном объеме.

В России дневник генерала не опубликован. Приводимые в этой статье цитаты из дневника даны по подлиннику, находящемуся у автора. На протяжении долгих лет дневник хранился за границей в архиве семьи Стаховичей. Дневник был подарен автору в надежде на его публикацию ныне здравствующими представителями этой семьи – Михаилом Михайловичем и Надеждой Михайловной, которым генерал В.М.Безобразов приходится дедом по линии матери Ольги Владимировны Безобразовой, в замужестве Стахович. В настоящее время дневник генерала В.М. Безобразова готовится к публикации.

Сионова Светлана Александровна, к. филол. н.

доцент кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

* * *

И. Ю. Смирнова(Москва)

**Митрополит Московский Филарет и его контакты
с английскими богословами (по материалам их переписки,
дневников и мемуаров)^[25]**

В английской историографии сохранился обширный пласт мемуарных, эпистолярных и автобиографических источников, которые отражают процесс формирования и развития англо-русских церковных контактов на протяжении XIX в. Во многих из них упоминается имя митрополита Московского Филарета (Дроздова) как наиболее авторитетного и влиятельного представителя российской иерархии, рассматривавшего возможность сближения Российской и Английской Церквей с позиций безупречной каноничности.

Первые контакты святителя Филарета с британскими миссионерами, были связаны с деятельностью Российского библейского общества, которое было учреждено в 1813 г. и всецело обязано своим возникновением инициативе британских миссионеров Роберта Пинкертон и Джона Патерсона. Опубликованные ими воспоминания свидетельствуют о том, что

английские представители Библейского общества преследовали преимущественно прозелитические задачи «перевоспитания» и просвещения русского народа. Вместе с тем, благодаря изданным ими книгам, английское общество получило возможность познакомиться с состоянием Русской Церкви в первой половине XIX в. и с ее видными иерархами, в том числе будущим святителем Филаретом (Дроздовым). При этом неумеренные похвалы его толерантности искажали истинный образ святителя и невольно вводили в заблуждение тех, кому впоследствии предстояло иметь с ним дело по тем или иным церковным вопросам. И первым среди них следует назвать диакона Вильяма Пальмера, английского богослова, сыгравшего заметную роль в установлении первых систематических контактов православного и англиканского духовенства в XIX в., развитие которых привело со временем к стабильному межконфессиональному диалогу.

Пальмер поднял целый ряд канонических и историко-литургических вопросов, касавшихся различий в постановлениях и обрядах Восточной и Российской Церквей, к обсуждению был привлечен митрополит Филарет. Кроме того, Пальмер способствовал обращению к Филарету других представителей англиканства – ученых-богословов, каноников и историков Э.Лоу, Дж. Вильямса, Р.Блэкмора, И.Ниля и др. Переписка с ними, охватывающая 1842–1854 гг., отражает возрастание интереса английских богословов и историков к России и Русской Церкви, а если брать шире, и к православию в целом. Митрополит Филарет консультировал англичан по вопросам гомилетики, литургики, догматики, церковной истории и археологии, оказывая им всяческое содействие, вплоть до того, что лично редактировал сборник иерусалимских проповедей оксфордского каноника Джорджа Вильямса, который в 1842-1843 гг. служил капелланом протестантской англо-прусской миссии в Святой Земле, затем в Кронштадте, а впоследствии был инициатором и деятельным участником англикано-православных контактов.

Можно утверждать, что период 1840-х – начала 1850-х гг. – это время активного личного общения между отдельными представителями двух Церквей, пробудившее взаимный интерес и ставшее необходимым звеном для налаживания реальных межцерковных связей. Контакты сороковых годов привели к тому, что неперенным правилом английских богословов, приезжавших в Россию, стало посещение митрополита Филарета в Москве, так как после 1842 г. он не приезжал в Петербург на заседания Синода.

Личные контакты святителя Филарета и английских богословов, прерванные во время Крымской войны, возобновились в 1860 г. по инициативе Дж. Вильямса, предложившего отправлять русских студентов в Кембридж для получения высшего образования в колледже, специально открытом при Кембриджском университете. На повестку дня вновь выступили вопросы о соблюдении канонических норм и правил при переходе в православие из иных конфессий, для разъяснения которых снова был

привлечен митрополит Филарет. Его переписка с английскими богословами позволяет проследить эволюцию межконфессиональных контактов в середине XIX в. на фоне политических отношений между великими державами.

В августе 1867 г., когда вся Россия отмечала юбилей святителя, на торжествах присутствовали два представителя Оксфордского университета — Чарльз Латуидж Доджсон (1832-1898), всемирно известный под псевдонимом Льюис Кэрролл, и его друг, каноник Генри Парри Лиддон (1829-1890). Для Доджсона это было первое путешествие за границу, и предполагается, что именно здесь родился замысел «Алисы в Зазеркалье». Лиддон представил митрополиту Филарету поздравительное послание епископа Оксфордского Сэмуэла Уилберфорса (1805-1873), влиятельного деятеля Англиканской Церкви. Яркие впечатления и воспоминания, связанные с празднованием юбилея святителя, свидетелями которого оказались Г. Лиддон и Л. Кэрролл, запечатлелись в их дневниковых записях и переписке с английскими епископами.

Все эти документальные свидетельства позволяют проследить развитие межконфессиональных отношений на протяжении всей «филаретовской эпохи» и убедительно свидетельствуют о важной роли святителя Филарета в англикано-православном диалоге XIX в.

Смирнова Ирина Юрьевна, к.и.н.,

Ин-т российской истории РАН

* * *

Е.В.Суслова(Нижний Новгород)

«Веселая наука» Ж.-Л. Годара: сценарий экспериментального кино как объект лингвистического исследования

«В общем, путают часть и целое, отвергая их право взаимоисключать друг друга и принадлежать друг другу. Здесь-то и начинается драма», – пишет Жан-Люк Годар, задавая таким образом стилистическую доминанту своих картин: вопрос о соотношении локальной и глобальной связности текста, а также вопрос о выделении значимой единицы нелинейного повествования. Сценарий – это тип текста, для которого определяющими становятся особая организация разговорной речи, контекстная и

прагматическая ориентированность, специфическая связь вербального и визуального планов (в отличие от драматургического текста) и их текстовое описание. С точки зрения своей медиа- и лингвопоэтики экспериментальная картина Ж.-Л. Годара «Веселая наука» дискурсивно связана с рядом текстов, значимых для европейской культуры: одноименной книгой Ф. Ницше, работами Ж.Ж. Руссо, поэзией трубадуров. После постановки проблемы лингвистического анализа сценарного текста мы рассмотрим стилистические и риторические аспекты проблемы текстовой связности и взаимовлияния текста и изображения с позиций лингвистики текста и медиатеории в обозначенном культурном контексте.

Сулова Евгения Валерьевна – переводчик лаборатории

Научно-исследовательского физико-технического института

Нижегородского государственного университета

(диссертация по поэтике русской авангардной поэзии второй половины XX века

защищена в 2013 года под руководством Л.В.Зубовой).

* * *

Н.Т.Тарумова(Москва)

Неизвестное рядом. Архивные исследования^[26]

Исследовательская работа в архивах часто является сюжетом для небольшого рассказа. Научные разыскания, истории поиска материалов о Московском университете на рубеже 19-20 веков, о литературной среде и семейных традициях профессоров и выпускников-поэтов, позволили найти неизвестные воспоминания о Московском университете того времени. Мемуары И.И. Пузанова (1885-1971), выпускника Московского университета (1911), выдающегося зоолога, зоогеографа и гидробиолога, доктора биологических наук, поэта и переводчика, в научный оборот впервые были введены автором в 2010 году при написании статьи в книге «Поэзия Московского университета от Ломоносов и до…» от Арсения Альвинга до Владислава Ходасевича». В своих мемуарах Иван Иванович пишет об университетском учителе А.Д. Некрасове (1874-1960), посвящает ему стихи. С 1933 года, более десяти лет, И.И. Пузанов работал с А.Д. Некрасовым в

Горьковском университете (ныне Нижегородский), где Алексей Дмитриевич с 1928 года заведовал кафедрой зоологии.

Хотелось узнать как можно больше об этом ученом. Поисковые системы Интернета смогли выдать только некоторые библиографические данные научных работ А.Д. Некрасова. Архивы давали краткие научные биографические данные: А.Д. Некрасов (1874-1960) – зоолог, эмбриолог и историк биологии, профессор, в 1900 г. окончил Московский университет, а с 1905 г. преподавал в нем. И вот судьба преподносит подарок. Архив и мемуары А.Д. Некрасова, учителя и соратника Пузанова в науке, в 2013 году передает в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеке МГУ внучка Алексея Дмитриевича Е.В. Павлова (филолог, к.филол.н, заведовала изофондами ГМП).

Хронологические рамки мемуарных произведений, в которых отразились не только судьбы самих авторов, но и многие события жизни Московского университета и России, начинаются в 90-е годы XIX века и заканчиваются в 60-е годы XX века. Специфическая особенность этих мемуаров заключается в том, что ученые, отражая общественную жизнь определенной эпохи, выступают не только как современники, но и как представители своей профессии, дают научную интерпретацию и оценку событий.

Тарумова Наталья Тимофеевна

ведущий программист НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова

* * *

А.В. Уланова, М.И. Алехин(Москва)

Воспоминания о Первой мировой войне старшего врача 221 пехотного Рославльского полка Тихона Фаддеева

Рукопись «Воспоминания о войне. 1914 – 1915 годы» была обнаружена в личном фонде Т.Д. Фаддеева (1879 – 1942) Российского государственного архива литературы и искусства.^[27] Тихон Фаддеев блестяще окончил Императорский Московский университет по двум факультетам – физико-математическому (1903 г.) и медицинскому (1907 г.)^[28]. После получения степени лекаря выбрал для себя военно-медицинскую службу.^[29] Одновременно с медицинской практикой Фаддеев занимался научной

работой. В 1913 г. вышел в свет его труд «Школьная педагогика», посвященный памяти профессора Московского университета Петра Ивановича Дьяконова. Состоящая из двух книг («Психология» и «Социология»), «Школьная педагогика» была издана в Москве в типографии Штаба Московского военного округа и оказалась единственной опубликованной работой ученого-медика. Третья книга «Школьной педагогике» («Средняя школа» 1914) осталась неизданной и хранится в архивном фонде вместе с другими исследованиями, статьями, поэмами, пьесами «Любовь и душа» и «Пустынник», а также либретто для оперы «Богиня», раскрывающими разностороннюю одаренность Тихона Фаддеева.

«Воспоминания о войне. 1914 – 1915 годы» – довольно объемный источник в 170 листов (340 с.) формата А 5. Рукопись не датирована, но по характеру почерка видно, что «Воспоминания» записывались постепенно, частями, иногда оставляя место для последующих вставок-уточнений в текст. Исследовательский интерес к «Воспоминаниям» Фаддеева был привлечен, прежде всего, личностью автора как военного медика, непосредственно участвовавшего в боевых действиях. В мемуарах врача затрагиваются общечеловеческие проблемы в жестоких условиях войны. Он видит рядом с собой солдат и офицеров, которые для него, как представителя Красного Креста, прежде всего живые люди, исполняющие свой долг. Военные операции неизбежно проходят сквозной линией через все воспоминания Тихона Фаддеева. Но главным в рукописи становятся размышления об истоках мужества и причинах сдачи в плен, о талантливых и бездарных командирах, об отношении к пленным, о коллегах-врачах, о невыносимых лишениях военного времени, которые можно было избежать, работой интендантская служба лучше, и о многом другом. Важны и интересны сведения о работе по формированию санитарной части, организации медицинской помощи военным и мирному населению, подготовке ротных санитаров, которую осуществлял в полку Т. Фаддеев. Помогали ему в этом сослуживцы, в числе которых оказался педагог Московского университета, автор учебника политэкономии, философ и врач-психиатр Александр Богданов^[30] в должности младшего врача и студент Лазаревского института восточных языков Бабанов^[31] – прапорщик-пулеметчик. «Идея есть способ организации действия», – говорил А. Богданов. Идея гуманизма и профессиональный долг подвигали военных медиков к необходимым действиям в трудных условиях Великой войны. Обо всем этом рассказал в своих воспоминаниях коллежский асессор, старший врач 221 пехотного Рославльского полка Тихон Дмитриевич Фаддеев. В год столетия начала Первой мировой войны знаменательно ввести в научный оборот этот по-своему уникальный, но ранее не востребованный исторический источник.

Алехин Михаил Игоревич – студент IV курса РНИМУ им. Н.И. Пирогова

* * *

И.С. Урюпин (Елец)

«МАРГИНАЛЬНЫЕ» ЖАНРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

В творческом наследии М.А. Булгакова, чрезвычайно разнообразном в идейно-тематическом, эстетико-функциональном и модально-содержательном плане, особое место занимают произведения, имеющие «переходную» жанровую природу, интермедийную по своей сущности. Интермедийный культурный код булгаковских текстов, вбирающий в себя и художественно синтезирующий разные виды искусства с их специфическим ракурсом миропознания, проявился не только в «диффузии» литературных родов (эпоса и драмы) в пределах традиционных жанров романа, повести и рассказа, но и – прежде всего – в синкретической поэтике инсценировки, либретто и киносценария, которые сами по себе оказываются на грани литературы и театра / кино, а потому «маргинальны» по отношению к тому и другому искусству. «Маргинальность» инсценировки, либретто и киносценария очень хорошо осознавалась и самим писателем, вынужденно обратившимся к этим жанрам в силу сложившихся биографических и политических обстоятельств, но, вопреки этим обстоятельствам, на «периферии» собственного – «главного» – творчества художник в полной мере проявил свой литературный талант.

Булгаковские инсценировки мировой классики («Мертвых душ» Н.В. Гоголя, «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Дон Кихота» М. Сервантеса), чрезвычайно близкие по стилистике и пафосу к оригиналу, вместе с тем представляют собой вполне самостоятельные произведения с отчетливо выраженной авторской модальностью и комплексом характерных для всего творчества писателя мотивов и сюжетных ходов. Метатекстуальная поэтологическая парадигма творчества М.А. Булгакова скрепляет воедино все произведения художника, основные (романы, повести, рассказы, драмы) и периферийные (в том числе в эпическом роде – фельетоны и очерки), «подлинные» и «вымученные» (по терминологии самого писателя), а также те, которые находятся одновременно в двух эстетических пространствах /

полях – театрально-музыкальном и театрально-литературном. Это оперные либретто. В них драматургическая поэтика органично сочетается с «динамизмом музыкального бытия» (А.Ф. Лосев), что в конце концов определяет структуру, лейтмотивы и семантические доминанты текстовой «партитуры» либретто как «мезожанра». Особенность булгаковских либретто состоит в том, что часть из них («Минин и Пожарский», «Петр Великий», в некоторой степени «Черное море») тяготеет к «историческим картинам» с присущим им эпическим размахом и лиро-эпической тональностью, а часть («Рашель») – к «новеллистическому» канону с точной психологической нюансировкой. Вместе с тем оперные либретто, будучи на границе изящной словесности, музыки и театра, свободно контаминируют и конвергируют символы, коды и шифры смежных искусств, актуализируя чрезвычайно широкий реминисцентно-аллюзийный культурный фон, который становится самодовлеющим в еще одном освоенном писателем «маргинальном» жанре – киносценарии. «Необычайное происшествие, или Ревизор» – это больше, чем «сценарий», поскольку булгаковская трансформация гоголевского текста преодолевает как жанровый канон комедии, инсценировки (*инсценировки инсценировки*), так и литературы вообще, становясь фактом принципиально иного вида / рода искусства, «медийного» по своей сути: кино, театр и литература дают новый синтез, интуитивно прочувствованный художником, но рационально еще не освоенный им. А потому киносценарий оказался в творчестве М.А. Булгакова маргинальным «в квадрате».

«Маргинальные» жанры в художественном наследии М.А. Булгакова, еще не получившие системного изучения, обладают мощной культурной суггестивностью, которую еще предстоит осмыслить в эстетико-онтологическом ракурсе.

Урюпин Игорь Сергеевич, д. филол. н.

Зав. кафедрой русской литературы XX века и зарубежной литературы

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

* * *

Н.А. Фатеева(Москва)

ЧТО ВХОДИТ В ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ?

Известны выпуски под названием «Лингвистика креатива», изданные в Екатеринбурге под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной (2009, 2012, 2013). В них языковая креативность изучается с разных точек зрения и в разных дискурсах (детская речь, литература для детей, рекламный дискурс, Интернет-общение, художественная речь и др.). Однако в целом в рамках данной научной школы языковая креативность в первую очередь связывается с понятием языковой игры и ее различными кодами (фонетическим, графическим, мотивационным, словотворческим, семантическим и грамматическим). Сама Т.А. Гридина вводит понятие *игровой трансформы* или *игремы* как единицы лингвокреативности, основывающейся на языковой игре. При этом она объясняет, что предпочитает использовать именно эти термины, а не термины *людема* (от лат. *ludus* «игра») и *креатема* (В.П. Григорьев), так как они «мотивационно прозрачные в плане их содержательной наполняемости и соотносительные именно с *игровым* креативным дискурсом (преднамеренной интенцией к использованию кода языковой игры)» (Лингвистика креатива-2, Екатеринбург, 2012, с. 273). Таким образом, языковая игра рассматривается как основная форма лингвокреативного мышления. При этом отмечается, что основным полем лингвокреативности является художественный текст, который выступает как «некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование)» (Там же, с.272).

Языковая креативность в разных ее проявлениях активно изучается за рубежом, но прежде всего в разговорной речи (ср., например, Ronald Carter: *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. Routledge, London 2004). В России проблема лингвокреативной деятельности говорящего рассмотрена также в монографии Е.Н. Ремчуковой «Креативный потенциал русской грамматики» (М., 2011), однако в ней автор преимущественно сосредоточивается на исследовании нехудожественной речи (разговорной, научно-публицистической, газетно-публицистической).

В нашем докладе мы хотим рассмотреть явление и проявление языковой креативности именно в художественных текстах, прежде всего поэтических, при этом мы в первую очередь связываем креативность с когнитивным потенциалом, заложенным в языке. Многие ученые, занимающиеся лингвистической поэтикой (Р. Якобсон, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, В.П. Григорьев и др.), отмечали, что поэзия всегда связана с созданием небывалых языковых средств, которые «не даны непосредственно наличной традицией и вводятся как нечто совершенно новое в общий запас возможностей языкового выражения» (Г.О. Винокур. Маяковский — новатор языка. М., 1943). В связи с этим особый интерес представляют потенциально подвижные зоны поэтического языка, определяющие динамику его инноваций. Прежде всего, это словообразование, грамматическая и

лексическая сферы языка, где языковые инновации и девиации заставляют адресата сообщения разрешать причины выбора поэтом именно особого, неконвенционального, а не какого-либо иного способа выражения, открывающего новые пути смыслообразования. Последнее связано с установкой поэтического языка на мотивированность всех типов девиаций (звуковых, графических, словообразовательных, грамматических, лексическо-семантических), поскольку в нем существует презумпция разрешения всех лингвистических аномалий. Девиантность в поэзии почти всегда является осознанным авторским приемом и относится к метаязыковым явлениям: все введенные поэтом словообразовательные, грамматические, лексико-семантические и другие трансформации работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую, а также на создание новых нетривиальных смыслов. Последнее и определяет креативный характер поэтических девиаций, которые в итоге становятся языковыми инновациями.

Фатеева Наталья Александровна

д. ф. н., в. н. с. ИРЯ РАН

* * *

Л.Л. Федорова(Москва)

Два «мемориальных проекта»: Вера Прохорова «Четыре друга на фоне столетия» (проект Игоря Оболенского) и «Бриттен» (К столетию со дня рождения Бенджамина Бриттена): к характеристике жанра

В центре внимания две книги, каждая по-своему освещающая культурную, и в частности музыкальную, жизнь прошедшего столетия, – два, как теперь говорится, «проекта», которые представляют мемориальный жанр в несколько нетрадиционном преломлении.

Первая уже на обложке обозначена как «Сенсационный проект Игоря Оболенского», вторая – скромно в библиографическом описании отмечена как «сборник», но по замыслу и воплощению представляет собой не менее оригинальный проект издательского дома «Рудомино». Обе книги отличаются от традиционных мемуаров – как по наполнению, так и по исполнению.

Хотелось бы остановиться на некоторых структурных особенностях этого поджанра, который мы обозначили как «мемориальный проект».

1. «Проект»

Прежде всего, отметим ставшее уже привычным употребление слова «проект» в значении осуществленного (или осуществляемого) мероприятия. Ранее привычным значением было ‘план чего-то, что только намечено к исполнению’. Подобное употребление характеризуется Л. Крысиным как вторичное заимствование, т.е. слово давно освоенное как бы заново заимствовано в новом значении, развившемся в языке-источнике. Это значение пока отсутствует в словарях.

2. Участники

В проекте-произведении участвуют 1-2-3 лица, которые по отношению к тексту выступают как: 1) автор проекта – издатель, составитель, литератор, 2) автор-свидетель, 3) герой. В плане семиотической и психологической значимости персонажей произведения порядок инвертирован: 1) герой, памяти которого посвящен текст, 2) рассказчик-свидетель, очевидец событий, 3) автор-составитель текста или проекта. В каждой позиции в принципе возможно не единственное лицо; важно, что они распределены по ролям примерно как «первый, второй и третий человек» в одноименной книге А. Григоряна. Т.е. первый человек – тот гений, герой, о котором свидетельствует второй, находящийся в тени первого – друг и соучастник событий, по сути автор, а третий – посредник, связующий с миром, доводящий до сведения читателей личное знание и толкование второго. Если цель мемориальной литературы в известном смысле создать «рукотворный» памятник, то третий является таким строителем или художественным проводником.

Две рассматриваемые книги устроены очень по-разному в заполнении этих позиций.

Третий человек в книге Прохоровой – журналист и писатель Игорь Оболенский – заявлен на обложке, на которой вообще есть много всего: Вера Прохорова (автор), Четыре друга на фоне столетия (название). Рихтер, Пастернак, Булгаков, Нагибин и их жены (герои). Мемуары в письмах и воспоминаниях (жанр). Кроме того, большая и очень живая, неформальная фотография юной Веры Прохоровой и четыре, скорее официальные, маленькие портретные карточки героев.

Книга «Бриттен», напротив, очень скупа в знаках: заголовок белыми буквами БРИТТЕН поверх темного английского BRITTEN на фоне фотографии рук на клавишах – и все. «Третий человек» почти анонимен, его надо вычислять по обороту титула, это составитель сборника и переводчик большей части включенных материалов Анна Генина, но также и другие

переводчики и участники проекта, и директор БИЛ Екатерина Гениева, организовавшая совместно с Британским Советом это издание – первую книгу задуманной серии «Память» о людях, являющихся как бы живыми мостами между культурами.

«Второй человек» в книге Веры Прохоровой – она сама, автор воспоминаний, хотя присутствуют в тексте и письма других персонажей. Второй человек в книге «Бриттен» множествен. Это ученик Б. Бриттена английский композитор Дэвид Мэтьюз, автор биографической книги о нем – первой части сборника, это авторы писем – и прежде всего сам Б. Бриттен в переписке с русскими музыкантами: М. Ростроповичем, С. Рихтером, Д. Шостаковичем, Н. Дорлиак. Г. Вишневской, и автор дневника Питер Пирс, ближайший друг и исполнитель Бриттена (фрагмент дневника посвящен их путешествию в Россию и Армению), а также авторы очерков: дирижер Геннадий Рождественский, музыковед Людмила Ковнацкая.

«Первый человек» в книге В. Прохоровой как будто множествен (героев заявлено четверо, и о каждом своя история), но главный, конечно, один – Святослав Рихтер. Интересно, что две такие разные книги сходятся в этом лице, представляющем музыку, Россию, время.

Нетрадиционность этих книг – уже в такой расстановке действующих лиц, что и делает их «проектами» (в традиционных мемуарах автор является обычно героем и не нуждается в «третьем лице»-проводнике).

3. Время

Конечно, важнейшим участником книг, а не просто фоном, является прошедшее столетие – события и сам дух времени и места, стихийно и естественно воссоздаваемый воспоминаниями, документами, фотографиями. И кроме того время фиксировано в датах – в книге Прохоровой обозначенных в «Линии жизни» персонажа в начале каждой истории, а в книге «Бриттен» вынесенных в конце биографии в «Хронологию жизни и творчества Бенджамина Бриттена в контексте мировой истории и культуры XX в.». Этот раздел составлен Д. Мэтьюзом и включает, помимо числовых (год и возраст героя), три параллельных колонки: жизнь и творчество Бенджамина Бриттена, исторические события, события культурной жизни. Год рождения Бриттена, 1913, отмечен в этой хронологии историческими событиями: «В США президентом становится В. Вильсон. В Греции убит король Георг I» и культурными событиями: «И. Стравинский «Весна священная»; Г. Аполлинер «Художники-кубисты», а год 1942, когда вернувшийся после гастролей в Америке Бриттен получает освобождение от военной службы по моральным убеждениям, – обозначен рядом событий в Японии, Сингапуре и Сталинградской битвой, а также культурным событием: «Ленинградской» симфонией Д. Шостаковича. Так даты частной жизни вплетается в суровую ткань века, в котором британским наблюдателем выделены как знаковые музыкальные и художественные события.

Обе книги представляют собой взгляд на прошедшее столетие с противоположных сторон железного занавеса, через преграду которого осуществлялось культурное общение, и они имеют огромную ценность непосредственных свидетельств о человеке и времени. Ценность тем более уникальную, что автор и рассказчик позволяют увидеть не официальную версию истории и официальные портреты героев времени, а живые судьбы. Вот как пишет об этом И. Оболенский: «Иногда я ловил себя на желании поправить Прохорову, мол, официально считается, что то, о чем она говорит, обстояло совсем по-другому. Но вовремя одергивал себя. В конце концов, я об этом читал в книге, а Прохорова видела своими глазами или, по меньшей мере, слышала от тех, кто видел. И потом, мы ведь не писали с ней учебник истории. Скорее, у нас получалась «книга судеб».» Это внимание и уважение к голосу живого свидетеля отличает авторов обоих проектов.

Отмеченные структурные особенности позволяют объединить оба издания под рубрикой «мемориальных проектов», состоявшихся как особый документально-художественный жанр.

Литература

Бриттен. М.: Изд. центр Рудомино, 2013.

А.Г. Григорян. Первый, второй и третий человек. М.:ЯСК., 2008.

В.И. Прохорова. Четыре друга на фоне столетия. Москва: АСТ, 2013.

Федорова Людмила Львовна

к. филол. н., доцент Ин-та лингвистики РГГУ

* * *

Хашимов Р.И.(Елец)

Идеи князя Трубецкого Н.С. и современность

Если извечные вопросы русского бытия «Что делать?» и «Кто виноват?» признать тактическими, призванными решать хронологически очерченные горизонты деятельности, то кардинальными, стратегическими для

менталитета и сущности русской нации остаются вопросы «Откуда есть пошла земля Русская» и «Какого мы роду-племени», которые обостряются в эпоху перелома, нового поиска своего места в мире и в историческом процессе. На переломе первого и второго тысячелетия восточные славяне нашли ответ при сближении с Византией и принятием христианства, когда были заложены основы православной цивилизации, которая объединила разрозненные племена в едином государстве – Киевской Руси. Использование в русских летописях слов *рязанцы*, *новгородцы* вместо этнонимов *вятичи*, *волыняне* свидетельствует о формировании единой восточнославянской идентичности и идентичности малой Родины. Возникает двухуровневая модель национального самосознания, ставшая доминантной для русского народа.

Второй момент этой эпохи связан с непростыми отношениями русского и соседних народов, которые представляли католический мир или мир народов лесостепной полосы от Карпат до Тихого океана. Ответом стало формирование евразийской цивилизации, истоки которой необходимо искать в древнерусском государстве и стержнем которой стали российская государственность, русская культура, идея особой роли (функции) русской нации в историческом процессе. Есть мнение, что «в русском народе осуществляется великий культурно-исторический синтез славянства, византизма и туранства» (Трофимов 2010: 147). Для формирования цивилизации одного этнического признака недостаточно, так как только общие духовные истоки, общее средство общения как орудие единения многих народов на громадном пространстве позволяют говорить о возникновении понятия **цивилизация**.

В XXI веке фразы «*Киев – мать русских городов*», «*Севастополь – город русской славы*» можно отнести к экстремистским, посчитать посягательством на «незалежность» Украины. Однако фигура умолчания фактов общей истории народов не проливает свет на дружбу и взаимопонимание. Антиномия «свой/чужой» в государственной политике, в воззрениях славянофилов и западников XIX века, современных государственных и неолибералов, коренных жителей и «пришлых», особенно в лице мигрантов, всегда имела место не только в русле политических, экономических, военных деяний, но и в сфере культуры, которую, при всем желании, нельзя разделить границами.

Представление о том, что Россия должна придерживаться общей с Западом исторической траектории, стало доминантной идеей, которая возникла в петровскую эпоху и продолжается до сих пор. Эта идея, по мысли Н.С.Трубецкого, могла укорениться только в случае отторжения России от своего туранского происхождения, когда при европеизации России началось ожесточенное гонение «на все исконно русское», «духовное засилье

европейской идеи» (Трубецкой 1995а: 161). Еще в 20-х годах прошлого столетия Н.С.Трубецкой говорил, что люди, следуя за «общечеловеческими» ценностями, «должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов» (Трубецкой 1995б: 65).

Литература

- Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. – 408 с.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995а. – С. 141-161.
- Трубецкой, Н.С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995б. – С. 55-109.

Хашимов Рахим Ибрагимович – д. филол. н.

проф. кафедры теории и истории русского языка

Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

* * *

С.Ф. Членова(Москва)

Художественная критика как симбиоз науки и искусства

Вопрос о природе художественной критики рассматривается через призму работ Нины Дмитриевой, известного теоретика, критика историка искусства. Среди универсальных ученых в области искусствознания второй половины XX века, (М.Алпатов, А.Чегодаев, Г. Недошивин, Д. Сарабьянов) Дмитриева общепризнанно выделяется «художественностью» своих работ. Эта характеристика относится, с одной стороны, к её исследовательскому методу («оставаясь блестящим аналитиком, Дмитриева умела, как никто другой, художественно анализировать художественные произведения»^[32]), с другой, – к её текстам («...обладают обаянием художественной прозы, когда в каждом суждении чувствуется присутствие личности автора»)^[33].

Каковы у Дмитриевой метод, задача, отношение к материалу, адресату? Каков стиль её текстов?

А.А. Каменский определяет её метод как «синтетический». В её анализе нет того, что лежит в основе многих работ — поговорить сначала о «сюжете и идее», потом перейти к «художественным особенностям». Произведение искусства для неё не есть «содержание» плюс «форма», а

нечто органическое, неделимое. Она считает, что надо как можно пристальнее всматриваться, вдумываться в само произведение как оно есть, как оно создано художником,— и тогда оно само заговорит, расскажет многое, и не только о себе, а и об источниках жизни, его питавших^[34].

Она видела в произведениях художника отклик живых страстей и мыслей времени, историческую и эмоциональную ситуацию, из которой выросли картина, здания, скульптура. Когда она пишет о художнике (а её героями в первую очередь были Пикассо, Ван Гог, Врубель), сливая воедино стихию жизни и стихию искусства, трудно выделить, о чем именно идёт речь – о жизни эпохи, биографии мастера, о произведениях. Она говорит обо всем взятом вместе и нераздельно. Ощущение эпохи и трактовка порожденного ею искусства связаны, они оказались почвой и научной глубины и художественной силой текста.

Как сверхзадачу Дмитриевой, наверное, можно было бы обозначить постижение духовной сути времени. Такие задачи, как разыскания и уточнения «судеб» произведения, данных по поводу его литературных, иконографических и прочих источников, того, что часто относят к науке, её изначально не привлекали. Она стала осознавать это рано, как свидетельствуют о том записи в её неизданных дневниках.

Дмитриева оспаривала тезис, что для критика-искусствоведа^[35] «произведение искусства является альфой и омегой, началом и, в некотором смысле, целью всех его операций». Она полагает, что, наряду с таким подходом к материалу, не возбраняется и иной – у критика-искусствоведа такая же мера независимости по отношению к своему материалу, и такое же право на его интерпретацию, какие есть у художника. Пользуясь искусством, как материалом, наиболее ему близким, критик, подобно художнику, может выстроить свою «картину мира».

Дмитриева считала, что, как всякий пишущий человек, критик пишет для читателей, адресатом его текстов может оказаться любой – и другой критик, и художник, и любитель искусства, и человек, в нём не искушённый. Видимо, в том числе, и потому у неё отсутствует специальная терминология (зашифрованный «птичий» язык для посвященных^[36]). В работах Дмитриевой убеждает и увлекает сам ход её суждений. Последовательности и убедительности логической аргументации соответствует ясный, неусложнённый синтаксис, точность словоупотребления. Ей казалось важным лишь, чтобы мысли излагались адекватно (здесь и далее курсив мой – С.Ч.), то есть, так, как они возникли у автора и как автору свойственно: «Наше личное слово, хотя бы и не громкое, – наше достоинство»^[37].

Если же автор будет нарочито приспособлять содержание и способ изложения к одной определенной категории читателей, он, во-первых, заведомо ограничит возможности отклика со стороны других читателей, а во-

вторых, пострадает *естественность высказывания*: появится оттенок притворства»^[38].

Членова Светлана Фёдоровна

НИВЦ МГУ, член Ассоциации искусствоведов

* * *

И.А. Шаронов(Москва)

УБЕЖДАТЬ И КЛЯТЬСЯ

Убеждение, уверение собеседника в чем-либо обычно проводится на основе логических операций, риторических приемов и эмоционального воздействия. Рационально *убеждают*, а при недостаточности рациональных оснований, говорящего пытаются *уверить* в чем-л., используя, в частности, такие социальные инструменты как авторитет и личная ответственность говорящего за истинность сообщения или правильность отношения к чему-л.

Речевой акт уверения и клятвы может вводиться целым рядом вводных субъективно-модальных конструкций, содержащих соответствующее иллокутивное значение (см. об этом подробнее в: Падучева 2011). Единицы типа *Честное слово; Богом клянусь; Даю руку на отсечение* и т.п. указывают на то, что последующим высказыванием говорящий не просто сообщает, а пытается уверить собеседника в своей искренности и истинности того, о чем говорит. Иллокутивное значение реплики говорящего с такими вводными легко проявляется при переводе данной реплики в косвенную речь.

«Ей-Богу, впервые об этом слышу!» – сказал Петя. => Петя уверял, что слышит об этом впервые.

В Большом толковом словаре КЛЯТВА определяется как 'Торжественное уверение в чём-л., обещание, подкреплённое упоминанием чего-л. священного для того, кто уверяет, обещает'. Указание в толковании на что-л. «священное» неслучайно, поскольку прототипический ритуал клятвы предполагает готовность к той или иной жертве в случае нарушения клятвы говорящим. Во многих формулах клятвы сохранились элементы «жертвоприношений»: рука, зуб, свобода, сама жизнь человека. В других формулах в качестве свидетеля и потенциального судьи призывается Бог. Экспрессивные синонимы глагола *уверить* – *ручаться* и *божиться* –

построены не на основе слов *рука* и *Бог*. Эти делокутивные, или отфразовые глаголы (см. Бенвенист 1974) произошли соответственно от реплики: «Даю руку на отсечение» и реплики «Клянусь Богом!» или ее аналогов, содержащих слово *Бог* в качестве гаранта истинности утверждения или обещания.

В целом семантика вводных оборотов со значением уверения и клятвы приблизительно одна, а самих таких оборотов довольно много: *Честное слово; (Богом) клянусь; Даю руку на отсечение, Ей-Богу; Убей меня Бог; Видит Бог; Ей-ей, Вот те/тебе крест; Правда!, Точно тебе говорю!, Да провалиться мне на этом месте, Да чтоб я сдох!, Век свободы не видать, Зуб даю!, С места мне не сойти!* и т. д.

Даже если исключить в качестве причин такого многообразия некоторые чисто стилистические различия между единицами, остается вопрос о необходимости для языка столь большого количества единиц. К вышедшим из употребления стоит отнести только не включенную в данный выше список единицу как *Как Бог свят!* примеры которого, по данным НКРЯ, сохранились лишь в текстах XIX века.

Причины сохранения в языке большого разнообразия вводных усматриваются в неявной распределенности единиц по ситуациям их употребления, которые можно выявить при детальном анализе представительной базы данных (см. об этом Шаронов 2012). В докладе на материале примеров, собранных в НКРЯ, будет предложено описание формулы *Видит Бог*, которая наиболее часто используется в следующих значениях:

1. Уверение в истинности чего-л. на основе личного опыта.
2. Уверение в искренности чувств, оценок, намерений.
3. Уверение в отсутствии тайных мотивов, стремлений, которые приписывают кому-л. на основе каких-л. событий.

Литература

Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Делокутивные глаголы // *Общая лингвистика*. Глава XXVI М., 1974.

Падучева 2011 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика нарратива. М., 2011.

Шаронов 2012 – И.А. Шаронов. Зачем и в чем мы признаемся: анализ вводных слов со значением признания // *Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сб. науч. ст. / III Международные филологические чтения им. проф. Р.Т. Гриб (1928-1995)*. Красноярск, 2012. - Вып.3 (12). С. 101-106.

* * *

А.Д. Шмелев(Москва)

Ошибка или семантический сдвиг?

В докладе рассматривается «неправильное» (т. е. не соответствующее церковнославянской норме) использование церковнославянизмов в современной русской речи и исследован вопрос о квалификации соответствующих явлений. Во многих случаях поборники чистоты речи считают соответствующие употребления выходящими за пределы строгой литературной нормы (*довлеть*); но можно упомянуть и примеры, когда «новые» значения признаются современными словарями в качестве нормативных. Так, в «Словаре русского языка», изданном Академией наук в 1981-84, у слова *куща* выделяется значение ‘листва крона дерева (деревьев)’, а (единственное) значение слова *оглашенный* толкуется как ‘ведущий себя бессмысленно, бестолково, шумно’ с пометой «просторечное» (указанные значения иллюстрируются в словаре примерами из писателей XIX века: Михаила Лермонтова, Александра Островского и Николая Некрасова). Слово *столпотворение* в соответствии с толкованием того же словаря означает ‘сутолока, суматоха, неразбериха’, а о библейской истории строительства вавилонской башни словарь даже не вспоминает. Именное церковнославянское сочетание *всякое даяние благо* ‘всякое доброе даяние’ в текстах на русском языке чаще всего осмысляется как самостоятельное изречение, означающее ‘дали что-то – и хорошо’ (нечто вроде ‘даренному коню в зубы не смотрят’), напр.: *Всякое даяние — благо, 5 рублей соберёте и то — подай сюда!* [Максим Горький]; *Мы люди маленькие, нам всякое даяние — благо...* [Александр Куприн]. В некоторых случаях изменяется грамматическая интерпретация языковой единицы (*святая святых, преисподняя*). Наконец, имеют место случаи «неправильного» осмысления (или переосмысления) единицы, имевшие место уже в церковнославянском (*смирение*). В докладе формулируются рекомендации относительно того, как следует характеризовать явления такого рода при кодификации норм русского литературного языка.

* * *

Е.Я. Шмелева(Москва)

Сложные слова в Интернет-коммуникации

При анализе Интернет-коммуникации обращает на себя внимание большое количество сложных слов, как зафиксированных словарями русского языка, так и не отмечавшихся ранее. Целый ряд сложных слов, которые воспринимаются как новообразования, – это окказионализмы или авторские неологизмы, которые неожиданно стали массово употребляться в блогах и социальных сетях. Это такие слова, как *общечеловеки* (Федор Достоевский), *(не)рукопожатный / (не)рукоподаваемый* (Лидия Чуковская? Евгения Альбац? Лев Щаранский?) и др. Есть также слова, которые воспринимаются как новые и необычные, вследствие изменения сочетаемости, напр.: *смыслорождающие люди* (ср. *смыслорождающие механизмы, системы*). В докладе рассматриваются слова, образованные с помощью разных способов словообразования:

- 1) сложносуффиксальным способом (*ничегонезначащий*);
- 2) словосложением
(*договороспособный, путиноприглашаемый, интеллигентно-рукопожатно-креативный*);
- 3) сращением (*изряднопорядочный*).

Отдельно рассматриваются слова, образованные необычным образом, напр.: *неполживый* от *жить не по лжи* (ср. также встречающееся в Интернете прилагательное *живущийнеполжи*) и «очень сложные» слова (*нежидоручкоподаваемый*). Отмечается также ряд активно используемых префиксоидов (*говно*, ср. *говнослесарь, говноязик* и т. п.).

* * *

И.О. Щедрина(Москва)

Дневник как эпистемологическое основание исторического исследования («История историка» А.Я. Гуревича)^[39]

Арон Яковлевич Гуревич известен своими многочисленными работами, посвященными анализу средневековой культуры, средневековых текстов и – в частности – анализу проявления авторской индивидуальности в тексте. При этом, особый интерес вызывал у него феномен открытости автора, т. е. явное присутствие личности автора в тексте литературного или литературно-мемуарного произведения. Этот интерес проявляется не только в исторических исследованиях Гуревича, но и в его автобиографическом тексте «История историка», где он, проецируя феномен открытости автора на себя самого, фактически, осмысливает этот феномен как одно из важных условий объективности исторического исследования. Открытость автора рассматривается не только как предмет исторического анализа, но в эпистемологическом измерении. Маргинальное, казалось бы, для исторического исследования обстоятельство – личный дневник исследователя – обретает роль одного из эпистемологических оснований исторической науки. Сама «История историка» приобретает отнюдь не только личностное значение, но является продолжением поиска оснований объективистского взгляда на историю. В этой связи отмечу важную особенность исследовательской работы Арона Яковлевича, которая проявляется в его мемуарах. В 1973 году он пишет первый вариант «Истории историка» и в книге 2004 года приводит отрывки своих размышлений, написанных в 80-е годы.

Автобиографический текст становится для ученого попыткой выявить основания, зафиксировать свою субъективность, свою историчность – и тем самым, свою индивидуальность. В работе «Индивид и социум на средневековом Западе» Гуревич пишет: «...на каком-то этапе работы я, разбирая вопрос о личности на средневековом Западе, испытал потребность написать некий автобиографический этюд. Я стремился дать себе отчет о собственном пройденном пути историка, охватывающем не менее полу столетия <...> Я размышлял уже не о личности средневекового человека, столь же изменчивой, сколь и проблематичной, но о чем-то,

казалось бы, непреложном – моем собственном Я. Сюжеты различные, но отнюдь не лишённые внутренней связи. Ибо я попытался на самом себе поставить опыт, которому до этого подвергал людей, живших многие столетия тому назад. Материал, возможности проникновения в него и его осмысления кажутся несопоставимыми, и вместе с тем такого рода переключка не вовсе лишена смысла»^[40].

Историческое описание событий во многом субъективно, но, тем не менее, в этой субъективности непосредственно проявляется личность автора. И ещё больше – в попытке проанализировать собственный текст и свои же размышления над ним. Осмысливая саморефлексию автора, мы можем разглядеть сквозь прихотливый след его мысли, собственно, личность. «Это мои представления о том, – пишет Гуревич, – что происходило, мои оценки, они не могут не быть субъективными и лишёнными полноты: что-то запомнилось, а что-то отошло на задний план <...> Естественно, эти мемуары несут на себе отпечаток того лица, которое перед вами выступает, и того времени, когда это вспоминается»^[41].

Гуревич чувствует историзм своих взглядов, что и отразилось в его работах, в том числе и его параллелях жизни авторов прошлого и самого себя как ученого-исследователя. «Моя нынешняя работа протекает одновременно в двух планах – это попытка проникнуть в сознание человека, жившего много веков тому назад, и опыт восстановления собственной жизни, рассматриваемой в связи с общим развитием современной исторической мысли»^[42]. История становится для Гуревича таким произведением, где каждая личность оставляет свой неповторимый след – который можно увидеть среди множества точек зрения, теорий и интерпретаций. Его интересует историческое самораскрытие человека в литературном произведении, в том числе и литературно-мемуарном.

Щедрина Ирина Олеговна – магистрант ф-та философии ГАУГН
(Государственный Академический Университет
Гуманитарных Наук)semargel@mail.ru

* * *

Т. Г. Щедрина(Москва)

**Проблемы текстологии философских маргиналий
(опыт культурно-исторического исследования)^[43]**

Несмотря на то что основной корпус идейного (в том числе архивного) наследия русских философов опубликован (и в этом колоссальная заслуга

историков философии 1990-х гг.), в архивах остается еще масса документов, которые требуют особой археографической и текстологической работы (черновики, наброски, конспекты, письма). За рамками опубликованного осталось самое сложное – осмысление опубликованного текстуального массива не только как «прошлого», но и как философской современности, т.е. выявление проблемного комплекса русской философии как целостного феномена.

Однако в процессе такой работы возникают и свои сложности – в архивах остались маргинальные тексты-наброски, которые трудны для прочтения и интерпретации. Они не имеют ни начала, ни конца, и приниматься за них – дело очень трудоемкое и зачастую неблагодарное. Работа с маргинальными архивными текстами ставит перед нами новые вопросы: по каким текстологическим принципам публиковать историко-философские маргиналии; какие контексты должны стать приоритетными для их прочтения? И еще много проблем, которые выражаются не только в том, что требуется поднять огромный контекстуальный идейный материал (причем массив не только исторический, но и современный), но и в том, что принятые текстологические правила, заимствованные из текстологии филологических текстов, к историко-философскому исследованию маргиналий напрямую неприменимы. Все это влечет за собой необходимость переосмысления и пересмотра исследовательских подходов к архивному наследию русских философов. Сегодня эта область знания, действительно, требует нового, культурно-исторического прочтения. Это прочтение включает в себя не только тщательный философский анализ общих принципов, методов исследования архива, но, очевидно, не может не опираться на специфический исследовательский опыт работы с рукописями и предполагает знаково-символическую трактовку материала, с которым имеет дело исследователь и его историческое самосознание.

Методологическое исследование архива входит в мой круг научных и философских интересов. Десять лет назад я занялась исследованием архивов Густава Шпета, разбирала его семейный архив, расшифровывала его рукописи в библиотеках и государственных архивах. Постепенно в сферу моих интересов попадали архивы, прилегающие к творчеству Шпета, архивы других русских и зарубежных философов и ученых. Для меня центральным методологическим понятием стало понятие историко-философской (архивной) реконструкции, а центральной задачей – понимание философского смысла архивного текста маргиналий и доведение его до читателя.

Архивный текст и маргинальный архивный текст – это не одно и то же. В самом общем смысле любой текст – это прежде всего текст связный, образующий смысловое *целое*, а маргинальный архивный текст нельзя назвать самодовлеющим: это «не-текст», сам по себе он не имеет смысловой законченности и неразрывно связан с каким-то обширным целым, т.е.

является текстом лишь *потенциально*. Это особенно важно различать при историко-философском исследовании интеллектуального наследия русских мыслителей начала XX в., поскольку траектории их жизненных и интеллектуальных путей были прерваны насильственно, и в их архивах осталось много именно маргинальных текстов. Это тексты, не связанные напрямую с конкретным смысловым целым, но имеющие отношение к целостному направлению русской интеллектуальной традиции; к определению ее специфики, становящейся в то время, но так и не устоявшейся; к горизонту гуманитарных наук, что впоследствии проявилось в русских вариантах семиотики, структурализма, культурно-исторической психологии, в онтологическом повороте русской религиозной мысли, т.е. ко всему тому, что сегодня может быть по-настоящему востребовано мировой философией. Все это делает маргиналии русской философии начала XX в. чрезвычайно интересными для современных гуманитарных исследований и предполагает их историко-философскую реконструкцию. Если выбрать путь реконструкции, то на первый план выходит не издание дошедших текстов такими, какими их застаёт исследователь архива, но восстановление или техническое «доставление» смысла чернового документа.

Для исследователя, делающего сегодня выбор в пользу реконструктивной работы с рукописями, важен не только исторический контекст. Чтобы понять философский смысл черновика, необходимо ориентироваться в проблемном комплексе современных научных и философских дискуссий, а это значит, что важна интеллектуальная направленность историков философии, работающих с архивами на междисциплинарное исследование.

Татьяна Геннадьевна Щедрина
д. филос. н., профессор Московского педагогического государственного
университета (МПГУ)

* * *

И.В.Яковлева(Ульяновск)

К вопросу о славянском влиянии на семантику глаголов речемыслительного действия в языке идиш

1. Постановка задачи. Данное исследование посвящено славянскому влиянию на систему глаголов речемыслительного действия идиша. С точки зрения теоретической базы, исследование опирается на идеи грамматики конструкций в том виде, как они представлены в работах (Fried, Östman 2004;

Майсак, Рахилина 2007), а с точки зрения языкового материала – на данные словарей и языковых корпусов.

2. Система глаголов речемыслительного действия в идише. Наиболее частотным и многозначным глаголом речемыслительного действия в идише является глагол *redn* ('говорить'). В нашей статье мы будем опираться на структуру значений данного глагола, предложенных в «Русско-еврейском (идиш) словаре». Из выделенных в данном словаре значений этого глагола только три способны сочетаться с предлогами *vegn* ('о') и *fun* ('о'). Это значения 'говорить, разговаривать', 'сообщать' и 'свидетельствовать'. Интересно отметить, что два последних значения могут быть выделены и у его видового коррелята *zogn* ('сказать').

1) *Mir hobt geredt vegn undzere kinder.*

мы-NOM говорить-Past, 1, pl о наш-DAT, pl ребенок-DAT, pl

'Мы говорили о наших детях.'

2) *Der avtor funem artikl redt vegn der neyer tekhnik.*

DET-NOM, sg автор-NOM, sg PREP+DET-DAT, sg статья- DAT, sg говорить-PRES, sg о DET-DAT, sg новый- DAT, sg техника- DAT, sg

Автор статьи говорит о новой технике.

3) *Vegn vos zogt es undz?*

о что-DAT, sg сказать- PRES, sg это-NOM, sg мы- DAT

'О чем это нам говорит?'

Коррелят данного глагола в немецком языке *reden* 'говорить' уступает по частотности глаголу *sprechen* с тем же прототипическим значением. Значение 'свидетельствовать' отсутствует в семантической структуре глаголов *reden* 'говорить' и *sagen* 'сказать'. Оно реализуется у немецкого глагола *sprechen* 'говорить' только в конструкции с предлогом *für* 'для', который в немецком языке не способен вводить роль темы. В то же время семантическая структура славянских глаголов с базовым значением 'говорить' включает значение 'свидетельствовать'. Это глаголы *говорити* в украинском, *гаварыць* в белорусском и *mówić* в польском. Что касается русского языка, глаголу *говорить* посвящена статья А. Зализняк (Зализняк, 1991).

3. Ограничения на состав конструкций, инкорпорирующих глаголы речемыслительного действия. В идише валентность темы может вводиться двумя предлогами: *vegn* ('о') и *fun* ('о'), первый из которых не обладает пространственным значением, а второй сохранил свое базовое пространственное значение 'из, от'. Наиболее частотной и, соответственно, продуктивной становится конструкция с предлогом *vegn* ('о'). Именно в эту

конструкцию встраиваются глаголы *redn* и *zogn* в новом значении ‘свидетельствовать’. Что касается конструкции с предлогом *fun* (‘о’), нужно отметить, что она становится характерной для разговорной речи. Таким образом, глаголы речемыслительного действия в идише как бы распадаются на две группы: одни глаголы, такие как *meldn* (‘сообщать’), а также *redn* и *zogn* в значении ‘сообщать’, ‘свидетельствовать’ могут употребляться только в конструкции с предлогом *vegn* (‘о’), а другие глаголы, носящие более разговорный характер, например, *dertseyln* (‘рассказывать’), *shmuesn* (‘беседовать, разговаривать’) способны встраиваться как в конструкцию с предлогом *vegn* (‘о’), так и в конструкцию с предлогом *fun* (‘о’). В Корпусе языка идиш не найдено ни одного употребления глагола *meldn* (‘сообщать’) с предлогом *fun* (‘о’), в то же время в конструкции с предлогом *vegn* (‘о’) этот глагол встречается 17 раз.

4) *In tsvey sho hot men gemaldt vegn a nayer milkhome.*

через два час-pl приблизительно AUX объявить-Past, 1, sg человек-NOM, sg о DET новый-DAT, sg война-DAT, sg

‘Приблизительно через два часа объявили о новой войне.’

Для глаголов *redn* и *zogn* в значении ‘сообщать’, ‘свидетельствовать’ в Корпусе языка идиш также не найдено ни одного употребления с предлогом *fun* (‘о’). В то же время в значении ‘говорить, разговаривать’ и ‘сказать’ глаголы *redn* и *zogn* соответственно способны встраиваться в обе предложные конструкции. Что касается глагола *dertseyln* (‘рассказывать’), то он тяготеет к конструкции с предлогом *vegn* (‘о’), в корпусе насчитывается 426 таких контекстов наряду с 18 употреблениями с предлогом *fun* (‘о’).

5) *Me dertseylt vegn der ravnshul.*

кто-то-NOM рассказывать-PRES, 3, sg о DET-DAT молельный дом-DAT, sg ‘Говорят о молельном доме.’

6) *Dertseylt fun a kemferin.*

рассказать-IMP, pl о боец-DAT, sg

‘Расскажите о бойце.’

Глагол *shmuesn* (‘беседовать, разговаривать’) и его производные, такие, как *opshmuesn* (‘договориться’), напротив, тяготеют к конструкции с предлогом *fun* (‘о’). В корпусе найдено 106 таких употреблений наряду с 42 употреблениями с предлогом *vegn* (‘о’).

7) *Zey hobn geshmuest vegn oyfshteln Irushlim a muzey.*

они-NOM AUX беседовать-PAST о возводить-INF в Иерусалим-DAT DET музей-ACC

‘Они беседовали о возведении в Иерусалиме музея.’

8) *Shoyn opgeshmuest fun dem, vos eynike tuer zaynen farblibn in Kiev.*

уже проговорить-PART о то-DAT что единственный деятель-NOM, sg AUX остаться-PAST в Киев-DAT

‘Уже проговорено, что единственный деятель остался в Киеве.’

Подобное стилистическое противопоставление не характерно для немецких конструкций с предлогами *über* ‘о’ и *von* ‘о’, вводящими семантическую роль темы. Напротив, в славянских языках, в частности, в русском, также присутствует подобное противопоставление в системе глаголов речемыслительного действия. Некоторые глаголы, такие, как *свидетельствовать*, действительно способны встраиваться только в конструкцию с предлогом *о*, в то время как глаголы, характерные для разговорной речи, такие, как *болтать*, могут употребляться как в конструкции с предлогом *о*, так и в конструкции с предлогом *про* (Дубровина 2007).

4. Заключение. Представленный анализ семантики и сочетаемости глаголов речемыслительного действия в идише свидетельствует о том, что данная семантическая область испытала в целом значительное влияние славянской модели. Наше исследование позволяет предположить, что закономерности, наблюдающиеся в ходе семантических заимствований в пределах той или иной лексической области, согласуются с принципами, управляющими заимствованиями на уровне морфологии, которые были выделены в работе (Talmy, 1982).

Библиография

Дубровина, И.В. Семантика конструкций говорить о и говорить про, *Научно-техническая информация*. Сер. 2, 2007, №4, с. 17-21.

Зализняк, Анна. А. Словарная статья глагола «ГОВОРИТЬ», *Семиотика и информатика*, 1991, вып. 32, с. 71-83.

Майсак, Т. А, Рахилина, Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.

Русско - еврейский (идиш) словарь / Ред.: М. А. Шапиро, И. Г. Спивак, М. Я. Шульман, 1989.

Fried, M., Östman, J.-O. "Construction grammar: a thumbnail sketch" in *Construction grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam / Philadelphia, PA: Benjamins, 2004.

Talmy, L. "Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic" in: *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1982, pp. 231-250.

* * * *

^[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00128 «Юмор в допетровской Руси: акт – текст – феномен культуры».

^[2] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-03-00605 "Интенциональные характеристики идеологического дискурса".

^[3] *Полудье* — ежегодный объезд князя со своей дружиной подвластных земель, с целью сбора дани, практиковавшийся на Руси в IX-XII веках. Продолжалось с ноября по апрель (прим. ред.).

^[4] Доклад подготовлен в рамках проекта «Создание Интернет-ресурса "Малые языки Сибири: наше культурное наследие" (на материале языков бассейна Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РГНФ 12-04-12049в,

^[5] С Тама-ирой были знакомы и о нем писали Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы: работавшие на Турухане в Яновстанской инородческой школе в 1925-1928 гг. (см. Прокофьев Дневник 1925; Прокофьева

^[6] Рассказ записан по-селькупски (правда, с большим количеством переключений на русский язык) в пос. Красноселькуп, районном центре Ямало-Ненецкого АО летом 2013 г. Мы приводим здесь его русский перевод.

^[7] Правый приток р. Таз.

^[8] О семиотической концептуализации человеческого тела и телесности см. подробно, например, в Крейдлин 2010; Крейдлин, Переверзева 2014.

^[9] Лезюрк. Из уголовных дел Франции. (1796—1851) (Случай судебной ошибки)» (1861. № 4); «Мадам Лафарж. Из уголовных дел Франции» (1861. № 5); «Каролина английская и Бергами (процесс 1820 г.)» (1861. № 7); «Мадам Лакост» (1861. № 10); 5) «Таинственное убийство. Из уголовных дел Франции 1840 г.» (1862. № 1); «Убийцы Пешара». (Французское уголовное дело 1857—1858 гг.)» (1862. № 2), Последний очерк в «Эпохе»: «Госпожа де Прален (процесс 1847 г.)» (1864, № 1—2), Уголовное дело в «Политическом обозрении» (1862, № 8).

^[10] «Мадам Лафарж. Из уголовных дел Франции» (1861. № 50), Мадам Лакост» (1861. № 10); 5) «Таинственное убийство. Из уголовных; дел Франции 1840 г.» (1862. № 1) и др.

^[11] Впрочем, как полагает Н.В. Перцов, которому я благодарен за предварительное обсуждение этих тезисов, – «нужны разные, синонимические способы отображения рукописи».

^[12] Например, светлым курсивом – так делается, по крайней мере, при издании рукописей «Котлована» Платонова (2000) или «Тихого Дона» Шолохова (2011).

^[13] Хотелось бы только еще пожелать друзьям-компьютерщикам – доработать соответствующие программы, чтобы филолог получил возможность избирательно показывать и направление зачеркивания – слева снизу вверх направо (/) или наоборот, слева сверху вправо вниз (\), или крест-накрест (X), а не только горизонтально, как это единственно возможно сейчас.

^[14] Хорошо бы сюда же добавить еще и возможность двойного надстраивания, для исправлений дважды исправленного. (Впрочем, можно и сейчас для этих целей приспособить уже не надстрочный, а подстрочный шрифт, т.е. взяв его для первого уровня правки, для второго использовать строчный, а для третьего – надстрочный.

^[15] Обычно все купюры в тексте обозначаются многоточиями в угловых скобках: <...>. Мне кажется это слишком расточительным: разумнее было бы употреблять для этого простые скобки: (...) – все равно ведь как самостоятельный знак в каком-то ином значении вместе с многоточием они не используются.

^[16] Описание фонда Салиас де-Турнемир (544 единицы хранения) см.: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка, документы // Бюллетени Государственного литературного музея. № 5. М.: ГЛИМ, 1940.

^[17] Оба сравниваемых канона написаны на смеси русского и церковнославянского языков. Цитаты из канона Суворова даются по изданию [Жукова 2002, с. 146–159], где при передаче рукописи Суворова использована новая орфография.

^[18] В этом фрагменте происходит еще и мена местоимений.

^[19] Не исключено, что в некоторых случаях это просто опечатки, возникшие при передаче суворовского текста.

^[20] Доклад подготовлен в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РГНФ № 14-04-00380.

^[21] Козлов В. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953-1982 годы: по рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 93-111

^[22] http://www.chinapads.ru/c/setevoy_jargon

^[23] <http://antimil.livejournal.com/70418.html>

^[24] <http://otvetin.ru/kompinetsoft/18594-chto-takoe-akkaunt.html>

^[25] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-61-01000 а/П.

^[26] Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ 2013-2014 № 13-04-12002в.

^[27] РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 8. Л. 1 – 179 об.

^[28] ГБУ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 313. Д. 852. Л. 1 – 57. Оп. 79. Д. 1719. Л. 1 – 19. Оп. 78. Д. 3754. Л. 1 – 10.

^[29] В «Памятной книжке Смоленской губернии на 1911 год» (Смоленск: Типография П.А. Силина, 1910. С. 243 – 244) в разделе «Министерство военное. 1-ый пехотный Невский Его Величества Короля Эллинов полк, расположенный в городе Рославле» числится лекарем Тихон Дмитриевич Фаддеев (командир полка – полковник Сергей Алексеевич Свечин).

^[30] Настоящее имя Александр Александрович Малиновский (1873 – 1928). Автор идеи создания тектологии – науки об общих принципах организации. В своем главном труде «Тектология: всеобщая организационная наука» (1913 – 1922) предвосхитил некоторые основные положения таких современных научных направлений как кибернетика, системный подход, структурализм, синергетика и др.

^[31] Полное имя в рукописи, к сожалению, не указано.

^[32] Батракова С.П. Нина Александровна Дмитриева // Н.А. Дмитриева «В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет». М. «Прогресс-Традиция», 2009. С. 7.

^[33] Там же. С. 7.

^[34] Дмитриева Н.А. М.В. Алпатов—выдающийся учёный, пропагандист искусства, педагог

^[35] Дмитриева считала, что между деятельностью критика и деятельностью историка искусства нет принципиальной методологической разницы, практически, почти каждый искусствовед – критик, а каждый критик – искусствовед. «У них одинаково трудная задача, сказать нечто новое – историку искусства о явлении, с уже сложившейся отстоявшейся репутацией, а критику оценить только что появившееся и как бы ввести его в историю». Н.А. Дмитриева «Живое слово критика» // Декоративное искусство СССР» 1977, № 6. С. 28.

^[36] Батракова Светлана. Нина Александровна Дмитриева // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. М., 2004. С. 294

^[37] Н.А. Дмитриева «Живое слово критика» // Декоративное искусство СССР» 1977, № 6. С. 28.

^[38] Там же. С. 28.

^[39] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-33-01259

^[40] Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 372.

^[41] Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 10.

^[42] Там же. С. 175.

^[43] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336 а.